

Юрий Ситников

Майнственные
Приключения

Юрий Ситников

ЭКСТРИМ НА КАНИКУЛАХ

ЭКСТРИМ НА КАНИКУЛАХ

Миниственные
Приключения

ЭКСТРИМ НА КАНИКУЛАХ

Какие появляются мысли, если вечером твоей ушибленной руке нанесли некое ранение, а утром ты обнаруживаешь в своей сумочке окровавленный нож? Можно ли оправдаться перед совестью, зная, что между тобой и вбившим в кожу ушибителем накануне случилась крупная ссора? Почему наутро напрочь стерла все произошедшее после ссоры события?

И, наконец, к кому можно обратиться за помощью, если ты изгой в классе и у тебя нет друзей?

Старшеклассница Аня Нефедова уже была готова пойти с подругой в полицию, когда Глеб, Аня, Люся и Димон предложили ей свою помощь.

Ребята решили провести собственное расследование и доказать невиновность Ани.

И вдруг Аня получила записку: «Я знаю твою тайну»...

ISBN 978-985-549-401-1

9 789855 494011

6+

По вопросам реализации
обращаться
в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске:

(10375-17)-387-05-51,

387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

Маленькие
Приключения

Юрий Ситников

ЭКСТРИМ НА КАНИКУЛАХ

Минск
«Букмастер»

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)-44
С41

Серия основана в 2012 году

- Ситников, Ю.**
С41 Экстрим на каникулах : повесть : для детей мл. и сред. шк. возраста / Юрий Ситников. – Минск : Букмастер, 2013. – 288 с. – (Таинственные приключения).

ISBN 978-985-549-401-1.

Какие появляются мысли, если вечером твоей учительнице нанесли ножевое ранение, а утром ты обнаруживаешь в своей сумочке окровавленный нож? Можно ли оправдаться перед совестью, зная, что между тобой и впавшим в кому учителем накануне случилась крупная ссора? Почему память напрочь стерла все произошедшие после ссоры события? И, наконец, к кому можно обратиться за помощью, если ты изгой в классе и у тебя нет друзей?

Старшеклассница Аля Нефедова уже была готова пойти с повинной в полицию, когда Глеб, Алиса, Люська и Димон предложили ей свою помощь.

Ребята решили провести собственное расследование и доказать невиновность Альки.

И вдруг Аля получила записку: «Я знаю твою тайну»...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-985-549-401-1

© Ситников Ю., 2013

© Оформление. ООО «Букмастер», 2013

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страшные выходные

Альки Нефедовой

Одноклассники могут быть жестокими, это Аля поняла давно. Ее начали высмеивать месяцев шесть назад, за это время она превратилась в объект постоянных приколов и издевок. Трудно и обидно ощущать себя огородным пугалом, терпеть жестокость сверстников, сносить их насмешливые, а иногда и злые взгляды, постоянно находиться на грани.

Каждый день Алевтина шла в школу как на каторгу, еще не успев переступить ее порога, она уже знала, что ближайшие пять-шесть часов ей придется стойчески выдерживать нападки окружающих. А потом, после уроков, дома, оставшись один на один с собой и своим горем, реветь в подушку.

Аля училась в десятом классе и считала дни, когда ненавистная школьная пора останется позади, со всеми своими уроками, звонками, переменами, одноклассниками и учителями. Есть

мнение, что школьные годы самые счастливые годы в жизни человека; Аля Нефедова знала совершенно точно — о своих школьных годах она никогда не будет вспоминать с теплотой и нежностью, она вообще никогда не будет о них вспоминать. Она ненавидит школу!

...Шел урок биологии, Алевтина стояла возле своей парты, глаза опустила в пол, правой рукой крепко держалась за спинку стула. Взгляды одноклассников были обращены в ее сторону, в классе стоял смех, кто-то даже хохотал. Биологичка Варвара Витальевна сидела за своим столом, не собираясь призывать класс к тишине. Она, как и все, насмешливо смотрела на Алевтину и ждала... Ждала, когда та сломается, сорвется с катушек и разрыдается. Но Алька терпела. Нет, такого удовольствия она им не доставит. И пусть хоть конец света нагрянет, Алька будет держаться до конца.

Смех нарастал, кто-то бросил в Альку скомканный тетрадный лист, попал в затылок.

— Комаров! Давно не убирался в классе, — наконец подала голос биологичка. — Подними листок. Тишина! Закончили сеанс смехотерапии.

Ах, значит, это была смехотерапия? Получается, Алевтина выступала в качестве наглядного

пособия, ее подняли с места, все начали ржать, и это называлось сеансом смехотерапии. Как же она их ненавидела в этот момент, всех без исключения: придурковатых одноклассников, стареющую училку, а заодно и себя, за слабование и неумение в нужный момент дать отпор.

Злость и ненависть начали подтачивать Алевтину изнутри, она подняла глаза на Варвару Витальевну и что-то тихо прошептала. Что именно никто не услышал.

— Все, продолжаем урок, — биологичка встала из-за стола, прошлась по классу, остановившись в метре от Алевтины.

— Нефедова, уже в который раз ты срываешь мне урок. Что с тобой делать?

— На костре сжечь, как ведьму! — выкрикнул высокий парень.

— Комаров! Рот закрой. Алевтина, что ты молчишь?!

— А что говорить? — прошептала Алька. — Ставьте два, если другого выхода нет.

— Это будет третья двойка, через пару недель заканчивается учеба, ты вообще думаешь об оценках? Завтра контрольная, и ты опять напишешь ее на три с минусом, а в конце года ко мне твоя мать прибежит. С цветами и конфетами.

— Варвара Витальевна, зачем вы так? — Аля сглотнула, ощутив, как по телу разливается нервная дрожь.

— Как, так? Я правду говорю, ты ж у нас учишься на подарках. Или думаешь, я ничего не вижу, ничего не знаю. Я ваш классный руководитель, и мне известно, как твоя мама ходит в конце четвертей по классам с пакетами в руках. А тебе потом четверки ставят вместо заслуженных двоек.

— Несправедливость, — не мог уговориться Витька Комаров. — Варвара Витальевна, а давайте учиним над Алевтиной товарищеский суд.

— Помолчи, Виктор!

— Да, Витек, ты лучше заткнись, а то я сам тебе рот заткну, — не выдержал Димон.

— Замолчите оба! — биологичка вернулась к столу. — Садись, Нефедова. Доклад ты не подготовила. Ставлю два. Готовься к следующему уроку. Ты хоть тему свою помнишь?

Алевтина закусила губу, и начала боязливо озираться по сторонам.

— Не помнит она ничего, — засмеялась Наташка. — Маразм Альку одолел.

— Нефедова, я жду, — торопила биологичка.

Аля открыла тетрадь, стала судорожно перелистывать страницы, к глазам подступили слезы. Ну где, где записана эта чертова тема доклада? Она же точно помнит, что записала ее. Но где?!

— Все с тобой ясно, — вздохнула Варвара Витальевна. — Нефедова, записывай...

Обидное «склеротичка» раздалось сзади. Кто именно крикнул, Аля не знала, не стала оборачиваться, но это явилось последней каплей. Бросив в пакет тетрадь, ручку и учебник, Алевтина схватила кожаную сумочку и выбежала из класса.

— Нефедова, вернись! Ты меня слышишь?!

Забежав за школу, Алька немного успокоилась. Она начала дышать равномерно, как ее учила Маргарита Анатольевна: глубокий вдох, и медленный выдох. Вдох-выдох.

Легкий ветерок трепал волосы, Алька бесцельно брела по стадиону, изредка убирая с лица непослушные светлые пряди.

Как же так могло получиться, что она забыла подготовить доклад? Почему Алька вбила себе в голову, что ее доклад должен был состояться только через урок? Ведь она пребывала в твердой уверенности, что сегодня доклад будет читать Глеб Озеров. Память... Опять ее подвела память. Алевтину сковал уже знакомый липкий

ужас, стало страшно за себя, за свое будущее, которое вырисовывалось серым и унылым.

— Прогуливаешь? — услышала Алька шутиливый голос. К ней приближалась Люська Озерова, сестра Глеба — одноклассника Алевтины. Люська училась на класс младше и была неплохой девчонкой. Во всяком случае, над Алевтиной она никогда не подтрунивала.

— Привет, Люсь. А сама, почему не на уроке?

— У нас алгеброид заболел, грипп его свалил, — усмехнулась Люська, откусив от плитки шоколада большой кусок. — А ты чего здесь?

— Да ну, уйти с урока пришлось.

— Аль, ты плакала?

— Достали меня. Ну подумаешь, забыла доклад сделать, зачем ржать-то? И Варвара с ними заодно, она меня ненавидит.

— Димон не мог над тобой ржать, и Глеб тоже.

— Я не говорю про них. А твой Димка даже защищать от нападок Комара пытался.

— Он у меня такой, — согласилась Люська. — Шоколадку хочешь?

— Нет. Если честно... Аля помолчала, — Люсь, я вам завидую. Завидую вашей четверке. Ты с Димкой, Глеб с Алиской, у вас классная компания, а у меня никого нет.

— Да ладно, Аль, чего ты грузишься. Пошли их всех, пусть ржут, если мозгов нет.

Алька всхлипнула, а Люська вдруг оживилась.

— Слушай, Алька, а давай с нами в субботу на пикник. Мы за город рвануть собираемся, посидим, шашлык будет, соглашайся.

— В субботу? Это уже послезавтра? Не знаю, Люсь...

— Да чего не знаю, хочешь поехать или нет?

— Хочу.

— Все, договорились, значит, в субботу в десять часов мы за тобой заходим. Идет?

— Спасибо, Люсь.

— Ерунда. Ты только смотри, задний ход не вздумай дать, учти, я теперь с тебя не слезу, и если откажешься ехать на пикник... — Люська задумалась. — Превратишься в кровного врага. Поняла? Ну все, давай, до послезавтра.

Алевтина вернулась в школу за пять минут до начала перемены. После биологии у них будет окно, Аля решила зайти к Маргарите Анатольевне, сегодня ее поддержка необходима как воздух. Умывшись и стянув волосы в тугий хвост, Аля поспешила в кабинет школьного психолога.

Десять минут спустя, она рыдала, сидя на неудобном стуле.

— Маргарита Анатольевна, мне страшно, я теряю память, меня обзывают маразматичкой, склеротичкой, надо мной все смеются. Что будет через месяц, а через год, я стану слабоумной, да?

— Аля, девочка моя, ну что ты говоришь. Успокойся, прошу тебя.

— Сегодня забыла подготовить доклад, даже тему свою вспомнить не могу. Что это, чем я болею, Маргарита Анатольевна?

— Так, давай договоримся, ты берешь себя в руки и перестаешь лить слезы. Выпей воды.

— Не хочу.

— Давай-давай, через нехочу, несколько глотков сделай. Вот, молодец. Теперь глубокий вдох. Ну... Как я тебя учила. Выдох! Так, а теперь повтори несколько раз.

Немного успокоившись, Аля высморкалась в бумажный платок.

— Простите, — пробормотала она, виновато глядя на психолога.

К Маргарите Анатольевне Аля ходила раза два-три в неделю на протяжении шести последних месяцев. С тех самых пор, когда у нее начались проблемы с памятью, Маргоша, так ласково

называют психолога в школе, всеми силами старалась ей помочь. И у нее это получается, после бесед с психологом Аля всегда полна решимости, оптимизма, но, увы, его хватает ненадолго.

— Аль, когда приезжает твоя мама?

— Не раньше конца июня.

— Ты знаешь, мне с ней необходимо еще раз переговорить, — Маргарита Анатольевна виновато улыбнулась.

— Хорошо, я попрошу ее зайти к вам. Ой, так будут же каникулы.

— Ничего, пусть позвонит мне домой. Ну, ты пришла в себя?

— Вроде да.

— Давай, рассказывай все по-порядку.

Аля пересказала о сеансе смехотерапии на уроке биологии.

— Аль, ну, говоря откровенно, каждый мог забыть о докладе.

— Я постоянно что-нибудь забываю. Делаю, а потом не могу вспомнить.

— Это нервы.

— А если нет?

— Нервы, Аля, нервы и ничего больше.

— Не знаю, Маргарита Анатольевна, в нервах ли дело. Вот, допустим, иду в магазин, хожу по

торговому залу, бросаю продукты в тележку, а когда домой возвращаюсь, вспоминаю, что забыла купить то-то и то-то.

— Да со мной такое постоянно происходит. А посмеяться хочешь? Я перед походом в магазин составляю список необходимых продуктов. И в шести случаях из десяти, забываю этот список дома. Аля, не терзай себя, у тебя хорошая память, но ты немного рассеянна, невнимательна. Продолжаешь делать упражнения на концентрацию внимания?

— Да.

— Понимаешь, в твоем возрасте любая проблема, даже самая незначительная, воспринимается остро. Она раздувается до огромных масштабов и становится той самой занозой, которая мешает жить. Не позволяй проблемам брать над тобой верх, борись с ними. И, ради бога, Аля, не забивай голову ерундой, ты ничем не больна, ты просто устала. Скоро каникулы, постарайся хорошенько отдохнуть, лучше с друзьями где-нибудь на природе. Увидишь, проблемы отодвинутся на десятый план.

— А вдруг не отодвинутся? Если моя забывчивость будет и дальше прогрессировать,

я стану забывать имена знакомых, забывать названия предметов и...

— И полетишь в Космос, — огорошила Маргарита Анатольевна.

— Почему в Космос? — удивилась Алька.

— А почему бы и нет, Аль? Давай поговорим с тобой на твоём же языке. А что если ты завтра найдёшь миллион рублей, а что если ты послезавтра купишь собаку бойцовской породы? А если она тебя укусит, а если она кусает всех соседей? А если они подадут на тебя в суд? Почему ты смеёшься?

— Да не будет такого, — Аля провела ладонью по лбу.

— Ты уверена?

— На все сто. Во-первых, я не найду миллион, во-вторых, не куплю собаку бойцовской породы, в-третьих...

— Стоп! Вот видишь. В данном случае ты на все сто уверена, что мои слова полный бред, так?

— Ну, в каком-то роде да.

— А почему же твои опасения, извини, но они тоже бредовые, должны обязательно осуществиться? Ну, ответь? С какой стати ты начнёшь забывать имена знакомых людей? Аль, тебе необходимо тренировать внимание. Ты пережила

сильнейшее нервное потрясение, отсюда и рас-сеянность появилась. Это пройдет, поверь мне, но немножечко потренироваться стоит. В любом случае не помешает. Согласна?

Алевтина пожала плечами.

— Но тему доклада я забыла.

— Ты сама моделируешь стрессовые ситуа-ции, подсознательно внушая себе, что имеешь проблемы с памятью. Знаешь, кто может при-чинить наибольший вред человеку? Он сам! Да, сам. Если постоянно изо дня в день, из месяца в месяц внушать себе, что ты болен, то в конечном итоге ты и, правда, можешь заболеть. Самовну-шение может приносить как пользу, так и вред, в твоём случае о пользе речи не идет. А что ка-сается темы доклада, ну-ка закрой глаза. Рас-слабься. Про себя досчитай до двадцати и об-ратно. Считай медленно, дыши ровно.

Алька повиновалась.

— Ты сейчас о чем-нибудь думаешь? — спро-сила Маргарита Анатольевна спустя минуту.

— Нет.

— Подумай о докладе. О своей теме. Поста-райся представить, как ты берешь ручку и за-писываешь название темы в тетрадь. Пишешь и видишь. Ну, Аль... Вспоминаешь?

— Пока нет.

— Ты же записывала тему в тетрадь? — голос Маргариты Анатольевна сделался более требовательным, настойчивым.

— Да.

— Значит, должна помнить, — Маргарита Анатольевна умолкла, отошла чуть в сторону, неотрывно наблюдая за Алевтиной.

Секунд сорок спустя Алька быстро открыла глаза.

— Маргарита Анатольевна, вспомнила! Моя тема: *«Ценность биологического разнообразия биосферы»*. Точно!

— А для этого всего-навсего требовалось успокоиться и сконцентрировать внимание. Когда у вас биология?

— Завтра.

— Успеешь доклад подготовить?

— Завтра контрольная, доклад мне в следующий четверг делать.

— Отлично, Аль, желаю удачи, — Маргарита Анатольевна обняла Алевтину за плечи и прошептала: — Все у тебя хорошо, девочка моя, нищи проблем там, где их нет и быть не может.

Весь вечер Алька просидела за учебником, прочитала восемь параграфов, ответила на все

дополнительные вопросы, проштудировала рабочую тетрадь, оставшись довольной результатом. Тема, по которой завтра будет контрольная, выучена, не вызубрена бездумно, а именно выучена, разобрана и понята. Алька не сомневалась, высший бал за контру ей обеспечен. Она так увлеклась, что забыла поужинать, опомнилась уже в полночь, наспех сделала два бутерброда с сыром, налила стакан молока, проглотила все это и легла спать.

...Биология была предпоследним — пятым — уроком. Перед контрольной Алевтина немного нервничала, постоянно доставала из сумки бутылку с минералкой, делая по два-три глотка.

Прозвенел звонок, все расселись по своим местам. Варвара Витальевна раздала листы с тестовыми заданиями. Алька схватила листок, пробежала глазами по вопросам и возликовала: все это она знала, дать правильные ответы не составит труда.

— У вас сорок минут, — завела старую пластинку биологичка. — У каждого по двадцать вопросов, читайте внимательно, торопиться не надо, если на какой-нибудь вопрос не знаете ответа, переходите к следующему. На каждый вопрос даны четыре варианта ответа, правильный

ответ необходимо подчеркнуть. Тем, кто хорошо усвоил тему, тестовое задание покажется пустяком. Приступайте.

Алевтина взяла ручку и в этот момент ощутила толчок в спину.

— Слышь, Нефедова, ты сегодня в норме или опять в маразме? — шепотом спросил Витька Комаров.

Соня, его соседка по парте, засмеялась.

— Отвали! — сквозь зубы процедила Аля.

— Нефедова, у тебя на волосах паутины полно. Ты че, в подвале ползала?

Алька резко обернулась, посмотрела на Витьку, а затем начала быстро проводить ладонью по волосам. Витька с Сонькой заржали.

— Ну ты и лошара, Нефедова.

Варвара Витальевна не успела сказать, чтобы все умолкли, ей помешал Димон. Он вскочил с места, подошел к Витьке и двинул ему по лицу. Комаров грохнулся на пол, по классу прошлось оживление, Алька с благодарностью смотрела на Димку.

Развопившись, Варвара Витальевна отправила Димона к директору, Комарова заставила умыться, а на Альку спустила всех собак, сделав виноватой.

— Теперь из-за тебя еще и драки прямо в классе устраивают. Молодец, Нефедова, ка-тишься по наклонной.

— Но я...

— Что ты?! Опять не при чем, да? Ничего не хочу слышать! Так, тишина, все продолжают отвечать на вопросы.

Алевтина на секунду зажмурилась, хотелось плакать, в груди появилась ноющая боль, одышка.

— Аль, не переживай, — прошептала сидевшая рядом Тоня. — Может, тебе выйти надо?

Алька мотнула головой, взяла ручку, установилась на лист с тестовым заданием и напроочь забыла все, что знала. Она читала вопросы, смотрела на варианты ответов, и чувствовала себя как медведь, очнувшийся после затянувшейся спячки.

Вскоре прозвенел звонок с урока, а Алька не ответила ни на один вопрос.

— Не забудьте поставить свою фамилию, — напомнила Варвара. — Сдаем работы.

— А когда будут оценки?

— Через неделю, не раньше. Соня, возьми листы, отнеси в лаборантскую, положи на вторую полку.

Алька вышла из класса и побрела к кабинету физики. Ее душила обида и злость. В таком состоянии она просидела половину физики, придя в себя уже перед самым звонком. И вдруг в голове появилась стоящая мысль. А что если пробраться в лаборантскую биологички, взять из шкафа лист со своей фамилией и быстро ответить на вопросы? Домой Варвара контрольные не понесет, проверять начнет не раньше понедельника, значит, не все потеряно.

Алька толкнула в бок Тоню.

— Тонь, не в курсе, кто сегодня дежурный?

— Я дежурная, — буркнула Тоня, ненавидевшая мыть полы и тереть парты.

— Слушай, а можешь меня выручить, давай дежурствами поменяемся.

— А ты когда должна?

— Во вторник. Но я не смогу, мне к стоматологу надо.

— Идет, — просияла Тоня. — Мне как раз сегодня влом сюда тащиться. Держи ключ.

От своих учеников Варвара Витальевна требовала строжайшей дисциплины, связанной с каждодневной уборкой класса. Она лично составляла график дежурств на каждый месяц, вручала его старосте класса Тоне.

Получив ключ, Алевтина ощутила внутреннее спокойствие, ей реально полегчало. Часа в четыре она придет убираться, убьет двух зайцев сразу, и никто не сможет обвинить ее в мошенничестве. Она готовилась к контрольной, она знала ответы на вопросы, а ничего не написала исключительно в силу обстоятельств. Поэтому исправить положение вещей считала своим долгом.

...Десять минут пятого Аля открыла дверь, просунула голову в класс и крикнула:

— Есть здесь кто-нибудь?

В ответ тишина. Отлично, Варвара Витальевна успела утопать домой. Дело за малым. Повернув ключ в замке, Аля достала из сумки ручку, поспешив войти в лаборантскую.

На придвинутом к окну столике она заметила блюдце, чашку с недопитым чаем, нож и крошки на скатерти. Опять биологичка пила чай и забыла вымыть посуду. От класса требует чистоты, а сама как свинья, даже убрать за собой не может.

С полки Алевтина схватила пачку листов, начав искать свою контрольную. Но сначала наткнулась на работу Комарова, просмотрела, усмехнулась. Идиот! Из двадцати заданий он правильно ответил только на три. А впрочем,

чему удивляться, что еще можно ожидать от второгодника. Потом Алька увидела лист Димона, нахмурилась, узнав, что пять вопросов он оставил без ответа. Не долго думая, она подчеркнула правильные варианты и, наконец, выудила из пачки свою контрольную.

Неизвестно, как и почему это произошло, но спустя минут десять, когда Алька уже заканчивала с тестами, дверь в лаборантскую открылась и на пороге появилась Варвара Витальевна. Увидев за столом Альку и разбросанные рядом листы, биологичка зашлась в крике. Алевтина пребывала в шоковом состоянии. Она настолько ушла в себя, отвечая на вопросы, что не слышала шума открываемой двери и шагов. Это был конец!

Варвара обещала устроить Алевтине веселенькую жизнь уже в понедельник.

— Мы с тобой поговорим в кабинете директора. Этот поступок тебе боком выйдет, Нефедова. И мать с подарками тебе не поможет.

— Оставьте в покое мою маму, — сухо бросила Аля, встав из-за стола.

— Что, не нравится, правда глаза колет? А ты подумай, каково ей будет, когда она узнает, в кого превратилась ее дочь. По чужим

полкам шаришь. Это так тебя мать с отцом воспитывали?

Алевтина вздрогнула.

— Не смейте упоминать отца! Не смейте! Слышите?! — прочеканила Алевтина, ощутив слабость в теле и легкое головокружение.

— Если бы он был жив...

— Замолчите! — сорвалась на крик Алька, сжав кулаки.

***

— Гле-е-еб, Алиска пришла, иди, встречай свою ненаглядную, — крикнула Люська.

— А где твой ненаглядный, где Димка? — спросила Алиса, чмокнув Люську в щеку.

— Еще не пришел. Глеб, ну сколько можно копать.

— Да иду я, иду. Привет, Алис. Люсь, все из холодильника взяла?

— Лед в морозилке оставила.

Я отмахнулся от сестры, прошел в кухню, проверил, выключен ли у нас газ и вернулся в прихожку.

— В принципе можно отчаливать. Димку на улице подождем.

Раздался звонок.

— А вот и он, легок на помине.

Димон первым делом побежал в ванную.

— Какие-то уроды в вашем лифте кнопки дрянью липкой намазали. Блин, Глебыч, у вас че, воды нет?

— Вода есть, — Люська зашла в туалет, открыла стояк и крутанула вентиль. — Мы ее отключаем, когда из дома надолго уходим.

— За фигом?

— Диана просит, чтобы ненароком не затопить соседей.

— А-а, меры предосторожности, ну-ну.

А сейчас я хочу сделать небольшое отступление, пояснив, кто, кому и кем приходится, чтобы в дальнейшем не возникло вопросов. Я — Глеб Озеров, мне пятнадцать лет, Люська моя сестра. Мы живем у Дианы, нашей бабушки, которая не приходит в восторг, когда к ней так обращаются. Диана народная артистка, работает в театре, снимается в кино и на телевидении. Часто уезжает на гастроли, на съемки, тогда мы с Люськой остаемся за полноправных хозяев. Родители у нас есть, отец бизнесмен, мать — домохозяйка, они живут в загородном доме, откуда мы с Люськой драпанули, когда познакомились с Димом и Алиской. Перевелись в новую школу,

обзавелись новыми друзьями-знакомыми и были вполне довольны жизнью.

Сегодня решили устроить пикник с шашлыком на природе, затарились продуктами, посмотрели по инету прогноз погоды — дожди вроде не ожидаются — и поспешили сгинуть из города в область. Поближе к чистому воздуху, подальше от смога.

На улице Люська вспомнила, что пригласила с нами Альку.

— Совсем забыла её позвонить, — опомнилась она, когда мы отошли на значительное расстояние от дома. — Ребят, надо вернуться. Неудобно получится.

— Люсь, ты все делаешь в самый последний момент.

— Глеб, я не виновата, замоталась.

— Тогда иди, чего ждешь, мы тут постоим.

— Нет, пошли все вместе, — вмешалась Алиска. — Люсь, а Алька согласилась поехать за город?

— Ну да, я с ней в четверг разговаривала.

— Если только она не забыла о нашем разговоре. Чего-то в последнее время Алька тормозит, — Димон переглянулся со мной, потом посмотрел на Люську.

— А мне ее жалко, — Алиса достала из кармана пачку жвачки, протянув всем по одной подушечке. — Столько всего на нее свалилось. Поэтому у нее и с памятью плохо стало, на нервной почве. Я вообще поражаюсь, такое впечатление, что в вашем классе одни придурки учатся, у человека горе, а они издеваются.

— Во-во, — поддакнула Люська. — Один Комар чего стоит — дебил со стажем. Алис, он вроде раньше с тобой в классе учился.

— Ну да, потом его на второй год оставили, он к ним перешел.

— А что мы можем сделать? Ни я, ни Глебыч над Алькой не издеваемся.

— Морду другим бить надо! — заявила Люська.

— Всем морду не набьешь, да и не действенный это метод. Если у человека в голове нет мозгов, от мордобоя они не появятся. Хотя Димон здорово Комару вчера врезал.

Минуты через две Димка спросил:

— Алис, а что у Альки случилось, почему ты про нервную почву сказала?

— А ты не знаешь, что ли?

— Нет.

— Дим, ты чего, с луны свалился?

— Алис, — я остановился, переложив сумку в другую руку. — Я вообще-то тоже не в курсах.

— Во дают, — протянула Люська. — Пацаны, а вы, оказывается, тормоза.

— На себя посмотри, давай, колись, чего у Альки случилось?

— Пусть Алиска рассказывает.

— У нее в сентябре отца убили. Он журналистом работал, Алька тогда на две недели в больницу загремела с нервным срывом.

— Я не знал, — едва слышно прошептал Димон.

— Ну, этим не принято хвастаться, вроде даже мать Али в школу приходила, с директором разговаривала, просила, чтобы про убийство не распространялись. Но слухи, есть слухи. Информация просочилась, начали шептаться по углам, половина школы точно в курсе.

— Кроме нас с Димоном. Алис, а мать у нее кто?

— Тоже журналист. Она спецкор, постоянно в командировках, месяцами дома не появляется.

— Подожди, а Алька с кем живет?

— Одна она живет, — встряла Люська. — Теперь понимаете, каково девчонке, днем над ней полудурки-одноклассники прикалываются, а вечерами она в четырех стенах мается. Мы с

Алиской пробовали с ней потеснее общаться, отказывается, думает, мы из жалости дружбу предлагаем.

— Да, дела, Димон, — я посмотрел на часы. — Теперь и я чувствую себя свиньей.

— Ты здесь не при чем, — успокоила меня Алиска.

Мы зашли в подъезд, поднялись на лифте на десятый этаж, и Люська нажала на кнопку звонка.

Аля открыла дверь минуты через три. Мы уже не рассчитывали увидеть ее на пороге. Она смотрела на нас сонными глазами, пытаясь понять, за каким чертом мы разбудили ее в десять утра в субботу.

— Привет, — протянула Алька, посторонившись. — Вы ко мне?

— Аль, че за дела, ты спала? — Люська бесцеремонно прошла в прихожую, уперев руки в бока.

— Спала. А... что-нибудь случилось?

— Случилось! Мы тебя на пикник приглашали, помнишь?

— Ой, Люсь...

— Забыла?

— Да нет, — Аля побежала в спальню. — Помню, мы с тобой позавчера на стадионе

разговаривали. Просто все из головы вылетело.

— Теперь ты проснулась, точнее, мы тебя разбудили, — улыбнулся Димон. — И ты обязана поехать с нами на шашлыки.

— Поедем, Аль, — я произнес это настолько жалостливым тоном, что Люська сразу на меня зашипела.

— Прекрати, Глеб, не разговаривай с ней как с идиоткой.

— Конечно, поеду, ребят. Дайте мне десять, нет, двадцать минут и я соберусь.

— Да хоть двадцать пять, — Люська пошла в кухню. — Аль, мы чайку выпьем?

— Все на кухне, Люсь.

— Такта у тебя на три копейки, — сказал я сестре. — Чайку она выпьет, ты еще ее стиральную машину своими шмотками загрузи.

— Глеб, помолчи. Алис, приструни его, он меня напрягает.

Пока Люська разливала чай, Алевтина переговаривалась с нами из комнаты.

— Ребят, у меня есть помидоры, огурцы, сыр. Можно взять.

— Мы все взяли и помидоры и баклажаны, — ответила Люська.

— А огурцы?

— Огурцы не нужны. Помидоры с баклажанами на шампур насадим... Кстати, Дим, шампура ты взял?

— Взял-взял.

— ...запечем их на костре, — Люська облизнулась. — И под мясо, самое то будет.

— У меня зефир есть, давайте возьмем, к чаю.

— Аль, я тебя сейчас ударю, какой чай на пикнике? Мы вообще-то шашлыки есть собираемся, а не чаи распивать.

Алевтина прошла в кухню, прислонилась спиной к стене и выдохнула.

— Фу! Вроде готова. Слушайте, а точно ничего брать не надо? Конфеты или печенье?

— Так, — Люська засучила рукава. — Держите меня, держите меня крепче, я сейчас начну с ней разбираться.

— Все, Люсь, я молчу, — Аля засмеялась и вновь скрылась в спальне. — Только сумочку возьму.

— Люська, мой посуду, — сказал я сестре, пока Алька копалась в комнате.

— Да без проблем, Глеб, — она демонстративно подошла к раковине, включив воду.

Посуда была перемыта, мы продолжали сидеть в кухне, Алевтина задерживалась.

— Аль, ты долго еще? — крикнул Димон.

Ответа никто не услышал.

— Аля, ты куда за сумкой отправилась?

— Мне это не нравится, — Алиска встала и вышла в коридор. Мы пошли за ней следом.

Алевтина сидела на кровати, рядом на полу лежала ее кожаная сумочка. Наше появление заставило Алю вздрогнуть, она резко вскочила с кровати, вытолкала нас из комнаты, хлопнув дверью.

— Я никуда не поеду! — кричала Алька, через закрытую дверь. — Не поеду. Уходите!

— Аль, ты чего, в чем дело?

— Не поеду я на пикник! Я ничего не хочу, мне надо побыть одной.

Мы слышали ее шаги и шуршание, но когда Люська попыталась открыть дверь, Алевтина завопила во все горло:

— Оставьте меня в покое! — Она упала на кровать, уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

Мы зашли в комнату. Сумки на полу уже не было, Алька рыдала навзрыд, нас ее резкая смена настроения испугала не на шутку.

— Дело ясное, — сказала Люська, сев на край кровати. — Шашлык отменяется. Аля, мы тебя не оставим, скажи, что произошло?

Но Алька продолжала рыдать. Она проплакала без малого час, потом, не реагирую на нас, заснула. И так продолжалось до самого вечера: Алевтина или плакала, или погружалась в кратковременную дрему, или лежа на спине, смотрела в потолок. Люська с Алиской остались у нее с ночевкой. Утром они сообщили нам с Димоном, что пока все без изменений.

— Может, «скорую» вызвать? — неуверенно спросил я сестру.

— И что им сказать? Не знаю, Глеб... С ней явно что-то случилось, причем внезапно. Она пошла за сумочкой, а потом... — договорить Люська не успела. Алевтина встала с кровати, посмотрела на нас и заплакала.

— Аль, давай мы позвоним врачу, — Алиса попыталась обнять ее за плечи, но Аля вывернулась.

— Не надо врача.

— У тебя что-то болит? — допытывалась Люська.

— Нет.

— Хочешь есть?

— Только пить.

Когда Алиска принесла стакан кипяченой воды, Аля попросила нас не оставлять ее одну.

— Пожалуйста, останьтесь со мной, мне страшно. Не уходите.

— Мы пробудем здесь сколько скажешь, не волнуйся.

Алька обняла Люську и заревела.

Вечером ей стало значительно лучше, Аля полила цветы, поела, потом снова взяла пластмассовую лейку.

— Аль, ты уже поливала цветы, — усмехнулась Люська.

— Разве? Когда?

— Десять минут назад.

— А-а-а... Ну да, поливала. А у нас завтра какой первый урок?

— История, — сказал Димон.

Алька растерянно осмотрелась по сторонам, будто оказалась в собственной квартире впервые.

— История, — повторила она. — Нам что-нибудь задавали?

— Давай ты ляжешь, — Люська повела ее в комнату. — Отдохни немного.

— Останешься ночевать?

— Мы с Алисой останемся, а завтра вместе в школу пойдем. Только я к себе на пару сек схожу, вещи возьму и учебники.

В полночь Люська позвонила мне на мобильник.

— Как Алька, — спешно спросил я, услышав в трубке голос сестры.

— Недавно уснула. Глеб, нам с Алиской кажется, она тронулась. У нее проблемы с головой, а я даже не знаю, к кому обратиться за помощью, и телефона ее матери нет.

— Посмотрим, что будет завтра. Люсь, вы там от нее ночью не отходите, спите по-очереди.

— Кого ты учишь, Глеб, — психанула Люська и отсоединилась.

Утром Аля выглядела уставшей, нервной, постоянно дергалась, вздрагивала. Люська напоила ее отваром пустырника, Алиса помогла собрать учебники и тетради.

В школу мы пришли в четверть девятого, и уже на первом уроке узнали страшную новость. В пятницу вечером в кабинете биологии, — а точнее в лаборантской — охранник обнаружил раненую Варвару Витальевну. Нашей учительнице и классному руководителю было нанесено два ножевых ранения.

В состоянии комы она находилась в одной из столичных больниц...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Презумпция невинности

Уроков, как таковых, у нас не было; в старших классах атмосфера царила не учебная. В классе стоял гул, мы сидели за партами, переговаривались, обсуждали, поражались. На учителей было жалко смотреть, попытка убийства Варвары Витальевны, да ни где-нибудь, а в стенах родной школы, явилась для них настоящим шоком.

В кабинете директора расположился следователь Огнищев, сам директор на время общения Огнищева с учениками, перебрался в учительскую.

Для беседы нас вызывали по одному, долго не задерживали, вопросы Огнищев задавал тактично, старался, так сказать, не травмировать неокрепшую подростковую психику.

Когда пришла моя очередь давать показания, я честно признался, что Варвару Витальевну видел в пятницу на предпоследнем уроке. Все — больше ничего не знаю. Меня отпустили через пять минут.

Алевтину Огнищев продержал немного дольше.

— Мне сказали, ты дежурила в пятницу в классе, — спросил он у Али, подметив, как сильно дрожат у нее губы и трясутся руки.

— Да, дежурила, — Алька говорила тихим голосом, следовательно приходилось напрягать слух и подаваться чуть вперед, чтобы слышать ее едва уловимую речь.

— Во сколько ты пришла в класс?

— Точно не помню, где-то около четырех часов.

— Ты была там одна?

— Мы всегда убираемся поодиночке. В других классах дежурных двое, а у нас, — Аля умолкла.

— А у вас? — задал вопрос Огнищев.

— Варвара Витальевна настаивает, что одного человека для уборки класса достаточно.

— Понятно. И долго ты убиралась?

— Минут тридцать, потом ушла домой.

— Приблизительно в половине пятого, так?

— Наверное, — Аля начала кашлять.

Следователь протянул ей стакан воды.

— Спасибо, — буркнула Алька, сделав несколько больших глотков.

— Вспомни, кто-нибудь заходил в класс, пока ты убиралась?

— Пришла Варвара Витальевна, она попросила меня уйти домой. Я ушла. Это все.

— А спускаясь вниз, ты кого-нибудь встречала?

— Я не обращала внимания на лица. Извините.

— Скажи, а почему ты дежурила вне очереди. Твоя фамилия Нефедова, у меня есть график ваших дежурств, — Огнищев отыскал среди бумаг лист формата А4 и нашел фамилию Альки. — В пятницу стоит фамилия Кумушкиной Антонины. Дежурство Нефедовой во вторник.

— Знаю, мы с Тоней поменялись. На вторник у меня талон к стоматологу.

Следователь кивнул.

— Что ж, Алевтина, спасибо, ты можешь идти.

Прежде чем встать с кресла, Алька немного поколебалась, исподлобья посмотрела на Огнищева, после чего резко встала и выбежала в приемную. У нее горели щеки, в горле стоял ком, требовалось немедленно умыть лицо холодной водой. Алька побежала в туалет.

В половине второго мы возвращались домой.

— А кто-нибудь видел, когда ушла Алька? — спросила Люська, пнув ногой жестяную банку.

— У нас физра последним уроком была, Аликка редко на ней появляется.

— Может, зайдём к ней?

— Я не против, — Алиска посмотрела на меня. — Глеб, а ты?

— Пошли, — мне было все равно, куда идти. Настроение отвратное, сидеть дома в четырех стенах в таком состоянии строго противопоказано.

— Варвару убить пытались, — в сотый раз проговорил Димон. — Капец! До меня еще это не дошло, не могу осознать.

— Такая же фигня, — согласилась Люська. — Попытка убийства в школе — обалдеть!

— Я еле до конца уроков досидела, — призналась Алиска. — В туалет было страшно заходить.

— Да брось, или думаешь, убийца до сих пор в школе?

— Все равно страшно.

— А семья у Варвары есть?

— Муж и, по-моему, дочь, вроде уже взрослая.

— Жесть! Пытались замочить в своем же классе.

— По-вашему, убийцу найдут? — Алиска остановилась и смотрела на нас с вызовом.

— Думаю, да, — протянул я.

— Да никого они не найдут, Глебыч. Не доверяю я нашим органам.

— С чего вдруг?

— Не знаю, не доверяю и все, — ответил Димон.

— Я с Димкой согласна, — кивнула Люська. — Ну, вот у Альки отца убили, и что, нашли этих подонков? Нет, конечно. И не найдут, а потом дело закроют и на полочку в архив отправят. Убийца на свободе, ходит среди нас по улицам, есть в кафе, ездит в метро. Эй, Глеб, куда зарулил, Алькин подъезд прямо.

— Задумался.

Алевтина открыла дверь практически сразу. Понуро опустив голову, она пропустила нас в прихожую, дождалась, пока Димон хлопнет дверью, и как-то уж очень по-обыденному сказала:

— Ребят, Варвару Витальевну ранила я.

Первая мысль — шутка. Неудачная, жестокая, нелепая и безрассудная шутка. Но, глядя на бледную Альку, видя ее перепуганное до полу-смерти лицо, мелькавший в глазах страх, мысль о шутке начала постепенно вытесняться.

Ни пророня ни слова, Аля пошла в комнату, мы, как загипнотизированные, двинулись за ней.

На письменном столе, том самом, за которым она делала уроки, читала-писала, учила, лежал прозрачный полиэтиленовый пакет. Внутри пакета мы увидели перепачканный кровью нож. Да и сам пакет был вымазан кровью.

Я сразу узнал нож нашей биологички, именно этим ножом она часто резала тортики с которыми после окончания уроков любила выпить чай в лаборантской.

Димон схватил Алю за плечи, начал трясти.

— Ты что, офонарела?! Что ты наделала, дура!

— Я не хотела, — по щекам Алевтины потекли слезы. — Сама не знаю, как так получилось.

— Почему ты это сделала? — Алиска была вынуждена сесть на край кровати, у нее подкашивались ноги.

— Не знаю, — заплакала Алька. — Я ничего не помню.

— Да тебя теперь...

— Дим, погоди, — я взял Альку за руку, посмотрел ей в глаза. — Что, значит, не помнишь?

— Я не ответила на тестовые задания, потом поменялась с Тонькой дежурствами, зашла в лаборантскую, взяла свой листок, и вдруг в лаборантской появилась Варвара. Она стала меня

оскорблять, вспомнила отца, говорила, что я пошла по наклонной.

— И за это ты пырнула ее ножом?

— Нет, — Алька замотала головой. — Я не помню. Помню только, как выбегала из класса, как спускалась по лестнице, улица, мой подъезд, дверь и кровать. Я легла спать.

— Состояние аффекта? — тихо спросила у меня Люська.

— Да какой аффект, не резала она никого.

— Как не резала? — в один голос спросили Люська с Алевтиной.

— Ты сама говоришь, ничего не помнишь, а раз не помнишь, зачем на себя наговариваешь.

— Глебыч, ты че, ее выгораживать собрался, — набычился Димон. — Не-е, так дело не пойдет. Вы как хотите, а я умываю руки. Эта ненормальная пыталась грохнуть училку, и я с ней связываться не хочу, потом еще как соучастника в колонию отправят. Я сваливаю отсюда.

— Дим, я с тобой, — Люська посмотрела на Альку и выдавила: — Советую тебе пойти к следователю.

— Стойте! — окрикнул я сестру с Димкой. — Димон, Люсь, какая колония, какой

следователь, кого вы обвиняете, посмотрите на нее, это же Алька. Алька Нефедова.

— Мы в курсе как ее зовут, но мы так же слышали ее признания и видим окровавленный нож.

— Нож Варвары, — согласился Димон.

— Глеб прав, — на мою сторону встала Алиска. — Не могла Аля убить Варвару.

— А нож? — едва слышно спросила Алевтина.

— Что ты заладила, нож-нож, что нож, он есть, согласен, но это ни о чем не говорит.

— Хорошенькое дело, — хмыкнула Люська, — Дим, ты слышал, оказывается окровавленный нож совсем не улика.

— Люсь, умолкни.

— А ты мне рот не затыкай, если вам с Алиской нравится выгораживать убийцу, пожалуйста, карты в руки, а мы уходим.

— Ты можешь помолчать? Сядь, дай с мыслями собраться, поймите, здесь очень много нестыковок. Очень!

— Например?

— Например, если Алька действительно пырнула Варвару, на кой черт она показала нам нож и призналась в содеянном?

Люська вытянула губы трубочкой.

— Раскаялась. А тем более она не помнит, как орудовала ножом, склероз разыгрался.

— Не забывай, что существует презумпция невиновности.

— Глебыч, не надо только здесь ля-ля, презумпция невиновности, пятое, десятое. Хорошо, предположим, я на минуту готов тебе поверить, тогда объясни мне, только объясни популярно, как здесь оказался нож?

— Да, Глеб, давай блесни красноречием, мы ждем, — язвила сестра.

Выдержав паузу, я обратился к Алевтине.

— Аль, вспомни, ты видела нож в лаборантской?

— Да. Сразу заметила его на столе, как только зашла. Там еще чашка с блюдцем стояла и крошки от торта на скатерти.

— Когда ты разговаривала с Варварой, где стояла ты и где она?

Алька задумалась.

— Сначала я возле стола стояла, а потом она подошла ближе, а я отошла к двери.

— Ну? — я посмотрел на Димона.

— Это ни о чем не говорит, — развел он руками.

— По-твоему, Алька пырнула ножом Варвару, положила его в полиэтиленовый пакет и унесла домой?

— Ты же видишь, нож и пакет здесь, значит, все так и было.

— А где логика, Дим, какой ей смысл тащить нож домой?

— Я обнаружила его еще в субботу, — огорошила признанием Алевтина. — Помните, вы на кухне сидели, а я за сумочкой пошла.

— Ну?

— Открыла ее, а там нож...

— Подожди, поэтому с тобой истерика случилась? — нахмурилась Люська.

— Я в ступор впала, нож-то моментально узнала, а когда кровь увидела, чуть сознание не потеряла. Сразу сообразила, произошло что-то ужасное.

— Почему нам ничего не сказала?

— Боялась. Ребят, я ведь ничего не помнила, только мелочи, а все подробности стерлись из памяти. Я убийца! Я пыталась убить Варвару Витальевну! — Алевтина упала на пол, Алиска с Люськой начали ее успокаивать.

— Видел? — спросил я у Димона. — Не тянет Алька на убийцу. И улик кроме этого ножа против нее нет.

— Ножа достаточно.

— Для настоящего убийцы — да, но не для Альки.

— Дим, наверное, Глеб прав, — неожиданно заявила Люська.

— И ты туда же?

— Посмотри на нее, она не могла это сделать. Аль, я тебе верю. Не плачь, Алька!

Димон пнул ногой дверь.

— Блин, свяжешься с вами. Развели здесь детский сад: могла, не могла. Ну ладно, черт с вами, закроем глаза на в принципе видимую правду, но тогда объясните мне появление в ее сумочке окровавленного ножа.

— Ответ очевиден, — Алиска встала, подошла к письменному столу. — Нож Альке подбросили.

— Кто?

— Убийца.

— Хм... Да, в логике тебе не откажешь.

Несколько минут спустя, когда Аля уже сидела на кровати, а Алиска гладила ее по волосам, Димон сел рядом.

— Аль, слушай, я не знаю, что там произошло в пятницу, но, в общем, извини. Наверное, Глеб бы действительно прав, тут разобраться надо, а презумпцию невиновности никто не отменял.

— Так давайте разберемся, — предложила Люська.

Димон поймал мой взгляд.

— А что, попробуем доказать самим себе, что черное это на самом деле белое, а?

Алька всхлипнула.

— Я могу быть не при чем, да?

— Так и есть, Аль, — попыталась улыбнуться Алиса.

Через час, когда страсти немного поутихли, Димон предложил Альке напрямь память и попытаться вспомнить хоть что-нибудь.

— Давай вместе пробовать. Я буду говорить, а ты вспоминай, должна же твоя память прийти тебе на помощь. Короче, ты пришла в класс, зашла в лаборантскую, села за стол, потом туда ворвалась Варвара, вы пообщались, и ты отправилась домой. Живая невредимая Варвара Витальевна осталась в кабинете. Подумай, кто мог подбросить тебе в сумку нож?

— А вдруг он там уже лежал? — предположила Алиска. — Алька сидела в лаборантской, сумочка была в кабинете, кто-то мог положить туда такой же нож, как у Варвары, предварительно испачкав его кровью. Стойте, а вдруг это не кровь вовсе?

— Интересная версия, только как мы узнаем, чем перепачкан нож? На экспертизу его не повезешь же.

— Нет, — крикнула Алька.

— Что нет?

— Ножа в сумочке не было. Я точно знаю, когда пришла домой, подошла к двери, и долго искала ключи. Да-да, я рылась в сумке, а потом нашла связку во внутреннем кармане. Если бы нож уже лежал там, я бы его заметила. Ребят, ножа в сумочке не было, — теперь Алька расплакалась от счастья. — Я пришла из школы без ножа. Без ножа, понимаете?

— Выходит, его подбросили позже.

— Каким образом, разве у кого-нибудь есть ключи от квартиры?

— Нет, — мотнула головой Алька. — Ключи только у меня и у мамы.

— У тебя две двери, ты обе закрываешь?

— В основном только наружную, металлическую.

— На задвижку?

— Задвижки у нас нет, я на нижний замок закрываю.

— Не стыкуется ничего, — злилась Люська. — Предположим, нож подбросили, проникли в

квартиру и зачем-то оставили его в сумке Альки. Но!.. Откуда этот человек мог знать, что Алька сразу ляжет спать, заснет богатырским сном, не видя и не слыша ничего вокруг? Не ясновидящей же он, в самом деле.

— Человек-невидимка здесь пошуровал. Аль, а в чем ты была одета в пятницу?

— Дим, нашел, чем интересоваться, — Люська толкнула Димона в бок.

— И все-таки, Аль, проверь одежду.

Я понял, куда клонит Димон, он хотел удостовериться, что на одежде нет следов крови. Кофта и юбка Алевтины оказались чистыми.

Димон вышел в прихожую.

— Нижний замок металлической двери хлюват, — сообщил он спустя пару минут. — Открыть его не так сложно. Опа!

— Что там, Дим?

— Идите сюда.

Мы выбежали в прихожку.

— Я могу ошибаться, но, по-моему, это кровь, — сказал Димон, ткнув пальцем в обивку металлической двери с внутренней стороны. На бежевом дерматине, на уровне как раз нижнего замка, виднелся отчетливый бордово-коричневатый след.

— Да, на кровь похоже, — прошептала Алиса.

— Это кровь и есть, — махнула рукой Аля. — И я, и мама часто о замок пальцы режем. Смотрите, нам не совсем правильно установили планку, которая входит в дверной косяк, ее врезали на несколько миллиметров ближе, чем следовало. Когда опускаешь ручку, а потом начинаешь толкать дверь, мизинец правой руки иногда касается планки. Острый край режет кожу, кровь сильно идет. Мы раньше кусочек ваты скотчем на край планки прикрепляли, но он отклеивается быстро, а мастера вызвать руки не доходят.

— И давно на дерматине след крови?

— В четверг его точно не было, я убиралась, обивку дверей тоже протирала. Все чисто было. Наверное, я в пятницу утром порезалась.

— Покажи ладонь, — потребовала Люська. — Правую.

Алька вытянула руку.

— Нестыковочка, нет у тебя на мизинце ни намека на рану.

— Но ведь...

— Не но, Аль, это не твоя кровь. Это кровь человека, который проник в твою квартиру и подбросил в сумочку нож.

Алька ахнула и закрыла рот ладонями.

— Ты уверена?

Я не дал Люське ответить, попросил у Алевтины лезвие или острый нож.

— И пакетик маленький, но обязательно чистыйхвати, — крикнул я.

— Что ты задумал, Глеб?

— А что в подобных ситуациях делают полицейские? Отправляют кровь на экспертизу. Мы поступим иначе, пока просто вырежем кусочек испачканного дерматина и сохраним его до лучших времен.

— До каких времен?

— До лучших, — повторил я, взяв у Альки острый нож.

Аккуратно вырезав квадрат размером примерно четыре на четыре сантиметра, я положил его в пакет, попросив Димона найти в инете инфу о том, как и где хранить материал — в данном случае высохшую кровь — до проведения необходимой криминалистической экспертизы.

— А пакет с ножом надо надежно перепрятать, — сказал я, глядя на выбивавшуюся из дыры в обивке белую вату.

План дальнейших действий мы разработали, учитывая имеющуюся у нас скудную информацию. Требовалось узнать многое, но

пока, находясь в самом начале нашего расследования, пребывая, так сказать, в непонятках, мы могли рассчитывать исключительно на везение и удачу. Попытка убийства это далеко не шутки, это серьезное преступление, которое не сравнишь с кражей или незаконным проникновением на чужую территорию. Я очень сомневаюсь, что мы взялись бы за это дело, не окажись под ударом судьба Альки. Нет, я не хочу сказать, что трусил или чего-то сильно боялся, просто мысленно поставив на одну чашу весов наши силы, а на вторую случай с Варварой, понимал, что перевес не в нашу сторону.

— С чего начать? — спросила Люська, держа в руках блокнот и ручку.

— Желательно с начала, — отшутился Димон.

— Я серьезно, Дим.

— Тогда, наверное, с подозреваемых, — ответил я. — Попытка убийства есть, следовательно, должны быть подозреваемые.

— Кроме Альки подозревать некого, — ляпнула сестра и сразу же осеклась. — Аль, извини, я совсем не то хотела сказать.

— Но сказала именно то, что сказала, — Алиска быстро взяла ладонь Алевины в свою. — Люсь, ну хоть немножко думать надо.

— Я не сержусь, все в порядке, — Алька выдавила жалкую улыбку и сглотнула.

— А как вам кандидатура Дениса? — спросил Димон, стараясь поскорее переключиться в другое русло и локализовать неловкость.

— Кто такой Денис?

— Ну Ден, охранник наш. Он же обнаружил раненую Варвару Витальевну, значит, и главным подозреваемым быть ему.

— Это бред, Дим, получается, любой, кто проявил бдительность в критической ситуации, вызвал «скорую» к умирающему, или полицию при обнаружении трупа становится виноватым?

— Такова практика.

— Да дурацкая практика, — не соглашалась Алиска. — Поэтому люди и боятся о правонарушениях сообщать, думают, их или соучастниками или обвиняемыми в итоге сделают. Намного проще обвинить в убийстве того, кто труп обнаружил, чем настоящих убийц искать. А скажи, какой смысл Денису желать смерти Варваре Витальевне, он с ней и не пересекался нигде. Утром поздоровается, днем попрощается, вот и все общение.

— Недооцениваешь ты, Алиска, людей, — Люська что-то записала в блокноте и с видом

матерого детектива начала ходить по комнате. —
Чем убийца отличается от не убийцы?

— Тем, что один убивает, а второй нет, — сказал я.

— А вычислить, кто есть кто, ты сможешь? Вот так навскидку, взглянув в толпу и сказать, вот тот толстый убийца, та рыжая воровка, а старик с палкой насильник.

Димон засмеялся.

— Со стариком с палкой ты загнула.

— Дим, не сбивай меня, Глеб, не молчи.

— Ты все переворачиваешь с ног на голову. Нет, я не смогу сказать, кто есть кто, не зная человека.

— Вот! В этом вся и загвоздка. Пока не узнаешь человека получше, не выяснишь, чем и как он живет, очень трудно дать ему характеристику. Алис, согласись, то, что у Дена симпатичная внешность, и он всегда улыбается, не означает, что он ангел с незапятнанной репутацией.

— А мне кажется, Денис не симпатичный, — протянула Алька.

— Я тоже равнодушна к его внешности, — Алиса пожала плечами. — А тебе он нравится, что ли, чисто внешне?

Люська зарделась.

— Девчонки, он симпатичный, у вас вкуса нет.

— Ничего, что мы с Глебычем рядом сидим? — спросил Димон. — Мы вам не мешаем, или нам выйти минут на десять, а вы пока внешность Дена обсудите. Люсь, че за дела?

— Я просто сказала. И вообще, к чему я веду, ты прав, с Денисом надо поговорить. В любом случае он был в лаборантской.

— И кто будет с ним разговаривать?

— Только не я, — поспешила вставить Алиска.

— Я тоже не смогу, — пискнула Алевтина.

— Я сама могу.

— Еще чего, — Димон показал Люське кулак. — Сам с ним встречусь. — А вам, девчонки, надо бы домой к Варваре сходить. Вдруг что всплывет.

— Дим, ты представь, в каком состоянии сейчас находится ее родня, а тут мы пожаловали, здрасти, расскажите нам что-нибудь интересное, мы детективы. Так, да?

— Алис, не надо сарказма, я знаю, что у них не лучшие времена, но пойти можно дня через два-три. Поговорить надо, возможно, в непринужденном разговоре проскочит какое-нибудь словечко или фраза, за которую мы

сможем зацепиться. К тому же у семьи могут быть свои подозреваемые.

— Сомневаюсь.

— А не надо сомневаться, сомнения губят надежду.

— Домой к Варваре Витальевне могу сходить я, — тихо сказала Аля. — Только не одна.

— Вместе пойдем, — протянула Люська.

— А мы с Алиской берем на себя школу, — сказал я. — Алис, на тебе девчонки, на мне парни, надо постараться узнать хоть что-нибудь. Сплетни, слухи, домыслы, предположения, все, что связано с этим делом.

— Дохлый номер, Глебыч, у нас в школе любят раздувать из мух слонов.

— Так это нам как раз на руку, пусть раздувают. Нам не нужны слоны, но зато мы будем располагать мухами, а они и есть те самые ценные зерна.

— Мухи — зерна, — скривилась Люська. — Глеб, хватит говорить образно, терпеть этого не могу.

— А мне нравится, — встала на мою защиту Алиска.

— Кто бы сомневался, ты ж за Глеба горой.

— Куда нитка, туда и иголка, — веселился Димон.

— Шерочка с машерочкой, — засмеялась Люська.

— Молчали бы лучше, — сухо бросил я. — И ты с ниткой, и ты со своей шерочкой. На себя сначала посмотрите, сами друг от друга ни на шаг не отходите.

— Слушайте, не время отношения выяснять, — насупилась Алиска.

— Да я в принципе спокойна, как танк, Алис. Молчавшая Алевтина неожиданно заявила.

— Давно хотела иметь друзей. Таких, как вы, — добавила она после секундной паузы.

...В пятницу вечером мы собрались у нас дома, день оказался весьма щедрым на информацию, потому как именно сегодня Люська с Алеей ходили домой к Варваре Витальевне, а Димону после уроков удалось поговорить с Денисом.

— Мне похвастаться нечем, — сразу признался я.

— Что, не удалось найти ни слонов, ни мух? — издевалась Люська.

— Представь себе. Версии, конечно, гуляют по школе, но одна безумней другой. Сами судите, маньяка отмечаем, мечь бывших выпускников Варвары тоже...

— А почему? — вдруг спросила Алька.

— Аль, это глупо. Никто из мести не стал бы днем в школе орудовать ножом, и уж тем более никто бы не стал подбрасывать тебе нож в сумочку. Здесь все более тонко и хитро. Нет, версия с мстью выпускников выглядит нелепо.

— Мне повезло больше, — Алиску распирало от волнения. — Аль, ты окончательно реабилитирована. И те, кто изначально тебе не верил, и сомневались, — Алиса посмотрела на Димона и Люську, — могут еще раз извиниться. Тебя видела историчка.

— Где видела? — не поняла Алевтина.

— В пятницу в коридоре, когда ты выскочила из кабинета биологии. Она говорит, ты как ошпаренная вылетела, чуть с ног ее не сбила, и к лестнице понеслась. Было половина пятого.

— И что это доказывает? — Люська села ближе к Димону.

— А то! Через секунду из класса Варвара Витальевна выбежала, историчка спросила, в чем дело, а наша классная заявила, что все окей и закрыла дверь.

Аля закрыла лицо руками, у нее задрожали плечи.

— Алька, кончай сырость разводить. Ты чего?

— Аль, прости нас с Люсей. Не сердишься?

Вместо ответа Алевтина, не убирая ладони с лица, мотнула головой.

— Вы сами-то как к Варваре домой сходили? — спросил я.

— Все путем, правда, Аль? Ее муж, Петр Алексеевич, до сих пор в себя прийти от случившегося не может, но с нами поговорил.

— А о чем говорили, Люсь?

— Сначала о самочувствии Варвары Витальевны. Пока все без изменений, она по-прежнему в коме, когда придет в себя — неизвестно. Утешает одно, ее состояние оценивается как стабильное. Петр Алексеевич, разумеется, не в курсе, что могло произойти в школе. Никаких подозреваемых у него нет, версий и предположений тоже. Единственное, что навело на мысли, так это очищенные морковь и лук. Варвара Витальевна вернулась домой и, судя по всему, сразу начала готовить обед. Но сварить суп она не успела, только почистила две морковки и луковицу.

— Еще картошка в раковине лежала, — всхлипнула Алька.

— Точно, и картошка в раковине!

— Люсь, все равно не пойму, при чем здесь картошка с морковкой?

— В этом-то и прикол. Петр Алексеевич вернулся с работы в шестом часу, обеда нет, что прежде не случалось, зато есть мытые овощи и стоявшая на кухонном столе пустая кастрюля.

— Ну и что?

— Дим, ответь на вопрос, зачем человек, который собирался готовить обед, вернулся в школу.

— Вероятно, могла что-то забыть в классе.

— Ответ неверный. Потому как в этом случае, она все-таки успела бы залить очищенную картошку водой и очистки из мойки выбросила бы в мусорное ведро.

— А она этого не сделала?

— Представь себе. У нас с Алькой, как, впрочем, и у Петра Алексеевича, возникло подозрение, что Варвара Витальевна очень торопилась уйти. Настолько торопилась, что не удосужилась залить картофель и выбросить очистки в мусорку.

— Я извиняюсь, — Димон выглядел растерянным. — А почему она вообще должна была заливать картошку водой?

— Потому что любая хозяйка знает, очищенный картофель быстро чернеет, и, чтобы этого не случилось, его необходимо залить водой. А у нее на это почему-то не хватило времени.

— Или было не до того, — Алька перестала всхлипывать, но все еще растирала воспалившиеся глаза. — Варвара Витальевна могла сильно нервничать.

— Она вернулась в школу не просто так, не сомневаюсь, ее туда вызвали.

— Кто?!

— Дед Пихто. Блин, Алис, тебе, может, и имя преступника назвать с его домашним адресом и телефоном. Скажи спасибо, что мы это выяснили. Ясно одно, позвонил тот, кто впоследствии нанес Варваре ранения. Петр Алексеевич забил тревогу около шести вечера, на семь у них были куплены билеты в театр. Он начал звонить жене на сотовый, она трубку не снимала, ему пришлось в школу пойти. Денис поднялся в кабинет биологии и увидел то, что увидел.

— Но почему именно Алькина сумочка? — недоумевал я. — Не дает мне этот факт покоя. Зачем было так рисковать, зачем понадобилось подбрасывать нож? Ну где здесь подвох, в чем он? Неужели думали, что Алька, обнаружив в сумке окровавленный нож и узнав о смерти Варвары, убийца ведь полагал, что убил свою жертву, отправится к следователю и признается в убийстве. Так получается? Абсурд!

— Не абсурд, Глебыч. Скорее всего, убийца на это и рассчитывал. Вспомни, что сказала нам Алька: «*Ребят, Варвару Витальевну ранила я*». Вот и ждали от нее этих признаний, только вместо слова «ранила» жаждали услышать «убила». Но помог случай, Варвара Витальевна осталась жива.

— Раздобыть ключи от квартиры, проникнуть туда, подбросить нож, уйти незамеченным — и это ради того, чтобы Алька призналась в убийстве учительницы? Я не верю.

— Главное, удалось узнать, Варвара Витальевна была в полном порядке, когда Алька ушла из школы. Согласитесь, уже плюс.

— Альке плюс, Варваре минус, — прогудела Люська.

— Помолчи, — шикнул я.

На некоторое время в комнате повисла тишина, голос Димона прорезал ее внезапно.

— А меня никто выслушать не хочет, или мой треп с Денисом уже не актуален?

— Нормально пообщались?

— Более чем. Денис со скуки с ума сходит, он, оказывается, в школе временно работает, хочет в охранную фирму перейти.

— А в чем проблема?

— Пока не получается.

— И вынужден он целыми днями сидеть у входа, глазеть на нерадивых школьников, — прыснула Люська. — А по делу что-нибудь сказал?

— Ден видел, как в школу вернулась Варвара, видел, как она поднималась по лестнице. В начале седьмого пришел Петр Алексеевич — Денис и не знал, что Варвара из школы не уходила. Между нами, к обязанностям своим он относится прохладно, не его это место, сразу чувствуется.

— Они вместе поднялись на этаж?

— Петр Алексеевич внизу остался, Ден подошел к кабинету, толкнул дверь — открыто. В лаборантской на полу лежала Варвара Витальевна, он увидел кровь, сразу в коридор выбежал полицию и «скорую» вызывать. Потом Петра Алексеевича позвал. Оказывается, Денис до обморока боится крови, его внизу крепким кофе отпаивали. Он в себя часа два прийти не мог. Но меня зацепило вот что, по словам Дениса, в лаборантской — он обратил на это внимание — был полный порядок, разбросанных листов и следов борьбы охранник не заметил.

— Алька когда убежала, Варвара листы на место положила. Чему удивляться?

— Да? А класс? Аль, ты ведь не начинала убираться в классе?

— Какой там, я сразу в лаборантскую ломанулась.

— Как стояли стулья помнишь? — Димон прищурил глаза.

— Обыкновенно стояли. Дим, я тебя не понимаю.

— Они стояли возле парт или на партах, как после уборки?

— Конечно, возле. Говорю же, не начинала я убираться. Сначала хотела с контрольной разобраться, потом парты помыть, стулья на них поднять, а в конце уже доска и пол.

— К этому я и веду, — щелкнул пальцем Димон. — Денис сказал, что половина стульев были подняты на парты. Врубаются, нет?

— Намекаешь...

— Именно на это и намекаю, — перебил Димон Алиску. — Варвара Витальевна, после ухода Альки начала сама убираться в классе. Успела поднять половину стульев, а потом, очевидно, в классе появился он — несостоявшийся убийца.

— Логично. Правда, не совсем понятно, почему она принялась за уборку, если мы сошлись во мнении, что Варвару вызвали в школу, и она

пребывала в нервном состоянии? Ей позволили, она бросила готовку, понеслась в школу и начала убираться в классе? Как-то неправдоподобно.

— А если убийца назначил ей в классе встречу и задерживался, а она, чтобы убить время, стала стулья на парты поднимать.

— Петр Алексеевич сказал, что врагов у нее не было. Верится с трудом, учитывая сложный характер Варвары.

— Ну правильно! — прервал я Альку. — В этом направлении и надо копать. Это многое объясняет, во всяком случае, дает ответ на вопрос о ноже в сумочке Алевтины.

— Ты о чем, Глебыч?

— Надо искать не врагов Варвары, а врагов Альки.

— Что?!

— Моих врагов? Глеб, у меня их нет.

— Ты уверена?

— У меня даже друзей не было, так, знакомые одни, а врагов... Да нет, откуда, я старалась ни с кем не конфликтовать. Ну вы что, сами не знаете?

— Знаем, Алька, знаем, но тем не менее. Тебя хотели подставить! И выгодна эта подстава в

первую очередь не врагам Варвары, а твоим недругам. Тем, кто жаждал сильно тебе насолить.

— Настолько сильно, что был готов превратить тебя в убийцу, — сказала Люська.

— Не знаю, — Алевтина явно не ожидала услышать ничего подобного. — Вы подумайте, это каких врагов надо иметь, чтобы они меня так возненавидели.

— Мощных!

— А что, Аль, враги не друзья, они быстро появляются.

И все же Алька со мной не согласилась, ну не верила она, что где-то совсем близко есть человек или люди, которые желали ей зла. Не верила и точка. А ведь зря, ох как зря.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я знаю твою тайну...

Алька позвонила нам в начале второго, мы еще не спали. Взволнованным голосом она попросила срочно прийти к ней, сказав, что сильно переживает. Пока мы с Люськой бежали, я все пытался сообразить, что могло произойти с Алей на этот раз, но воображение спало, ни единой мысли, ни одного предположения.

Мы только вышли из лифта, а Алька уже распахнула дверь.

— Заходите, — скороговоркой проговорила она.

Одновременно с ее дверью на этаже приоткрылась дверь напротив. Из квартиры несмело высунулась упитанная бабулька, обдав нас с Люськой любопытным взглядом.

— Не спишь, Алюшка? — спросила скрипучим голосом пенсионерка. — Колобродите все, молодежь.

— Здрасти, — кивнула Люська.

Я тоже поздоровался, Алька вступать в разговор с соседкой отказалась, подождав, пока я пройду в прихожку, она захлопнула дверь.

— Аль, чего у тебя?

— Мне звонили.

— Кто?

— Не знаю. Первый раз позвонили в восемь. Ничего не говорят, молчат, дышат в трубку. Потом в девять был звонок, в десять, в одиннадцать. В час позвонили, опять молчали, я сразу вам набрала. Люсь, неспроста эти звонки, я боюсь, оставайтесь у меня ночевать.

Заверив Альку, что в ее компании ей не будет страшен даже черт с кочергой, Люська вытолкала меня на лестничную клетку.

— Глеб, дуёй домой, я здесь переночую.

Я подошел к лифту, ощущая себя немного не в своей тарелке. Сначала позвонили, просили срочно прийти, теперь, не дав опомниться, за дверь выставляют. Паникерши!

Дверь напротив открылась снова, знакомая бабулька улыбнулась мне второй раз.

— Уже уходишь, сынок?

— Ухожу.

— Ну правильно, ночь-полночь на дворе, чего по гостям в такое время ходить.

Утром Люська пришла домой без пяти восемь, я как раз выходил из ванны, когда она позвала меня на кухню, положив на стол сложенный вчетверо тетрадный лист. Листок был скручен, создавалось впечатление, что еще совсем недавно его сворачивали трубочкой.

— Запахло жареным, Глеб, — сказала Люська. — Прочти, тебе будет интересно.

Развернув листок, я пробежал глазами по краткому тексту: «Я знаю твою тайну».

— Откуда это, о какой тайне речь?

— Он у Альки в почтовом ящике лежал, — Люська побежала к себе в комнату. — Мы в школу собирались, спустились вниз, Алька газету хотела выгащить, а там подарочек от неизвестного.

— Где Аля?

— Домой вернулась, в школу сегодня не пойдет. Глеб, по большому счету мне бы тоже не мешало дома остаться. С Алькой посидеть надо, она сейчас на взводе.

— Так сиди, чего домой притащилась?

— Не ори на меня, — крикнула из спальни Люська. — Притащилась, значит, надо. Не беспокойся, уже ухожу.

В школе я рассказал о звонках и оставленной в почтовом ящике записке Алисе и Димону. Мы сошлись во мнении, что кто-то начал свою игру против Алевтины. Цель и правила игры — пока, увы, неизвестны, но совершенно точно ясно, что этот кто-то на полпути не остановится.

Из школы я и Димон пошли к Але, Алиска обещала зайти позже.

— Как вы тут? — Димка бросил рюкзак в прихожке и зарулил в ванную.

— Ни звонков, ни писем, — Люська чем-то гремела на кухне. — Я обед сварила, где Алиска?

— С сестрой в поликлинику пошла, а Алька спит, что ли?

— Да прям, за компом сидит, в «Одно-классниках».

— Уже не сию, — Аля вышла в коридор, и я обратил внимание на румянец на ее щеках.

Борщ Люськи был вне конкуренции, все, кроме Алевтины, попросили добавки. Алиске здесь уже ловить было нечего — кастрюля опустела.

В пять вечера раздался звонок в дверь. Один, второй, третий... Раскрасневшаяся Алиска, едва я успел открыть дверь, протянула мне лист бумаги.

— Глеб, он был скотчем прикреплен к двери.

«Я все про тебя знаю», — значилось в очередном послании. Алю начала колотить нервная дрожь, и едва Люське удалось ее успокоить, в комнате ожил телефон. Трубку хотел снять Димон, но я вовремя его остановил.

— Не трогай. Аль, давай, ты подойди.

И опять на том конце дышали и молчали. Алька с такой силой поставила трубку на базу, что последняя чуть не треснула.

— Слушай, как зовут твою соседку, ту бабу, которая постоянно высовывается из квартиры?

— Надежда... — Алька задумалась. — Михайловна, вроде. Короче, баба Надя.

— Глебыч, ты чего задумал?

— Пошли со мной, увидишь.

Мы с Димоном вышли на площадку, подошли к двери напротив и переглянулись. Я кивком указал на глазок, Димон мой намек понял и чуть заметно кивнул.

— Сто пудов, она сейчас на нас зырит.

Усмехнувшись, я позвонил, дверь открылась сразу, даже двух секунд не прошло. А баба Надя могла бы ради приличия и до пяти досчитать.

Вопрос, который меня интересовал, я задал сразу, без лишних предисловий. И ответ баба Надя дала мне молниеносно.

— Нет, сынок, никого не видела. Вас, — она быстро посмотрела на Димона, — заприметила, когда вы к Алюшке пришли, а потом замоталась-закрутилась, кино началось. Не видела больше никого.

— А в последнее время вы случайно ничего странного не замечали?

— Точнее, странных типов, крутящихся на этаже или у квартиры Али, — дополнил мой вопрос Димон.

— Ну как же, того дерганого я видела. Когда это было-то, — баба Надя нахмурила лоб, углубившись в воспоминания. — Недели полторы назад. В тот день, когда в школе учительницу порезали.

Я ощутил, как у меня взмокли шея и лоб. А Надежда Михайловна, обретя в нашем лице идеальных слушателей, продолжала выплескивать информацию:

— Все в тот день наперекосяк у меня пошло, молоко подгорело, кошка отравилась, телевизор сломался, ну прям несчастья в одну кучу свалились.

— Вы про дерганого говорили.

— Он от Алюшки выходил, дверь входную ключами закрывал. Только я свою открыла, а он как шарахнется в сторону, чуть с лестницы кубарем не полетел. А потом, перескакивая через три ступеньки, вниз понесся.

— Кто это был?

— Откуда ж мне знать. В черном костюме спортивном, на голове эта... кепка с козырьком.

— Бейсболка?

— Бейсболка.

— А он молодой, старый?

— Я лицо не разглядела, но вроде молодой, старый бы так бежать не мог. Уж больно резвый.

— Вот тебе и ответ на один вопрос, — обратился я к Димону.

— Да. Алька спала, а он...

— Я сразу к окну подошла, — перебила нас Надежда Михайловна. — Парень из подъезда выскочил и к торцу дома побежал, а я в маленькую комнату пошла, из нее окна на ту сторону выходят.

— И вы видели, куда он побежал?

— У детской площадки машина была припаркована, в нее-то он и юркнул.

— А марку, цвет вы запомнили?

— Красная машина, это, сынок, даже не сомневайся. А марка... Шут ее разберет. Для меня они все одинаковые.

В квартиру мы вернулись с новостями. Девчонки, в особенности Алька, были шокированы.

— Пока я спала, здесь побывал неизвестный парень? Откуда у него ключи, неужели...

— Что?

— Слушайте, ребят... я вспомнила. В начале мая я потеряла связку.

— Алька! Ты меня убиваешь, — прикрикнула Люська. — Почему сразу не сказала?

— Забыла, — по-детски наивно ответила Алевтина.

— Аль, ты не обижайся, но с этой забывчивостью надо что-то делать.

— Люсь.

— Не Люсь, — резко оборвала меня сестра. — Так обо всем на свете забыть можно. Вот сейчас ты сидишь и даже не думаешь, что у кого-то есть твои ключики. А я бы на твоем месте, уже замки сто раз сменила.

— Ой, правда, — воскликнула Алька.

— Она иногда меня бесит, — призналась Люська Алиске, когда они прошли на кухню. — Не сама Алька, а ее равнодушие к ситуации.

Сидит, глазками хлопает, как дурочка с перелучка. Ой, я забыла. Ой, правда. Ой, кривда. Елки-палки, я сейчас взорвусь!

— Успокойся, Люсь, ну такой у нее характер, что ты хочешь.

— Чтобы она была чуточку собранней. Знаешь, иногда тупость сильно бесит, а Алька именно тупит!

— Секретничаете? — спросил Димон.

— Ага, хочу раскрыть Алиске тайну снежного человека, а ты мешаешь.

Зазвонил телефон, Алька сняла трубку. Звонивший не собирался начинать беседу, снова молчание, а утром в почтовом ящике лежала очередная записка со схожим текстом: некто оповещал Алевтину, что знает ее тайну.

— Чего он добивается записками и звонками? — спрашивала меня дома Люська.

— Тянет время, нагнетает обстановку.

— А что потом?

— Цель у него есть, какая именно — узнаем позже, я надеюсь.

— Несерьезно это, Глеб. Посуди сам, подобные записки больше смахивают на детскую игру. Насмотрелись малолетки фильмов, и давай на нервах Альки играть.

— По-твоему, в квартиру тоже малолетка проник? А красная машина, а попытка убийства? Хотел бы я поверить в версию о забавляющихся малолетках, но не получается.

— Сегодня Алька замки поменяет, а потом мы новый телефон купим с определителем номера.

— Можете не тратить зря деньги. Тот, кто молчит в трубку далеко не дурак, наверняка по карточке звонит, а если так, ни один определитель не поможет.

— У-у-у, — Люська сжала кулаки. — Попался бы он мне на узкой дорожке, своими бы руками...

— Полегче с желаниями, — осадил я сестру. — Никаких узких дорожек, запомни, он, возможно, убийца и надо быть постоянно начеку.

— Ну да, ты как всегда прав, а я сглупила. Интересно, Глеб, в кого ты такой умный у нас, может, академиком станешь, а?

...Через два дня нам выставили четвертные и годовые оценки, пожелали удачных каникул, и родная школа отпустила нас на все лето на все четыре стороны. Ура, каникулы!

В понедельник без пяти двенадцать раздался очередной ночной звонок. Алька вздрогнула, вжала голову в плечи, я знаком показал ей на телефон.

— Давай, Аль, ни пуха!

— Вы уверены, что затея стоящая?

— Алька, мы обо всем договорились, снимай трубку, — прикрикнул Димон.

После ее тихого «Алло», мы замерли в ожидании.

— Говорите, — простонала в трубку Алевтина. — Почему вы постоянно молчите, что вам от меня нужно? Прекратите звонить, прекратите подбрасывать анонимки.

Люська начала размахивать руками, что она этим хотела сказать Альке, я не знаю, но был полностью солидарен с Димоном, когда он усадил сестру на кровать.

— Послушайте, — говорила Алька, встретившись со мной взглядом. — Я могу заплатить за... За ваше молчание. Назовите сумму и оставьте меня в покое.

Из трубки послышался шорох, звонивший задышал громче, вероятно, предложение Альки его сильно удивило.

— Не молчите же, я заплачу, — повторила Аля. — Я готова...

Быстрые гудки помешали ей договорить.

— Ничего не понимаю, трубку бросили.

— Может, случайно отсоединился. Сейчас перезвонит.

Прошло минут десять, телефон не звонил, мы продолжали молча гипнотизировать его взглядом.

— И что? — первой, устав от тишины, спросила Люська. — Глеб, твой план с деньгами провалился. Не клюнули на Алькино предложение.

Я был раздосадован. Мне ведь казалось, звонивший обязательно должен будет заинтересоваться, услышав о деньгах. Наверняка — даю восемьдесят процентов из ста — его цель это обогащение, и он специально мариновал Альку, играя у нее на нервах, чтобы в итоге потребовать деньги за молчание. Так почему же сейчас, когда она сама была готова заплатить, он испугался и бросил трубку? Или это такой ход? Опять хитрый и опять с далеко идущими планами?

Во вторник вечером мы с Алиской пошли в кино, но посмотреть фильм не удалось, звонок Алевтины спутал карты.

— У нее очередное ЧП, Люська с Димоном уже там, — сказал я, выходя из темного зала.

Алька огорошила нас сообщением:

— Он связался со мной, но не по телефону.

— Опять анонимку прислал?

— Проходите в комнату, сами увидите.

Димон сидел перед включенным компьютером, разглядывая на сайте одноклассников фотку симпатичной девушки.

— Нашел время, — прогудел я, хлопнув друга по плечу.

— Расслабься, Глебьч, это он.

— Кто он?

— Ну тот, кто Альке звонит. Знакомься, его, оказывается, зовут Анна Петрищева. Двадцать один год, москвичка.

— Погодь, Димон, во-первых, почему он, а не она, во-вторых, с какой стати ты решил, что Альке звонит именно Петрищева?

— Глеб, я на сайт зашла, а мне сообщение от Петрищевой пришло, — Аля наклонилась, взяла у Димона мышь и быстро кликнула левой клавишей. — Читай.

«Твое предложение нацет денег очень правильное. Я его одобрил. Сума 10000 рублей. В четверг принеси деньги к почте на улице маршала катукова. У входа висит почтовый ящик, конверт с деньгами скотчем приклей к дну ящика. И без шуток».

— Ну как, впечатляет? — спросила Аля.

— Еще бы.

— Парень писал, а фотка и имя липовые. На пару дней зарегистрировался, готова поспорить, завтра Анны Петрищевой на сайте уже не будет.

— Исключаешь возможность, что писала девушка? — спросила Алиса.

— Алис, читай внимательней, он же пишет: «Я его одобрил». Одобрил, а не одобрила. Значит, парень.

— Н-да, — протянул я, перечитав сообщение еще раз. — Парень. Причем парень малограмотный.

— А-а, — засмеялась Люська. — Его «нащет» меня тоже повеселило.

— И сумма с одной «м» написал, плюс название улицы с маленьких букв.

— Вас это не смущает? — спросила Алевтина.

— Есть немного, — признался Димон. — Или же специально писали с ошибками, так сказать, косили под образ неграмотного подростка, или действительно имеем дело с неучем.

— А какой вариант лучше?

— Алька, о чем ты спрашиваешь, оба варианта отвратительны. Давайте лучше думать, что дальше делать.

— В четверг отвезем деньги к почте, приклеим конверт скотчем ко дну ящика, и будем ждать, — ответил я.

— И все?

— А тебе этого мало?

— Деньги у меня есть, — поспешила вставить Алька.

— Они не понадобятся, или ты решила, мы настоящие деньги в конверт положим? Слишком жирно будет нашей Анне Петрищевой. В конверт бумагу запечатаем. Нам ведь главное, узнать, кто придет за деньгами, а там уже дело техники. Проследим, выясним.

— Не по себе как-то, — поежилась Алевтина. — Даже на улицу страшно выходить.

— А вам не обязательно в городе находиться. Аль, ты говорила про дом в деревне, может, с девчонками за город переберетесь?

Ни Люська, ни Алиска не имели ничего против, и на среду мы запланировали переезд за город.

Деревня находилась в пятнадцати километрах от МКАДа по рижскому шоссе. Место красивое, и если верить Альке, то первые дома здесь возводились еще в начале тридцатых годов прошлого столетия. Правда, до наших

дней «дожил» всего один бревенчатый дом, имевший восьмидесятилетнюю историю. Он был нежилым и практически сгнил на крайнем, заросшим травой, заброшенном участке. Этот скособочившийся черный дом, покрытый серым мхом и плесенью, со стороны дороги скрывали высокие кустарники и дикие яблони.

Димон, Люська и Алька добирались до деревни на электричке, мы с Алиской на скутере приехали в область ближе к вечеру. Двухэтажный дом Нефедовых был выкрашен в бежевый цвет, он стоял в глубине участка в окружении высоких елок и берез.

Окна были распахнуты настежь, дом проветривался, Алька мыла полы, Люська на кухне занималась готовкой, Димон с помощью триммера пытался придать участку обжитой вид.

— Давайте, подключайтесь, — крикнул Димка, едва мы успели пройти в калитку. — Девчонкам холодильник надо затарить. Глебыч, смотайся в магазин, здесь недалеко.

Мне пришлось мотаться туда-сюда трижды, поэтому, когда в начале девятого я без сил рухнул за стол, Алиска предложила остаться за городом с ночевкой.

— Не-е, — замотал головой Димон. — Мы с Глебьчем сегодня в город рванем, надо подготовиться к завтрашнему мероприятию.

— Люся была права, — Аля положила в тарелку овощной салат и налила в стакан сока. — Страница Анны Петрищевой исчезла с сайта.

— Что и требовалось доказать.

Около одиннадцати мы засобирались в Москву, но уехать по-человечески помешала Люська.

— Глеб, ты не купил оливки и манго, я же просила, — капризно протянул она, нахмутив лоб.

— Не было там ни того ни другого, — быстро соврал я, не решаясь признаться в собственной забывчивости.

— Я салат хотела завтра сделать, мне нужны хотя бы оливки.

— Люсь, где я тебе их возьму?

— Поехали в магазин.

— Сейчас?! С ума сошла.

— Глеб, супермаркет недалеко, минут через сорок будем дома. Ну, Глеб, без оливок у салата совсем не тот вкус.

Чтобы Люська после нашего отъезда не истрепала девчонкам нервы, я протянул ей шлем. Отсутствовали мы ровно час, к деревне подъезжали без четверти двенадцать. На повороте

нам навстречу выскочила машина с включенными фарами, от неожиданности я резко крутанул влево. Люська упала со скутера. Машина затормозила, на дороге поднялось облако пыли.

— Люсь, ты в порядке?! — я отбросил шлем в сторону, подбежав к сестре.

— Козел! Какого черта ты на такой скорости ночью гонишь, урод?! — эти слова предназначались плотному парню, выскочившему из машины.

Он подошел к Люське, нагнулся и заблеял:

— Ты как, сестренка, в порядке?

— Какая я тебе сестренка, придурок! — Люська встала, попытавшись потянуть спину.

— Скорость мог сбавить на повороте, — крикнул я парню. — Куда торопился, на тот свет боишься опоздать?

— Друг, я виноват, не сердись.

— Не сердись, — буркнул я. — Люсь, руки-ноги целы?

— Вроде да.

— А голова? — ляпнул парень.

— Че? — нахохлилась Люська.

— Я имею в виду, голова не болит, ты не ушиблась?

— Слушай, умник, вали отсюда, пока я полицию не вызвала.

— Извини, сестренка, — прогудел парень и заскочил в салон. Машина тронулась с места.

— Во debil! Глеб, ты видел?

— Я две цифры запомнил «53» и буква «Н». Темно-синий фورد, хотя с цветом мог и ошибиться.

— Да пошел он! — Люська отряхнулась, подняла шлем и засмеялась. — Еще бы чуть-чуть и мне бы не повезло. Наверное, в рубашке родилась.

А вот Алька, по всей видимости, родилась без рубашки. Не успев зайти в дом, мы услышали голос Алиски:

— Глеб, Аля с лестницы упала!

Алевтина сидела на кухне на уголке, задрав ногу на стул.

— Как тебя утораздило? — спросил я.

— Не знаю, — застонала она. — Ой, нога болеть сильнее стала. Алис, дай мне таблетку.

— В больницу тебя везти надо, а не таблетки пить.

— Не хочу в больницу, терпеть их не могу. У-у-у, болит все. В соседнем доме живет профессор Красинский, у него жена врач, кажется, хирург. Люсь, позовите ее.

— Ага, сейчас, Аль. А как ее зовут?

— Ирина Матвеевна, — ответила Алька, скорчившись от боли.

Люська с Алиской убежали. Я предложил отвезти Алю в больницу на скутере, Димон запротестовал.

— Глебыч, какой скутер, она не сможет на нем сидеть.

— Да все в порядке, ребят, просто... У-у-у...

Ирина Матвеевна, она оказалась не хирургом, а эндокринологом, прибежала к Альке вместе с мужем — седовласым профессором Кириллом Тимофеевичем. После осмотра ноги Ирина Матвеевна безапелляционно заявила:

— Аля, тебе необходимо сделать рентген, боюсь, это перелом.

— Ирина Матвеевна, может, обойдется?

Красинская дотронулась до Алькиной лодыжки.

— А-а-а-а!.. Больно как!

— А говоришь, обойдется. Кирилл, девочку надо отвезти в травпункт.

— Я заведу машину, — засуетился Кирилл Тимофеевич.

Алька опять застонала.

Домой она приехала с загипсованной ниже колена ногой в половине шестого утра. И хоть

перелом оказался несложным, четыре недели Альке предстояло провести в гипсе.

Поблагодарив Красинского за помощь, Алька расплакалась.

— Почему это случилось со мной, за что? — всхлипывала она, размазывая по лицу слезы.

— Скажи спасибо, что голова цела, ты еще легко отделалась, — говорила Люська. — А четыре недели пролетят как один день. Не кисни, Алька, мы с Алиской за тобой ухаживать будем.

— Я теперь инвалид.

— Зато с личной прислугой, хочешь салат с оливками?

Алевтина закрыла лицо маленькой подушкой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Крутые виражи

Четверг обещал быть днем тяжелым во всех отношениях. Во-первых, предстояло провести энное количество времени в засаде, а это уже само по себе не очень приятное занятие. Во-вторых, синоптики обещали, что температура пойдет на очередной рекорд, и солнце будет палить беспощадно часов до девяти. Ну и, в-третьих, сидя в засаде, придется томиться в ожидании и неизвестности. Кто, когда и с кем придет за конвертом с «деньгами», придет ли вообще, а главное, если все-таки человек появится и удастся сесть ему на хвост, во что все это выльется?

Я поделился сомнениями с Димоном.

— Прорвемся, Глебьч, не грузись. Я так думаю, если здесь замешан один человек, то к почтамту он придет, скорее всего, на машине. На той самой, красной, которую видела баба Надя.

— Фигово тогда получится, можем упустить его из виду на скутере.

— Существует вероятность, что он вообще сам не приблизится к почте.

— В смысле, изначально не планировал забирать конверт?

— Конверт, может, и заберет, только не лично. Пацана какого-нибудь подошлет или девчонку, сам со стороны наблюдать будет. Нас засечет и свалит без денег.

— Ну да, логично, правда, сомнения кой-какие есть. Несolidные бабки с Альки потребовали, десять тысяч. Почему не пятьдесят?

— Мелковато, согласен, сам об этом думал. И знаешь, чем больше думаю, тем мне этот тип представляется моложе и глупее.

— Хорошо бы с таким столкнуться. В противном случае, мы рискуем.

— Кто не рискует, Глебых, тот не живет.

По большому счету Димон прав, зачем раньше времени волну поднимать, поживем-увидим, в конце концов, риск благородное дело.

К почтамту мы подъехали в восемь утра, приклеили скотчем к дну ящика конверт, отошли на значительное расстояние, оглядываясь в поисках места, где можно было бы устроить наблюдательный пункт. Со скутером проблем не возникло, мы оставили его у торца соседнего дома,

в тени сирени, а сами решили потусоваться на детской площадке недалеко от почтамта. В случае появления подозрительных лиц добежать до скутера мы сможем секунд за десять, максимум, пятнадцать, вряд ли тот, кому предстоит отодрать конверт, справится быстрее. Скотча я не пожалел, прикрепил конверт, что называется, насмерть, тем самым обеспечил нам с Димон временную фору.

В начале десятого солнце стало припекать, Димон стянул футболку, накинул ее на голову, я в сотый раз снял бейсболку, вытерев со лба пот.

— Глебыч, мы лоханулись, хавчик с собой не взяли, я есть хочу.

— За домом вроде магазин есть.

— Да не, погода, пока рисковать не будем. Если припрет, тогда сгоняю.

Люська позвонила в двенадцатом часу, Димон ворковал с ней минут пятнадцать, а я, слушая его сюси-пуси, начал раздражаться. Жара, ожидание, в желудке все бунтует, так и хочется что-нибудь расколошматить.

— Дим, кончай трепаться, — не выдержал я. — И Люське скажи, пусть не звонит больше, сами наберем, когда надо будет.

— Ладно, Люсь, — усмехнулся Димон. — Давай, до скорого, а то твой брат не в духе, боюсь, он на меня сейчас с кулаками накинется.

В час, когда площадку заполнили мамы с детворой, мы подошли к подъезду, просидев минут сорок на скамье. Уйти были вынуждены из-за двух старух и их нудной болтовни.

— Глебьч, я в магазин ломанусь. Тебе чего взять?

— Воды и еды, — ответил я, глядя на ненавистный почтовый ящик.

— Развернутый ответ. Нормально! Только я пустой, у тебя деньги есть?

Я дал Димону пятисотку, и он дворами помчался в продуктовый. Ели мы с аппетитом, еще бы, после стольких часов проведенных на жаре, я был готов слопать даже мотоциклетный шлем. После еды нас разморило, духота усилилась, в поле зрения практически не было даже случайных прохожих. Все нормальные люди сидели дома или в других помещениях, оснащенных кондерами, и только мы, сидя на траве возле раскидистой вишни — наш третий по счету наблюдательный пункт, походили на двух идиотов.

— Димон, я плавлюсь, мозг кипит.

— Такая же хрень, — отозвался Димка и смочил водой из бутылки футболку. Потом

он снова накинул ее на голову, облокотившись спиной о ствол вишни. — Сейчас бы на водохранилище каком-нибудь оказаться. Кайф, да?

— Где угодно, только бы не здесь. Ненавижу почту и все с ней связанное.

— Хлебни водички.

— Не хочу, хотя давай.

И мы продолжили сидеть на теплой земле, напротив здания почтамта. Не знаю, сколько времени прошло, меня настолько разморило, что даже поднять руку и посмотреть на часы казалось целым подвигом. Я слабо себе представлял, что будет, если вдруг у почтового ящика нарисуетс^я ожидаемый объект; я нахожусь в таком состоянии, что вряд ли смогу быстро добежать до скутера.

— Димон, сколько время? — тихо спросил я.

— Двадцать минут шестого, — так же тихо ответил Димка.

— Всего? Я думал, уже часов восемь.

— Нет, только пять двадцать.

— Самоубийство.

— Глебыч, надо бы воды еще купить.

— Ага.

— Кто пойдет?

— Блин, Дим, мне вломак.

— Я утром ходил.

Ну да, все правильно, чтобы восстановить равновесие, теперь в продуктовый бежать мне. Нехотя поднявшись, я осмотрелся. От долгого сидения перед глазами на некоторое время сделалось темно, пришлось минуты полторы постоять, оперевшись о ствол, и только потом двинуть вперед.

— Глебыч, купи мороженое, — крикнул Димон, когда я отбежал на значительное расстояние от вишни.

Вместо ответа я махнул рукой, даже на разговор сил не осталось. Это был жесткач, мне иногда казалось, что мы реально находимся в раскаленной печи.

В магазине я немного пришел в себя, там было хорошо, прохладно. Работал кондиционер. Я встал возле витрины с мороженым, ощущая живительную прохладу. Как же классно здесь, так бы и стоял до вечера. Вибрация мобильного в кармане вернула меня к реальности. Звонила Алиска. Мы проболтали минут десять, я убрал сотик в карман уже на выходе из магазина.

Опять потянулись часы ожидания. В девять вечера мы вновь перешли на детскую площадку, сели на качели. Жара спала, появился ветерок,

находиться на улице было сносно, жизнь уже не казалась огромной раскаленной печью с вырывающимися из пасти языками пламени.

— Будет совсем хорошо, если никто не придет, Глебыч, мы тогда так лоханемся.

— Да я уже понял, мог бы не говорить.

В одиннадцать Димон сгонял в магазин за очередной бутылкой воды и упаковкой сосисок, которую мы проглотили со скоростью ветра. Кстати, о ветре, он усилился и, по всей видимости, сменил направление. Если днем дул ветерок южный, то сейчас я ежился от северного ветра, ощущая запах дождя.

Без четверти двенадцать мы с Димоном настолько расслабились и потеряли бдительность, что не сразу обратили внимание на появившийся из-за угла мопед. Я заметил его первым. Его и двух ребят, примерно наших ровесников. Мопед остановился рядом с входом на почту; парень, который сидел сзади, быстро огляделся по сторонам, начал приближаться к почтовому ящику.

— Димон, наши клиенты, — я рванул к скутеру.

— Вот тебе и красная машина. Слушай, Глебыч, может, здесь с ними разберемся. — И не дожидаясь моего ответа, Димон громко

крикнул. — Опаньки, а что это мы тут делаем, так поздно. Пацаны, мама знает, где вы ночами гуляете?

— Димон, ты офигел, — успел крикнуть я, заведя скутер.

Парень на мопеде сориентировался мгновенно, да и у второго с реакцией был полный порядок. Я даже не заметил, удалось ему взять конверт или он остался на ящике, парень сел на мопед и тот рванул с места.

Димон выругался, подбежал ко мне.

— Глебыч, давай за ними!

— Зачем ты это сделал? — крикнул я, когда мы выехали на дорогу. — Димон, договорились же, без самодеятельности.

— Ладно, Глебыч, не трынди, у каждого бывают осечки. Не рассчитал я маленько, но мы их догоним. Жми, давай!

Я жал. Тот, кто пытался скрыться от нас на мопеде, тоже выжимал по максимуму. Дорога была практически пуста, и я счел это за знак, посланный нам удачей. Мы гнались за мопедом минут десять, сократить расстояние хотя бы на метр не удалось.

— Не уйдут, — орал Димон. — Глебыч, мы их сделаем!

Впереди показался тоннель и в этот момент меня едва не подрезала черная беха.

— Чувак, ты дебил! — вопил Димон вслед иномарке.

— За рулем женщина сидела.

— Тогда овца! Глебыч, они отрываются. Упустить их нельзя, мы целый день на солнцепеке сидели.

— Тебя не просили с ними разговаривать, по твоей вине жизнью рискуем.

Я нисколько не преувеличивал. Дважды я не справлялся с управлением, и лишь чудом мне удалось вовремя вывернуть руль, чтобы не угодить под колеса мчавшимся иномаркам. Но погоня меня подстегивала, что ли. С одной стороны, она казалась мне безумием, опасным виражом, который может плохо кончиться, но с другой... Я мчался по темной магистрали, понимая, что мне это нравится, я не хочу останавливаться, не хочу прерывать погоню. Мне было хорошо, наверное, это и есть тот случай, когда происходит выброс адреналина. Сердце бешено бьется в груди, дыхание делается учащенным, спиной ощущаешь одновременно опасность и азарт.

Не сомневаюсь, подобные чувства испытывал и Димон, наверняка раньше ему не доводилось гнать

на скорости ночью по МКАДу, преследуя злоумышленников.

Еще через четверть часа мопед свернул со МКАДа на развязке, я кожей чувствовал, что теперь им от нас не уйти. Расстояние начало медленно, но верно сокращаться.

Для меня явилось неожиданностью, когда мопед резко затормозил, парень, что сидел сзади, рванул к обочине. Мопед снова взревел и покатил вперед.

— Глебыч, тормози, — крикнул Димон. — Он спрыгнул практически на ходу, побежал за парнем.

Я продолжал гонку за водителем мопеда. Он ехал медленно, удалось его обогнать и подрезать. Послышался визг шин. Парень снял шлем подбежал ко мне, мы сцепились в рукопашной. Он ударил меня в живот, боль была не сильной, но я согнулся пополам. Очевидно, мой возглас расслабил пацана, он потерял бдительность, а я, резко выпрямившись и схватив его за плечо, нанес удар в челюсть.

— Глебыч! Глебыч, ты где? — услышал я голос Димона.

— Здесь.

— Глебыч, отбой, все в порядке.

Про какой порядок говорил Димон, я не знаю, может, у него и было все в ажуре, а я был занят в самой настоящей разборке. Мы еще раз вмазали друг другу по скулам, прежде чем Димон крепко схватил меня за плечо.

— Брейк! — крикнул он, пытаясь отдышаться. — Я же говорю, все в порядке.

Секунду спустя к нам подошел высокий парень, тот самый, который подходил к почтовому ящику. Он встал за Димоном, опустил лицо вниз. Я присмотрелся и не поверил глазам.

— Комар?!

— Он самый, — усмехнулся Димон. — Ты прикинь, мы оказывается, с тобой Комара целый день пасли.

— Ты здесь как замешан? — растерянно спросил я.

— Я бы тоже хотел это знать, — Димон отряхнул джинсы и толкнул в плечо парня, с которым несколько секунд назад дрался я. — А ты шустрый чувачек, но мы с Глебычем шустрее оказались.

— Отвали!

— Ну че, Комар, будешь правду говорить или в несознанку уйдешь?

— Не знаю, что говорить, — пробурчал Витька Комаров.

— А ты с самого начала начни, звонки и анонимки Нефедовой твоя работа?

— Ну.

— Не ну, а отвечай четко. Ты Альку звонками донимал?

— Никого я не донимал. Подумаешь, пару раз позвонил, я ж не виноват, что она психопатка.

— А за фигом ты это затеял, о какой тайне писал, что ты знаешь?

Витька переглянулся с парнем.

— Да ладно, Витек, скажи им, — пробасил тот.

— Короче, прикольноуться я решил над Нефедовой.

— В чем конкретно прикол? — не мог я взять в толк.

— Видел я ее в тот день, когда Варвару ножом пырнули.

— Где видел?

— В лаборантской.

Мне стало жарко, вот это откровение. Бомба! Если Комар не врет, а, судя по всему, он не врет, то это значит...

— Что именно ты видел? — спросил Димон.

— Как она в лаборантскую забежала, начала по полкам шарить, бумажки какие-то взяла, за стол села.

— А потом?

— Сидела минут десять, потом Варвара в лаборантской появилась.

— И?

— А че, и все, я смотреть перестал.

— А где ты был все это время?

Витька ухмыльнулся.

— Дома у себя. Окна моей комнаты как раз напротив нашей лаборантской находятся. А у меня бинокль мощный, я часто в него в школьные окна смотрю. А че, нормально.

— Следопыт хренов, — выругался Димон. — Ты подольше в свой бинокль посмотреть не мог?

— Сам жалею, ну кто знал, что Варвару ножом порежут.

— Это многое объясняет, — согласился я. — Но не все. Альке зачем писал?

— Говорю, ради прикола. Попугать хотел. Она ж там че-то химичила с бумагами Варвары.

— А десять кусков тоже ради прикола просил?

— Да идите вы! Ничего я у нее не просил, она сама бабки предложила заплатить. Серег, скажи.

— Ну да, Витек позвонил, а эта дура деньги стала предлагать.

— Если дают, чего не взять, — лыбился Комаров.

— Дебил ты, Комар! — Димон сплюнул и пошел по дороге. — Глебыч, сваливаем отсюда.

— На себя посмотри, — крикнул Витька.

— Читай учебники, придурок, пиши без ошибок.

— Козлы! — услышал я голос Витьки, когда мы с Димоном рванули с места.

Засада, погоня, драка, стучало у меня в голове, и ради чего, чтобы в итоге встретить Комара и его дружка Серегу? Блин, вот невезуха. Выходит, Альку никто не пытался ни шантажировать, ни запугивать по-настоящему. Звонки с анонимками оказались тупой шуткой Витьки Комарова и не имеют к нашему расследованию ни малейшего отношения. Обидно.

— Глебыч, — сказал мне Димон, когда мы подъехали к дому. — Отрубаем мобилы и отсыпаемся целый день. Я без сил.

— Верю, — зевнул я, потопав к своему подъезду. — Завтра созвонимся.

— Не раньше вечера, — крикнул Димон, начав нажимать кнопки домофона.

За город мы приехали в субботу, Люська сразу отправила меня в магазин, Димону вручила лопату. Пока нас не было, девчонкам в голову взбрела дикая мысль, обзавестись мини-огородом. Не сомневаюсь, генератором идей выступала Люська, она всегда, если чем-нибудь загорится, всех на свою сторону перетянет. А теперь ей захотелось попробовать себя в качестве садовода-любителя, с грядками, лейками, тяпками и прочими прелестями деревенского быта.

— Зачем тебе грядки, ты здесь все лето жить собралась? — пытался я достучаться до разума сестры.

Но разум, очевидно, мой стук не слышал, Люська встала в позу.

— Я не прошу многого, всего-то сделать три маленькие грядки для зелени: петрушки, укропа, салата, редиса.

— Этого добра в магазинах навалом.

— А свое — лучше!

Я не стал спорить, пусть хоть картошку сажает, плевать мне на ее дачные заскоки. Чтобы не переругаться, Алиска увела меня прогуляться по деревеньке. Мы обошли всю округу, вернувшись домой к самому обеду. И именно за

обедом Алька сообщила нам, что у профессора Красинского похитили дочь.

— Как похитили, шутишь? — насторожился Димон.

— Юля в четверг домой из института не вернулась.

— Она там работает, преподает?

— Глеб, Юльке двадцать лет, она на третьем курсе учится.

— Подожди, твои соседи, Красинские, они же старики.

— Ну да, — согласилась Аля. — Юля поздний ребенок, Кириллу Тимофеевичу за пятьдесят было, когда она родилась. Ирина Матвеевна на восемь лет моложе. Они Юльку знаешь, как любят, пылинки с нее сдувают.

— Любят маниакальной любовью, — встряла Люська.

— Люсь, не шути так.

— А что, я правду говорю. Многие родители, особенно если дети поздние, со своей любовью перебарщивают. А это, между прочим, тоже плохо. Во всем надо знать меру.

— Психолог ты наш, — Алиска обняла Люську и засмеялась. — Чтобы мы без тебя делали.

— Чего ты смеешься, Алис, почитай книги по психологии.

— Да верю я тебе, успокойся.

— В полицию они сообщили? — спросил Димка.

— В том-то и дело, нет.

— Как так?

— Им в пятницу позвонили, сказали, что Юлька похищена, потребовали никаких действий не предпринимать.

— То есть?

— То есть, сидеть и ждать.

— Аль, не въезжаю, ждать чего? Похитили ведь с целью выкупа, так?

— Наверное.

— Тогда смысл время тянуть, Глебыч, ты в теме?

— Пока нет, — мотнул я головой. — Слушай, а откуда вы узнали о похищении и звонке?

— Ирина Матвеевна рассказала, она приходила меня навестить. Ребят, им помочь надо, Юлька для них — свет в окне, если с ней что-нибудь случится, они не переживут.

— А ты в курсе, деньги у Красинских водятся?

Алька пожала плечами.

— Вроде не бедствуют, но чтобы шикавали... Нет, я бы не сказала, что они богаты. В Москве у них квартирka двухкомнатная, по моему, сдают ее, а здесь живут постоянно. Кирилл Тимофеевич лет десять назад какую-то премию получил, ему денег много дали, он сразу дом кирпичный построил со всеми удобствами. С тех пор они здесь круглый год.

— Значит, пожить у профессора особо нечем?

— Выходит, так.

— Обычно похищают детей богатых родителей, — сказала Алиска.

— Бывают и исключения из правил. Юлька могла попасть в руки маньяка.

— Люсь, не говори так.

— Как вариант такое возможно.

Алевтина поморщилась, слова Люськи пришлись ей не по душе.

— Я схожу к профессору, — пообещал Димон и, чтобы не откладывать дела в долгий ящик, вышел на улицу.

Вернулся он спустя минут тридцать, по его понурому виду я понял, что дела у Красинских не ахти.

— Хороших новостей нет, я угадал?

— Угадал, — кивнул Димон. — Красинские все на нервах, стремные, от каждого шороха вздрагивают. О том, чтобы сообщить о похищении в полицию, и речи не идет. Сегодня им снова звонили, дали с Юлькой поговорить, она сказала, обращаются с ней нормально, кормят, поят, не бьют.

— А их требования?

— Требования банальны — собрать двести тысяч долларов в течение трех недель.

— Не слабо.

— С институтскими друзьями родители не разговаривали, там никаких зацепок не может быть?

— Юля уже в четверг не пришла на занятия. И я подозреваю, что похитить ее могли в среду вечером.

— Дим, ты чего, вспомни, в среду мы сюда приехали, ночью Алька ногу сломала, Красинский ее в больницу возил.

— Но Юлю мы не видели. И родители сказали, что после ужина, то есть после половины восьмого, дочь не видели.

— Она ушла?

— Поднялась к себе в комнату, к экзаменам начала готовиться. В половине десятого

Красинские спать легли, потом случился ночной переполох с Алькой, а рано утром и Кирилл Тимофеевич и Ирина Матвеевна на работу уехали. В восемь их уже дома не было, Юльке к третьей паре в институт, она спала. Во всяком случае, так считают родители. Но! Если в универе она не появилась, то есть вероятность, что вечером после ужина Юля могла уйти из дома и не вернуться.

— Зачем ей уходить из дома?

— Да мало ли причин, погулять решила, с подругой встретиться, с другом. Я так понял в разговоре с Красинскими, они старались полностью контролировать дочь. Ирину Матвеевну даже перекосило, когда я спросил, есть ли у Юли парень. Сказала, что такими глупостями дочь не занимается, она, мол, вся в учебе.

— Такими глупостями? — удивилась Люська, развернув шоколадную конфету. — Ей двадцать лет, они до старости собираются ее возле себя держать? А вы мне не верили, говорю же, гиперопека и гиперлюбовь до добра не доводят.

— Ладно, хватит, слышали уже, — я подошел к крыльцу и стукнул ладонью по перилам. — Профессора с женой, конечно, жалко, но чем мы

можем им помочь? Юлю эту вообще в глаза не видели.

— Они держатся из последних сил, — напомнил Димон. — Профессор на таблетках, жена ему каждый час давление измеряет.

— Да понял я, понял, помощь, в чем конкретно будет заключаться?

— Здесь подумать надо, обмозговать все.

— И не забывай, что у нас есть наше основное расследование, — напомнил я Димону. — Версия с шантажистом провалилась, необходимо искать улики в другом направлении.

Люська глубоко вдохнула, надула щеки и громко выдохнула.

— Эти два дела можно скомбинировать.

— Иди-ка ты лучше петрушку сажай, комбинатор, — в сердцах бросил я, поднявшись по ступенькам.

— Что с ним, Дим?

— Клинит Глебыча. День сегодня неблагоприятный, вроде вспышки на солнце зафиксировали.

Вечером Люська зашла в комнату Альки, застав ту в приподнятом настроении.

— Чего светишься?

— Да так, — уклончиво ответила Алевтина, быстро свернув окно.

— Аль, давай, не финти, что-то случилось, да? Я ведь вижу, ты сияешь.

— Случилось, — призналась Алька после недолгих раздумий. — Люсь, ты только никому не рассказывай, хорошо?

— Могила!

— Короче, смотри, — Алевтина открыла электронное окно, и повернула ноутбук в сторону Люськи.

— Это че за батан очкастый?

— Люсь, это Стас. Он не батан.

— С виду типичный лузер, друг твой, что ли? Давай колись. И много у тебя на одноклассниках френдов?

— Человек пять. Стас — единственный парень.

— Тяжелый случай, Аль, по чесноку хочешь? Мне он не нравится, — Люська вытянула губы вперед и вытаращила глаза. — Страшненький.

— Да ну тебя, — Алька закрыла ноутбук, начав заново стягивать на затылке хвост. — Стас хороший парень, с ним интересно общаться. Немного со странностями, но у кого их нет.

— У меня их нет. У тебя, у Алиски, и Глеб с Димкой вроде без странностей.

— Люсь, ты не понимаешь. Я познакомилась с ним восемь месяцев назад, мне тогда было очень плохо, мы с мамой только папу похоронили...

— Аль, не надо, не продолжай.

— Я хочу рассказать. Стас случайно зашел на мою страницу, проголосовал за фотки, оставил сообщение. Он написал: «Привет». И знаешь, мне тогда сразу показалось, я знакома с ним не первый год. Мы начали переписываться, приятно зайти перед школой на сайт и видеть, что тебе пожелали доброго утра и удачного дня, а вечером желают спокойной ночи. Я в этом сильно нуждалась, поверь! Потом Стас пропал месяца на два, весной снова объявился, мы по скайпу разговаривали, он меня в кафе приглашал.

— Да ладно! — оживилась Люська.

— Серьезно.

— Ты ходила?

— Три раза, — Аля смутилась.

— И как?

— Нормально.

— Аль, а сколько ему?

— Двадцать.

— Нормально. Слушай, прости, я не знала, что у вас настолько серьезно.

— Ты все неправильно поняла, между нами ничего нет и быть не может. Стас просто друг.

— А какие у него странности?

— Он постоянно приглашал меня за город...

— Ого!

— Да дослушай ты сначала. За городом находится дом, в котором собираются люди, познающие гармонию через общение с природой. Так, по-моему, Стас говорил.

— Слушай, а он случайно не сектант, твой Стас?

— Случайно нет, — обиделась Алька. — Ты можешь обойтись без подколов, Люсь, мне Стас здорово помогал советами, он пытался научить меня расслабляться.

— Не получилось?

— Не успел, мы поругались.

— Что так?

— Из-за Варвары все.

— Варвары Витальевны? — насторожилась Люська.

— Угу. В начале мая она мне пару влепила за контрольную, потом перед всем классом начала высмеивать, я тогда убежала, в школу несколько дней не ходила. Стас вечером в кафе пригласил, а я никакая, сижу — ничего не соображаю.

Он интересоваться начал, выспрашивать, я сдурю ляпнула, что Варвара жизнь мне отравляет, про конфликт рассказала.

— А он?

— Стас взорвался, сказал, что она черствая женщина с загрязненной аурой, мол, такие люди сильно угнетают окружающих, им не место в больших коллективах, порывался с ней встретиться и поговорить. И представь, через несколько дней он в школу пришел, я с ним случайно внизу столкнулась.

— Откуда он узнал, где ты учишься?

— На моей странице все указано. Суть в другом, он к Варваре подняться хотел, еле его отговорила. Поругались насмерть, Стас обозвал меня приспособленкой и сказал, что с таким настроением мне никогда не стать по-настоящему счастливой и открытой. С тех пор я его не видела. Сегодня он сообщение прислал, прощения просит, хочет загладить вину, пригласить меня куда-нибудь.

— Ага, прогуляться на костылях до калитки и обратно. — Люська прошлась по комнате и села на подлокотник кресла. — Аль, тебе надо по голове хорошенько настучать. Ты вообще представляешь, что сейчас мне рассказала?

— А что такого?

— Да ничего, Алька! Откуда ни возьмись на горизонте появился Стас со своими придурковатыми теориями, который ко всему прочему был у нас в школе и едва не встретился с Варварой.

— И что, куда ты клонишь?

Люська выскочила из комнаты. Внизу она рассказала нам о признаниях Альки.

— Та-а-а-к, — протянул Димон, метнувшись к лестнице. — День еще не закончился, а у нас очередное происшествие.

Наверху мы заставили Альку еще раз пересказать историю своего знакомства и последующего общения со Станиславом. Потом начались вопросы.

— У него есть машина? — спросил Димон.

— Есть. Жигули.

— Цвет какой?

— Бордовые.

— Блин! — Димон посмотрел на меня. — Глебч, это он мог из Алькиной квартиры выходить.

— Надежда Михайловна говорила про красную машину.

— Надежде Михайловне под восемьдесят лет, она живет на десятом этаже, в таком возрасте

и с такого расстояния что бордовая, что красная — без разницы.

— Дим, такого быть не может, Стас здесь не замешан.

— Ты когда ключи потеряла, помнишь?

— В начале мая.

— Одна потеряла, второй нашел. А что, если этот чудик не дружит с головой, он запросто мог пырнуть Варвару ножом.

— Позвонил ей домой, вызвал в школу, сам незаметно туда пробрался, дождался, пока я уйду домой, потом пырнул ножом учительницу и притащил мне в квартиру нож, так? Дим, ты сам веришь?

— Разложу все по пунктам. Первое: позвонить Варваре и пробраться в школу особых проблем не составит. Второе: твое дежурство в тот день могло быть банальным совпадением. Третье: если ключи были у Стаса, подбросить тебе окровавленный нож, опять-таки, дело техники.

— По-твоему, он хотел избавить меня от нападков Варвары, и в итоге меня же подставить, сделав главной подозреваемой?

— А почему бы нет? — спросила Люська. — Вполне крепенькая версия.

— Она гнилая.

— Сектанты часто...

— Стас не сектант!

— Аль, ты не горячись, пойми, мы пытаемся узнать правду, поэтому обязаны проверять любые версии. Ну неужели ты считаешь, что правдивы только те версии, которые не вызывают сомнений? Ты сама сказала, Стас парень со странностями, у них там есть какой-то дом, в котором люди познают природу через гармонию...

— Они познают гармонию через общение с природой, — буркнула Алька.

— Не важно, главное, он — не такой как все.

— Я не верю в его причастность.

— Есть один способ выяснить это, — сказал я.

— Какой?

— Вы, наверное, забыли, у нас есть кровь, оставленная неизвестным. И если удастся заполучить хотя бы каплю крови Стаса, чтобы в дальнейшем провести экспертизу на идентичность, то со стопроцентной гарантией можно будет заявить: виновен он или непричастен.

— Взять кровь у Стаса, провести экспертизу, Глеб, легче на Марс слетать. — Люська засмеялась, обратившись к Алевтине. — Аль, напиши Стасу, пусть завтра кровь сдаст нам на анализ. Текст сообщения примерно такой:

«Привет Стас! Рада снова возобновить общение. У меня к тебе дело, подваливай завтра туда-то и жди парня на скутере. Он уколёт тебя иголкой, нацедит в пробирку кровь и увезет ее для анализа. С любовью, Аля Дракула». Так сойдет?

— Не паясничай. Нет ничего невозможного, — сказал я на полном серьезе сестре. — Можешь ехидничать сколько угодно, а мое предложение наиболее разумное.

— Глеб, — Алиска посмотрела на меня взглядом виноватого ребенка. — Ну как ты собираешься взять у незнакомого человека кровь?

— Глебьч, я, как и большинство, в непонятках.

— Мозги у нас есть? Так давайте думать, рано или поздно стоящая мысль появится.

Я попросил Альку показать мне Стаса, зашел на его страницу на сайте, просмотрел друзей, обратив внимание, что почти все смахивают на чудиков. Как не от мира сего. Неужели Люськина шутка про секту, может оказаться правдой?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Переизбыток гармонии

«Привет, Стас! Я на тебя не сержусь, и я рада, что ты дал о себе знать. У меня сейчас не лучшие времена, лежу на даче со сломанной ногой, мама опять в командировке, за мной ухаживает подруга. Они с братом живут у меня уже неделю, по семейным обстоятельствам им пришлось уйти из дома. Представляешь, Люська даже пыталась покончить жизнь самоубийством. Дуреха, наглоталась таблеток, ее еле откачали. Вот такие невеселые новости у меня. Пиши, как дела у тебя. Пока».

— Так нормально? — спросила Алька, дав мне прочитать текст.

— Вроде да. Димон, как считаешь?

— Прокатит. Аль, отправляй. Только бы он клюнул на нашу уловку и повелся на бедных несчастных брата и сестру, — Димон подмигнул Люське, которой идея с собственным несостоявшимся самоубийством пришлась не по душе.

— Почему надо было писать, что я наглоталась таблеток?

— Чтобы Стас понял, вы с Глебычем обиженные судьбой родственнички, отчаявшиеся, потерявшиеся в этой жизни.

— Конечно же, Стас это поймет, — с вызовом ответила Аля. — Он поймет и обязательно откликнется на этот зов. Стас добрый, чужая беда ему не чужда, и увидите, потом вам будет стыдно за свои подозрения.

— Откликнется-откликнется, — нараспев произнес Димон. — И желательно, чем быстрее, тем лучше.

Сообщение от Станислава Аля получила утром следующего дня.

«Здравствуй, Алевтина! Хорошо, что ты не сердилась, значит, у тебя светлая душа, и ты живешь в гармонии с собой. Я часто думал о тебе, но не решился написать. У тебя серьезный перелом? Мне жаль! Но ты крепись, чаще бывай на свежем воздухе, энергия деревьев и солнечный свет тебе помогут. Ищи гармонию во всем, не отчаивайся.

Самоубийство — большой грех! Твоя подруга нуждается в серьезной помощи. Они с братом сбились с пути и идут не в ту

сторону. Никакие жизненные трудности не могут заставить человека задуматься о смерти. Скажи им, что выход в гармонии. Пусть ее ищут.

А почему они ушли из дома? И что собираются делать дальше? Пиши, жду твоего ответа».

— Осторожно почву прощупывает, — сказал Димон. — Сначала общие слова, потом хрень про гармонию, а в конце, как бы между прочим, главный вопрос: почему ушли и что будут делать дальше. Глебыч, чувствуешь, чем здесь пахнет?

— Да ничем пока не пахнет, надо подождать дальнейшего развития событий. Пусть Алька с ним переписывается, а мы...

— Пахнет?! — вскрикнула Люська. — Черт, пахнет! У меня пироги подгорают. — Она выскочила из спальни, Алиска понеслась за ней.

Мы с Димоном усмехнулись.

— Аль, теперь твой ход.

— Диктуйте, что писать, — покорно проговорила Алевтина.

— Злишься на нас?

— Не злюсь, просто не понимаю вашего стремления обвинить во всем Стаса. Вы же его совсем не знаете.

— Вот и пытаемся узнать получше. Да ладно тебе, Алька, ты его к ангелам причислила, а он ведь на самом деле фиговый друг. Пишет, что ты светлый человек, сожалеет о переломе, а помощи даже не предложил. Сама говорила, у него машина есть, мог бы продуктов купить, да мало ли что. Я прав, Глебыч?

— В принципе да, о помощи тебе ни словом не обмолвился.

Алька вздохнула.

— Что писать, я готова.

Несколько дней Алька и Станислав вели активную переписку. На предложения заехать в гости, Стас отказался, а встретиться с Глебом и Люськой был очень даже не против. В четверг Аля получила сообщение следующего содержания:

«Алевтина, привет! Твоим друзьям необходима поддержка людей, побывавших в схожей ситуации. Они помогут им обрести гармонию с собственным телом и духом. Я могу посодействовать, но ты должна уговорить их встретиться со мной. Скажи, что это в первую очередь в их же интересах. Оставляю номер своего мобильного телефона. Пусть свяжутся

со мной завтра во второй половине дня. Аля, природа помогает нам жить в гармонии с собой и не терять свое предназначение. Помни об этом!»

— Заколебал он уже со своей гармонией, — Димон протянул руку. — Глебыч, дай пять! У нас есть его телефон, дело сдвигается с мертвой точки.

— Позвоните вы ему завтра, встретится он с вами, а потом что? — спросила Алиска.

— Узнаем, из какого теста сделан Стас, чем он живет, какие тараканы водятся в его голове. Может, он сектант со стажем и они ежемесячно приносят жертвоприношения, а?

— Люсь, прекрати.

— А загородный дом, в который он приглашал Альку, для обретения гармонии. Что за дом, как, где, почему? Наша с Глебом задача выяснить о Стасе если не все, то, по крайней мере, многое. И кровушка его нам нужна, да, Глеб?

— Смотри, не переигрывай.

— Не бойся, свою роль я отыграю на отлично.

— Этого я и опасаюсь.

— Ребят, у меня появилось нехорошее предчувствие, — сказала Аля, перечитав еще раз сообщение Стаса.

...Стас назначил нам встречу возле метро «Марьино», на пять вечера. Мы приехали чуть раньше, позвонили ему на сотовый, он сразу вышел из припаркованного неподалеку жигуленка, я махнул ему рукой, и знакомство состоялось. Скажу сразу, Стас на фотографии с сайта «Одноклассники» и Стас в реальной жизни — два совершенно разных человека. Роднило их, пожалуй, одно — нелепые очки и длинные волосы. Малопривлекательная, отталкивающая внешность сразу бросалась в глаза. Есть такие люди, глядя на которых хочется поскорее отойти подальше, не иметь с ними никаких дел, даже не вступать в разговор. Но у нас с Люськой не было выбора, и находиться с ним рядом и общаться, по возможности тесно, мы вынуждены по необходимости.

Для начала Станислав предложил зайти в открытое кафе, недалеко от метро. Причем его *«для начала»* меня несколько задело и взволновало. У него уже имелись на нас с Люськой определенные планы, неужели в кафешке станет вытягивать нужную информацию? Должно быть, так и будет. Что ж, мы с сестрой подготовились, как мне казалось, идеально вошли в роли обиженных жизнью простачков.

— Ой, а в кафе, наверное, дорого все, да? — Люська посмотрела на Стаса испуганными глазами и заморгала.

— Не волнуйтесь, я вас угощаю.

— Неудобно, да, Глеб?

— Пошли, — я толкнул сестру в бок.

За столиком, угостив нас кофе и какой-то коврижкой, Стас заговорил. Говорил он долго, с чувством, а интонация сплошь трогательная, голос жалостливый, ну вылитая мать Тереза. Суть его затянувшейся речи сводилась к следующему: он в курсе, что нам с Люськой нужна срочная помощь, мы, как он выразился, заблудшие дети природы, и нас необходимо опять вернуть в лоно семьи. Но! Семьи не нашей, в смысле той, где живут родные мама и папа, а новой, более чистой, светлой, гармоничной.

— Если бы вы знали, скольких заблудших душ мне удалось спасти, — назидательно произнес Стас, и в его глазах блеснул огонек.

— Ага-ага, — кивала Люська, хрустя второй коврижкой.

— Мы представляем, — поддакивал я. — Аля сказала, ты нам обязательно поможешь.

— Чтобы обрести гармонию, необходимы время и покой. В нашем доме у вас будет много

времени на общение с природой, на подпитку положительной энергией, на установку связи с космическими силами.

Люська держалась из последних сил, чтобы в голос не расхохотаться, я это понял по глупому выражению ее лица и раздувающимся щекам.

— Но, к сожалению, в настоящий момент наш дом переполнен...

— Кем? — перебила его Люська.

— Такими же заблудшими душами, как и вы. Мы готовы принять всех страждущих, но одного желания мало.

— И как быть?

— Сейчас ведутся переговоры с нужными людьми, — Станислав подался чуть вперед и кивком указал наверх. — В скором времени нам предоставят новое здание, оно будет огромных размеров, в одном из экологически чистых уголков Подмосковья.

— А что, есть и такие? — снова не удержалась Люська. Мне пришлось наступить ей на ногу.

— И вот тогда, — продолжал Стас, не обращая внимания на выпады Люськи, — в нашем доме смогут обрести гармонию все желающие.

— Я так понимаю, сейчас ты нам отказываешь? — на моем лице отразилась печаль, во всяком случае, я искренне хотел в это верить.

— Нет-нет, что ты, я приглашаю вас в наш дом, только жить там постоянно вы не сможете.

— И не надо, нас на первое время Алька приютила.

— Зато наши групповые занятия вы сможете посещать регулярно.

— А что за занятия?

Станислав улыбнулся. Улыбка у него оказалась мерзковатой, главным образом из-за неправильного прикуса и широкой щели между верхними зубами.

— Сегодня пятница, конец трудовой недели, в восемь вечера у нас будет сеанс релакса. Хотите поприсутствовать?

— Даже не знаю, — Люська посмотрела в мою сторону. — Глеб, как считаешь, это удобно?

— Конечно, удобно, вас же я пригласил.

— Ну, если мы не доставим никому хлопот, — протянул я, — тогда согласны.

— Отлично! — Стас хлопнул в ладоши. — Я смотрю, вы хорошие ребята, мы с вами найдем общий язык. Прощу в мою машину.

В салоне жигуленка пахло лекарствами, если закрыть глаза, то создавалось стойкое ощущение, что находишься в больнице. Мы сидели на заднем сидении, на месте рядом с водительским сидела большая плюшевая собака.

— Мой талисман, — сказал Стас, когда мы остановились на светофоре.

— А почему сидит не сзади?

— Сзади его укачивает, — машина тронулась с места, а мы с Люськой нервно переглянулись.

Если это была шутка, то произнес ее Стас слишком серьезным тоном, если шутить не собирался...

— Мы попали, — прошептала мне Люська. — Глеб, он чокнутый.

Стас разговаривал по мобильнику с какой-то Ниной, разговаривал на повышенных тонах. Поэтому у нас было время перекинуться парой-тройкой фраз.

— Все под контролем, — ответил я сестре. — Димон у него на хвосте.

Люська хотела обернуться, но я сжал ей руку.

— Не надо, сиди спокойно, наслаждайся музыкой.

— Эти монотонные завывания ты называешь музыкой, меня сейчас стошнит.

Закончив разговор, Станислав, посмотрел на нас через зеркало заднего вида и спросил:

— Как вам музыка?

— Отпад! — выдохнула Люська. — Можешь погромче сделать?

Ровно в семь мы прибыли на место и, должен признать, гармония здесь царила полнейшая. Я вышел из машины, сделал глубокий вдох, потом выдох, и у меня закружилась голова. Воздух — кристальной чистоты. Он даже пах как-то по-особенному. Мы с Люськой сами раньше жили в Подмоскovie, да и деревня Альки тоже не в черте города располагается, но воздух тот, и воздух, которым сейчас дышал я, разнились как день и ночь.

— Какие сосны, — Люська задрала голову, глядя на упиравшиеся в небо макушки высоченных вековых деревьев.

— Стас, а там речка? — я кивнул в сторону видневшегося обрыва и кромки воды.

— Речка. Вода зеркальная, карпы в ней водятся, лещи.

— А соседи где? — я осмотрелся по сторонам, но кроме двухэтажного брусового дома с зеленой черепичной крышей не увидел жилых строений.

— А соседей нет, мы соседствуем с природой, — Станислав расставил руки в стороны. — Смотрите, впитывайте в себя каждую частичку этих мест, вы сразу почувствуете себя лучше.

— Я думала, будет хуже, — шепнула Люська, пока мы шли за Станиславом по вытоптанной дорожке к просторному крыльцу.

Дом был большой, это сразу бросалось в глаза. Сказать навскидку, сколько в нем квадратных метров, не берусь, но, полагаю, общая площадь не менее трехсот-трехсот пятидесяти квадратов.

Участок не был огорожен, отчего создавалось ощущение бескрайних просторов и полной изоляции от цивилизации.

Мы видели людей — они рассредоточились по участку, ходили, сидели, разговаривали. Наше появление оставило их равнодушными. Одна женщина, одетая в черную кофту и бесформенную черную юбку, стояла в нескольких метрах от крыльца. Она плакала.

Взглянув на нее, Станислав сказал нам, что Вера сегодня обрела гармонию.

— Поэтому и ревет? — спросила Люська.

— Это слезы очищения, — последовал ответ.

В небольшом холле нас встретила пожилая женщина с добрым лицом. Станислав представил ее как Нину.

— А отчество? — я посмотрел на женщину, ожидая ее ответа.

— Никаких отчеств, — улыбнулся Стас. — Друг к другу обращаемся на «ты» и только по имени.

Нина склонила седую голову на бок.

— Вы голодны? — ее голос прозвенел как колокольчик.

— Нет, — я мотнул головой.

— Немного, — ответила Люська.

— Тогда идемте, я вас накормлю.

— Идите-идите, — разрешил Стас. — В восемь часов я позову вас на сеанс релакса.

Нина провела нас в кухню, где у плиты суетилась молодая девушка модельной внешности. Что она здесь делает, пронеслось у меня в голове. С ее внешними данными надо перед объективом фотокамер позировать, а она, облачившись в белый халат и колпак, жарит на огромной сковороде лук с морковью.

— Дана, познакомься с Глебом и Людмилой. Их Стас привез.

Дана повернула голову, выдавив тихое «Привет».

Кормили нас жареной картошкой с печенью и овощным салатом. Потом Люська попросила чай, Дана неожиданно замотала головой.

— Сегодня пятница, вам лучше выпить расслабляющий напиток.

— Не поняла юмора, а что по пятницам чай пить не рекомендуется?

— Мы пьем тонизирующий напиток, он помогает расслабиться и снять усталость.

— Алкоголь? — осенило меня.

— Что ты! — на аккуратном личике Даны мелькнул испуг. — Алкоголь, как и табак, в нашем доме строго запрещены.

Чуть погодя она поставила перед нами два бокала с янтарной жидкостью.

— Пейте, вам понравится.

Первым рискнуть решил я, сделал маленький глоток, потом второй, третий...

— Не отравя? — шепотом спросила Люська.

— Напиток — супер!

Люська поднесла бокал к губам, а секунд через двадцать попросила у Даны добавки.

— Больше нельзя. Если хочешь пить, я налью кипяченой воды или молока.

От воды и молока Люська отказалась, мы вышли из кухни, пересекли коридор, холл, оказавшись на крыльце.

Вера, та самая женщина в черных одеяниях, продолжала плакать. Разумеется, я не верил ни в какую гармонию, поэтому подошел к ней и спросил без обиняков.

— У вас что-то случилось?

Она посмотрела на меня взглядом человека, лишившегося разума.

— Нет, — голос Веры напоминал мужской бас. — Я в порядке.

— А почему плачете?

Она долго думала, прежде чем ответить. Наконец, всхлипнув и улыбнувшись явно через силу, произнесла странную фразу:

— Наверное, от счастья, или от горя. Сама точно не знаю.

И Вера ушла, она скрылась за домом, оставив нас с Люськой в замешательстве.

Ближе к восьми все вокруг засуетились, забегали, несколько раз я видел снующего туда-сюда Станислава. Даже Вера, перестав плакать — уже хорошо, а то я стал подозревать, что это ее хроническое состояние — бодрячком вышагивала возле крыльца.

Двадцать семь человек собрались за домом на небольшой поляне ровно в восемь. Стоял гул, все переговаривались, кто-то взволнованно косился в нашу сторону, а две средних лет женщины беспричинно смеялись, взявшись за руки. Станислав и высокая брюнетка Ольга призывали всех к тишине. Ольга подняла правую руку, Стас хлопнул в ладоши, смех мгновенно прекратился.

— Друзья, — начала говорить Ольга. — Сегодня к нам присоединились наши младшие брат и сестра. Глеб и Людмила. Поприветствуем их.

Раздались жидкие аплодисменты, две тетки снова захохотали, и я, и Люська чувствовали себя не в своей тарелке. Ольга продолжала нести всякую ахинею, то и дело в ее речи проскальзывало слово «гармония». Помешались они здесь на своей гармонии, куда ни плюнь — всюду гармония, если честно, это словечко уже начинает выбешивать.

Сеанс релакса, о котором говорил Стас, начался с того, что все уселись на землю, скрестив ноги по-турецки. Мы не отставали, тоже приняли позу лотоса, выпрямили спину, ладони положили на колени. Стас попросил всех закрыть глаза.

— Глеб, мне это не нравится, — прокряхтела Люська. — Имей в виду, в таком скрюченном состоянии я долго не просижу.

— Глубокий вдох! — громко крикнула Ольга. — Задержите дыхание, пусть энергия леса заполнит вас изнутри. Стремитесь к гармонии, идите ей навстречу. Не бойтесь преград, помните, препятствия на пути ниспосланы нам для обретения силы. Мы должны двигаться вперед, к чудодейственному свету. Вы видите впереди свет? Видите его?

— Да, — услышал я женский голос.

— Вижу, — прошептал кто-то рядом.

Я сам, как впрочем, и Люська, никакого света впереди не видел. Приоткрыв глаза, я наблюдал за действиями Ольги. Она подходила к каждому человеку, размахивала над ним руками, едва не касаясь ладонями макушки, вопя во все горло об ожидавшей нас благодати и гармонии. Подошла она и ко мне, я почувствовал запах парфюма — приторно-слащавый — и запах сигарет. Помнится, Дана говорила, что курение в доме табу, но Ольга явно перед релаксом выкурила сигаретку. Интересно, значит, правила распространяются не на всех. Кстати, не мешало бы узнать, кто такая Ольга, какой статус

она имеет в доме гармонии, именно так я называл дом с обитавшими в нем чужаками. Определенно, Ольга занимает доминирующее положение, на нее смотрят с благоговейным трепетом, и, похоже, ее слова считаются законом.

Странно, но стоило Ольге отойти от меня и приблизиться к Вере, как в голове что-то щелкнуло. Мне на миг почудилось, что я улетаю. Нет, правда, было ощущение легкости и внезапно наступившего праздника. Я хотел открыть глаза, чтобы увидеть, как отрываюсь от земли и начинаю медленно возноситься к макушкам вековых сосен, но не смог. Не смог открыть глаза. Голос Ольги с каждой секундой делался жестче, он доносился отовсюду, и я хотел продолжать его слушать. Слушать и впитывать каждое слово.

— Вы летите, вам хорошо и спокойно. Каждый из вас погружается в мягкую белую оболочку, заполненную светом. Там, где свет, — гармония. Окунитесь в нее, дышите ею, наслаждайтесь гармонией.

Перед глазами появились разноцветные круги, они мелькали, переливались, завораживая и пугая одновременно. Я протянул к ним руку, мне удалось дотронуться до одного круга оранжевого цвета. От прикосновения

он немного деформировался, взвизгнул, как маленький поросенок и стал зеленого цвета. Я услышал музыку, тихую, приятную музыку, вселяющую в меня радость. Может, это и есть гармония, промелькнуло в сознании. Я смог расслабиться и действительно, вопреки всему и своему неверию в первую очередь, обрел гармонию с самим собой? А почему бы и нет. Наверное, так оно и есть.

Мне было хорошо, жаль, что постепенно я начал падать вниз. Круги стали исчезать, музыка стихла, я снова услышал голос Ольги.

— Вы насытились гармонией, теперь она в вас. Аура стала чище, светлее, поблагодарите за это природу.

— Благодарим тебя, природа! — хором отзывались женщины и мужчины.

Я открыл глаза. Мы по-прежнему сидели на поляне за брусовым домом. Ольга сидела в центре, вытянув вперед руки, Стаса я не увидел, и Люська пропала.

Повернув голову назад, я почувствовал боль в виске. Поморщился, начал растирать лоб и затылок. Болела не только голова, ломило все суставы, ныло плечо, плюс ко всему тянуло под левым ребром.

Состояние было непривычное, незнакомое. Такое впечатление, что я крепко спал и меня вдруг резко разбудили. Вроде уже не сплю, но и бодрствовать еще не начал. Я сидел как вареный. Ольга продолжала верещать про гармонию, люди с закрытыми глазами раскачивались в такт ее словам, меня же беспокоило исчезновение Люськи.

Я прикрыл глаза, сделал пару глубоких вдохов, попытался справиться с внезапно напавшей панической атакой. Гул в голове сошел на нет, боль немного притупилась, с каждым последующим вдохом, я словно возвращался к реальности. Только вот не совсем ясно, откуда я возвращался? Где я был? И как вообще так получилось, что я помимо воли оказался вне времени?

Кто-то толкнул меня в бок. Это была Люська. Подмигнув мне, она быстро села на землю, скрестила ноги и закрыла глаза.

На сердце отлегло, так, одной проблемой меньше, с Люськой полный порядок. Уже хорошо. Я уже в гармонии с собой.

В девять сеанс релакса закончился. Люди, со стороны они напоминали полупьяную компанию, медленно побрели в дом. Я поднялся, меня сразу же повело, закружилась голова. К нам подбежал Стас, спросил, как мы себя чувствуем, и

я даже не успел ответить, что готов умереть прямо здесь и сейчас, меня перебила Люська.

— Самочувствие отличное!

— Рад, что вам понравилось.

Станислав довез нас до метро, протянув на прощание две брошюры.

— Прочтите их, у вас на многое откроются глаза. Мы ждем вас в воскресенье, вы должны присутствовать, у нас будет посвящение.

Из его провонявших лекарствами жигулей я выскочил, как ошпаренный. В метро Люська забросала меня вопросами.

— Что с тобой произошло, почему не реагировал, я звала, толкала, ты как окаменел.

— Кого толкала?

— Тебя!

— Не помню.

— Атас полный! Ты чего, заснул сидя, что ли?

Я рассказал о своих ощущениях.

— Блин, так и знала, что Дана напоила нас каким-то дерьмом с сюрпризом.

— Думаешь, тот напиток с наркотиком?

— А ты так не думаешь? Или, по-твоему, ты ни с того ни с сего отключился и начал порхать среди разноцветных кругов.

— Постой, но ты тоже пила напиток.

— Пила, — согласилась Люська. — Но у меня иммунитет крепкий, меня всякая хрень не берет.

— А-а, ну понятно, зараза к заразе не липнет, да?

— Очень смешно. Иди ты, Глеб! — Люська отвернулась.

— Не злись, зачем ты меня толкала, куда сама смоталась?

— На разведку. Когда Ольга всех обошла и села сама, я заметила, как Стас быстро потопал в дом. Решила узнать, почему он отлынивает от релакса. Ты был уже в трансе, все как идиоты сидели, даже страшно сделалось.

— Ты в дом ходила?

— Ага. И увидела много интересного. Стас в ванной комнате был. Он умывался.

— И?

— Глеб, перед тем как умыться, он разговаривал с водой!

— То есть?

— Что-то бубнил, потом набрал воду в ладони, сделал несколько глотков. Он на безумного был похож.

— Вляпались мы с тобой, надо было по-другому действовать, зря перед Стасом и остальными засветились.

— Зря не зря, а до конца дело довести мы обязаны, планы у них на нас имеются, иначе Стас не приглашал бы нас в дом снова.

Я открыл одну из брошюр, начал читать. Уже на третьей странице меня потянуло в сон. Читать дальше совсем не обязательно, и так все предельно ясно, книга учит правильно жить. Те, кто ее не читал, изначально живут неверно, много грешат, не могут найти путь к самопознанию и гармонии. А вот если прочитаешь брошюру, то тебе обязательно откроется истина, ты сразу познаешь себя, научишься жить по-новому и привалит тебе неземное счастье.

У метро мы сели на маршрутку, добрались до своей остановки, а потом минут двадцать топали по проселочной дороге до Алькиной деревеньки. Брошюры я выбросил еще при выходе из метро, не хотел тащить домой писанину сомнительного содержания.

Наш рассказ произвел на всех должное впечатление. Даже Алька, которая до последнего надеялась, что Стас честный парень, жаждущий прийти на помощь нуждающимся, сникла после услышанной истории.

— Аль, я как в воду глядела, они сектанты, — сказала Люська.

— У меня их гармония уже вот где сидит, — я провел ладонью по шее. — Димон, а у тебя что?

— Проследил, дорогу запомнил. Местечко тихое, безлюдное, лес, речка — короче, одна сплошная природа. Ближайший населенный пункт в трех километрах: садовое товарищество «Липки». Рядом деревня на пять домов, заброшенная ферма, маленький продуктовый магазинчик, почта полуразвалившаяся и медпункт. Еще дальше активно идет строительство коттеджей. Я по инету посмотрел, примерно в шестидесяти километрах от МКАДа их домишко расположился.

— Подытожим, — я набросился на принесенный Алиской бутерброд с колбасой. — Стас — парень мутный. Согласны? К секте имеет прямое отношение, следовательно, с головой проблемы есть, клинить и глючить его может регулярно. К нашему делу он может быть причастен. Попытка убийства Варвары Витальевны, с последующим проникновением в квартиру Альки и подбрасывание окровавленного ножа, указывает на то, что тут действовал человек, скорее всего, не совсем адекватный. Потому как логики в его поступках и передвижениях я не вижу. И сектанты в данном случае как никто подходят под формат неадекватов.

Со мной все согласились, во всяком случае никто не возражал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Время последнего визита

В воскресенье Алька осталась дома одна. Мы с Люськой уехали в дом гармонии на какое-то посвящение, Алиска поехала в Москву, узнать о самочувствии Варвары Витальевны, а Димон отправился к Красинским. Как он сам выразился перед уходом, разведать обстановку.

Альке было скучно. Сильно чесалась нога, и именно в том месте, где был наложен гипс. Уже готовая садануть по ноге костылем, Алька тихо застонала. Больше всего «убивала» стоявшая в комнате духота. На улице плюс тридцать три, в комнате, наверное, все сорок. Кондиционера в доме нет, от вентилятора, который гонял туда-сюда горячий воздух, толку чуть.

Осторожно поднявшись с кровати и оперевшись на костыли, — о, как же сильно Алька их ненавидела — она начала медленно ковылять к выходу. Главной преградой была лестница. Если Алька, не дай бог, оступится и кубарем свалится вниз — пиши пропало. Но ждать

она не может, силы были на исходе, хотелось вырваться из раскаленной духовки, оказавшись на свежем, пусть и прогретом до безобразия воздухе.

Она смогла преодолеть все препятствия, смогла выйти на улицу, дойти до скамейки и сесть без чьей-либо помощи.

На улице Алевтина просидела часа три. Она ждала, когда Димон вернется от соседей, а он напрямик от Красинских отправился в город, встречать Алиску. Приехали они около двух часов.

— Тебе кто разрешил спускаться вниз? — набросилась на Алю Алиса.

— А зачем мне тогда костыли, я же не прикованный к кровати инвалид.

— Ты могла упасть.

— Но не упала же, Алис, все в порядке, не паникуй.

— Пойдемте в дом, я поесть разогрею.

Поддерживаемая Димкой, Аля дошла до веранды.

— Почему вы молчите, что удалось узнать? Алис, как Варвара Витальевна?

— Пока без изменений, но жизни ее ничто не угрожает. Петр Алексеевич ходит в

больницу каждый день, больше к ней никого не пускают. Он молодцом держится, верит, что Варвара скоро придет в себя.

— Скорее бы.

— Красинские окончательно сдались, — сказал Димон. — Ирина Матвеевна пытается бодриться, а Кирилл Тимофеевич уже никакой.

— Похитители больше не звонили?

— Как раз вчера звонили.

— И что?

— И ничего. Напомнили про двести тысяч.

— С Юлей разрешили поговорить?

— Нет.

Алька сжала кулаки.

— Есть же такие сволочи на свете, неужели их совесть не мучает.

— У сволочей ее нет, — грубо ответила Алиска, положив на разогретую сковородку шесть блинчиков с мясом.

— Ребят, — Аля закусила нижнюю губу, не решаясь произнести вслух терзавшие ее сомнения. — А что если... Юли уже нет в живых?

— Прекрати!

— Они могли ее убить.

— Родители собирают деньги, выкуп за дочь, так какой им смысл убивать Юлю?

— Не знаю, — у Алевтины на глазах навернулись слезы. — Они — нелюди, в их больном мозгу может что-нибудь переклинить и тогда жди беды.

— Слушайте, давайте не будем сейчас о грустном, — Алиска поставила сковороду с блинчиками на разделочную доску, положив ту на середину стола. — Ешьте, пока горячие.

— Я с кетчупом, — сказал Димон.

— А мне из холодильника соевый соус достань, — попросила Аля.

— Таких денег им, конечно, не насобирать, — Димон расправился с первым блинчиком, потянувшись за вторым. — Двести тысяч гринов для Красинских огромная сумма.

— Не для них одних.

— Профессор всех друзей обзвонил, знакомых, родню, удалось собрать сорок тысяч. Это, считая собственные сбережения. Сегодня двоюродный брат Кирилла Тимофеевича привез четыре тысячи баксов.

— Уже хорошо.

— Алис, хорошего мало. Четыре тысячи это капля в море.

— А дом? — оживилась Алька. — Есть же еще дом.

— Готовы его продать хоть завтра, но за такой короткий срок покупателя не найти. Домишко потянет на двести тысяч, даже дороже продать можно. При условии, что этим занимается агентство, и время поджигать не будет.

За чаем Димона посетила идея.

— Как полагаете, Юля зарегистрирована на сайте?

— Можно проверить.

— Тогда я ноут принесу.

— Дим, только искать желательнее не со своей страницы, — предупредила Алька.

— А мы новую создадим. По примеру Комара, регистрируем какую-нибудь свою Анну Петрищеву, а фотку из инета скачаем.

— Зачем такие сложности, насколько я знаю, у Люськи на сайте есть левая страница, — сказала Алиса. — Позвони ей, пусть скажет логин и пароль.

— А зачем Люське левая страница? — нахмурился Димон.

— Да ладно тебе, зачем-зачем, ревнуешь, что ли? С левой удобно заходить к знакомым, фотки их смотреть и так далее.

— А со своей это сделать нельзя?

Алиска переглянулась с Алькой.

— Он ничего не понимает в этом деле.

— Определенно не сечет, — засмеялась Аля.

Вскоре все трое сидели перед ноутбуком, Димон ввел в графу поиска имя и фамилию профессорской дочки. Оказалось, что на сайте зарегистрировано более сотни Красинских Юль.

— Напиши город, — посоветовала Алиска.

Поиск сузился, правда, нужная нам Красинская была зарегистрирована на сайте не как Юлия, а как Юляшка.

— Юляшка, Валюшка, Маняшка, блин, люди третий десяток разменивают, а имена себе выбирают как пятилетки.

— А чем тебе не нравится Юляшка?

— Ей двадцать лет, она перестала быть Юляшкой лет десять назад. По-моему, Юлия, звучит намного приятней, чем Юляшка. Ты вслушайся, двадцатилетняя Юляшка. Капец!

— На вкус и цвет, Димка, товарищей нет. Ладно, какая разница Юля, Юлечка или Юляшка, мы ее нашли, это главное.

На странице Красинской было размещено восемьдесят три фотографии, она вступила в семь групп, и имела сто сорок шесть друзей.

Димон начал с фоток Юлии.

— А она ничего.

— Ага, — согласилась Алька. — Юлька вообще фотогеничная, при любом освещении и ракурсе классно получается. Не то, что я. Меня, как ни фоткай, всегда уродиной получаюсь.

— Не говори, — поддакнула Алиска. — Я сама такая. Мне мама говорит: тебе фотографа нужно нормального найти, а я думаю, дело не в фотографе. У меня резкие черты лица, поэтому...

— Мы вообще-то сейчас не про вас говорим, — кашлянул Димон. — Опа! Аль, это ты, что ли?

Алевтина прищурилась, наклонилась ближе к монитору и присвистнула.

— Кто ее просил эту фотку сюда помещать?! Ненавижу себя такой толстой.

— Когда сфоткаться успели?

— Лет пять назад Кирилл Тимофеевич возле их забора нас сфотографировал. Фу! Какая я щекастая! Дим, закрой фотку, смотреть не могу.

Посмотрев некоторых Юлиных друзей, Димон вышел с сайта.

— Девчонка красивая, судя по количеству друзей, была компанейской.

— Почему была?

— Не придирайся к словам, я не так выразился. Забавно, но когда у тебя слишком

много друзей, очень трудно вычислить, кто из них тебе враг.

— То есть?

— Не зря говорят, друзей много не бывает. Не в том плане, что чем больше, тем лучше. Когда число друзей переваливает за пару-тройку десятков, лично меня начинают гложить сомнения, а действительно ли все они друзья? А еще кто-то сказал, что самые кровожадные и беспринципные враги получаются из бывших друзей.

— Дим, ты это к чему сейчас говоришь?

— Да сам не знаю, — Димон встал, закрыл ноутбук. — Но что-то после просмотра ее страницы меня насторожило.

— А что?

— Не пойму. Вроде все так и одновременно не так.

— Называется, объяснил.

Димон подошел к входной двери.

— Я прогуляюсь немного, голову надо проветрить.

— Ты что-нибудь поняла? — спросила Алька. — Так, но не так. О чем он говорил?

— Может, позже его осенит. Подождем. — Какое-то время девчонки сидели молча, а потом

Алиска протянула: — Интересно, чем сейчас занимаются Глеб с Люсей?

...В загородном доме вовсю кипела работа.

Меня запрягли помогать нескольким мужчинам устанавливать во дворе огромных размеров шатер. Люську и еще трех девушек отправили на открытую веранду плести венки из полевых цветов. До сегодняшнего момента Люська могла заплести разве что косичку из ленточек, но Надя, Инга и Лариса научили ее нехитрому занятию за рекордно короткие сроки.

Мы провозились с шатром часа два, я был мокрый от духоты и злости, несколько раз хотелось на все плюнуть, найти Люську и умотать домой. Все эти приготовления к неизвестному посвящению больше напоминали безумие, а люди смахивали на безумцев. Например, толстый коротышка Владимир, который постоянно на всех орал и размахивал руками, каждые десять минут опускался на колени и начинал отбивать поклоны. Кому, почему и зачем, я не знал. Да и знать не особо хотелось, и так уже многое стало ясно, мы с Люськой попали в общество людей с расшатанной психикой, попросту говоря, нас окружали шизанутые личности.

Люську я нашел за домом в компании прыщавой Ларисы. Попросив оставить нас с сестрой наедине, сел на скамейку, уставившись на два ведра красных роз.

— Чем занимаешься?

— Нина попросила испохабить цветочки.

— В смысле?

— Глеб, я ни черта не понимаю. Стас купил розы, сам видишь, цветы шикарные, а Нина сказала, что для посвящения им нужны исключительно лепестки. Жалко, конечно, цветы, а что делать.

— Слушай, может, свалим, а?

— На полпути? Глеб, не дури.

— Достало здесь все. Ты в курсе, что за посвящение нас ожидает, а если эта какая-нибудь сектантская фигня с жертвоприношениями?

— Нас с тобой точно в жертву никто приносить не собирается.

— Ты сегодня видела Веру?

— Нет.

— И я нет, зато слышал, как Дана говорила Нине, что Вера сегодня вознесется.

— Что?!

— Ты не ослышалась, — я быстро обернулся, удостоверился, что нас никто не видит, и

зашептал: — Вознесется... Это как? Лично мне на ум одно приходит, — я провел ребром ладони себе по шее и закатил глаза.

— Да ну, Глеб, не может быть.

— Но Дана так сказала.

— Она, наверное, имела в виду совсем другое.

— Все равно как-то сегодня здесь беспокойно. Воздух даже наэлектризован, не чувствуешь?

— Есть немного, — Люська закончила «по-трошить» очередную розу и встала со скамейки. — Слушай, ты пока продолжай уродовать цветы, а я Веру поищу. Мне кажется, она должна быть в доме, на втором этаже.

— Лишнего не болтай.

— Не учи ученого, — Люська скрылась за поворотом, а ко мне сзади подошла Лариса.

Она приблизилась неожиданно, не иначе шла на цыпочках.

— А где Люда? — картаво спросила она.

— Сейчас придет.

Лариса селя рядом, взяла розу и молча принялась отрывать красные лепестки. Я видел, как она изредка бросает на меня любопытные взгляды, при этом на ее кривоватых губах играла улыбка. Вдвоем мы просидели минут тридцать, за это время ни я, ни она не проронили ни

слова, атмосфера накалилась до предела, я старался думать о чем-нибудь приятном.

— Глеб, можно тебя на минутку? — крикнула из-за угла Люська.

Я вскочил со скамьи с чувством огромного облегчения, а забежав за угол, спустил всех собак на сестру.

— Где ты шлялась?

— Глеб, я с Верой разговаривала. Там такое!

— Рассказывай, не тяни.

— У нее муж год назад умер, представляешь, в сорок лет два инфаркта перенес. Третий его убил.

— Это имеет отношение к делу?

— А то! Вера полгода в трауре проходила, а потом случайно познакомилась с Ольгой.

— Той самой...

— Да, — не дала мне закончить Люська. — Той, с прокуренным голосом. И знаешь, что ей предложила Ольга? Перебраться сюда, чтобы обрести утерянную гармонию. Вера согласилась, с тех пор живет здесь практически постоянно. А самое ужасное, она испытывает к Ольге неземную благодарность, говорит, та спасла ее от неминуемой гибели. Я ее слушала и ушам не верила, налицо факт мастерского

запудривания мозгов, а Вера чуть ли не святой Ольгу считает.

— Не понял, ты сейчас о чем?

— Знаешь, что за посвящение сегодня будет? Вера станет одной из немногих, кому удалось побороть уныние и обрести душевный покой. Она назвала даже какой-то статус, я не запомнила. Вера верит в их бредни, не подозревая, что крепко сидит на крючке у этих сектантов. Теперь приготовься, все лучшее на десерт. Три дня назад Вера продала трехкомнатную квартиру и, наконец, окончательно смогла очиститься от всего мирского. А кто ей об этом сообщил? Правильно, добрая душа Ольга. Добрая в кавычках, разумеется.

— Понятно, на каких китах держится их гармония.

— По ним психушка плачет, Глеб, такие персонажи способны на все. Нам во что бы то ни стало надо достать кровь Стаса, и чем скорее, тем лучше.

— Смотри, мы можем...

— Отлыниваете от работы? — к нам подошла Нина. — Люся, помоги мне, пожалуйста, на кухне. Помой рис.

Люська пошла за Ниной, у самого крыльца она обернулась, обменявшись со мной многозначительным взглядом.

...Посвящение началось в шесть часов. Мы собрались в шатре, опять сели в круг, приняв позу лотоса. Веру вывели в центр, она была одета в белое платье, смахивающее на балахон, белые туфли и белые перчатки. Голову венчала фата. Этот цирк меня здорово напрягал, я наблюдал за происходящим, пытаюсь понять, какой была Вера в своей прежней жизни. Той, что закончилась с появлением на горизонте Ольги. Наверняка у нее имелись свои интересы, хобби, она встречалась с друзьями, перезванивалась с родней, знакомыми, ходила по магазинам, занималась готовкой, уборкой. Короче, вела нормальный образ жизни. До поры до времени. А в кого она превратилась сейчас? — в полубезумную марионетку, которой управляют опытные, но, увы, тоже полубезумные кукловоды.

Ольга произнесла затянувшуюся речь, после которой всем вручили пиалы с янтарной жидкостью. Я посмотрел на Люську, она кивнула. Нам удалось незаметно вылить содержимое пиал на землю, другие же с огромным удовольствием влили жидкость в себя.

К речке отправились примерно через час, на головах женщин были надеты венки из полевых цветов. Мужчины остались в шатре.

Как позже рассказала Люська, Вера прямо в одежде зашла в воду, и у нее начался приступ истерического смеха. Потом накрыло остальных. Некоторые женщины катались по земле, Люська держалась из последних сил. А когда Веру вывели на берег, Люське выпала честь осыпать ее путь до шатра лепестками красных роз.

Напиток пили еще трижды, его половником разливала Дана из большой кастрюли.

Смех, слезы, вопли, похожие на звериный рык, длились достаточно долго. Колбасило всех по максимуму. Я заметил, как Станислав после очередной порции напитка мешком рухнул на землю, но его продолжало плющить. Он смеялся, визжал, бил кулаками себя по ногам. Потом вскрикнул, взмахнул рукой и отрубился. Многие, как и Стас, бревнами валялись на земле, не подавая признаков жизни, глочить продолжало самых стойких. Но что-то подсказывало, что вскоре и остальных скосит дурманивший напиток.

Развернувшись, Люська побежала в дом.

— Ты куда?

— Сейчас, Глеб, это наш шанс.

Она вернулась несколько минут спустя, держа правую руку в кармане джинсов.

— Глеб, скажи, ради благого дела человеку можно причинить боль?

— Вряд ли.

— А если подумать?

— А если не говорить загадками? — я обернулся, услышав крик Ольги. Она тоже упала, устав отплясывать безумные танцы.

Люська достала из кармана бритвенный станок.

— Еще в прошлый раз заметила его в ванной.

— Кого брить собралась?

— Не тормози, я Стасу кровь пушу. — Люська протянула мне чистый носовой платок. — Держи, дашь, когда попрошу.

— Ты сдурела?! Не подходи к нему.

— Другого шанса может не быть, Глеб, я не собираюсь кромсать Стаса на куски, просто немного резану подушечку пальца, промокну рану белым платком, и процедура закончена.

— Ты не сделаешь этого!

— Глеб...

Я отнял у Люськи бритвенный станок.

— У тебя в голове вечно рождаются нестандартные мысли, — я зашел в шатер.

— Отдай бритву.

— Замолчи! Возьми свой платок, сама мне его подашь. — Я подошел к Стасу, сел на корточки, толкнул его в плечо. — Эй, друг, ты как, слышишь меня?

— Он в отключке.

— Вижу.

— Тогда не тяни.

Легко сказать, не тяни, а если не рассчитаю силы, если резану сильнее, чем следует, как потом кровь остановить? Сказав об этом Люське, я услышал.

— Не истечет он кровью, ты, главное, ранку быстро сделай, не медли.

Взяв руку Стаса, я колебался.

— Палец не мешало бы спиртом протереть.

— А давай Стаса в больницу отвезем и попросим, чтобы у него кровь из пальца академик взял. — Люська выхватила у меня бритву, села и в мгновение ока резанула Станиславу подушечку указательного пальца. — Готово! Глеб, платок.

— Он у тебя.

Люська приложила платок к неглубокой ране, слегка надавив на палец Стаса.

Все обошлось, обильного кровотечения не наблюдалось, и когда Люська убрала платок,

положив аккуратно руку Стаса ему на грудь, рана уже не кровоточила.

Выйдя из шатра, я позвонил Димону, попросил срочно приехать и забрать платок с пятном крови.

— Удалось? — не сразу поверил Димка.

— Люська проявила себя как заправская вампириха, — прошептал я в трубку.

Димон приехал через час, некоторые из отключившихся к тому времени начали трепыхаться — медленно, но верно, приходили в себя.

Передав платок, мы с Люськой вернулись в шатер, возвращение с Димоном в наши планы не входило. Убежав сейчас, мы могли вызвать ненужные подозрения, а они нам ни к чему, поэтому сев у входа, стали ждать, когда закончится действие дурманящего напитка янтарного цвета.

...Понедельник — день тяжелый! С этим не поспоришь, я проспал до трех часов, и, наверное, мог бы спать еще, если бы меня не разбудила Алиска. Она прошла в комнату, села на кровать, задав самый идиотский вопрос, который можно было только задать.

— Глеб, ты не заболел?

Я застонал.

— Алис, мы вернулись в пять утра, я спать хочу. Я здоров!

— Извини, просто я беспокоилась.

— Беспокойся внизу, дай мне поспать.

— Как скажешь, — она встала и подошла к двери.

— Алис, не обижайся, — я открыл глаза.

— Не разговаривай, а то сон пройдет, — сказала она. Я так до конца и не понял, говорила Алиска серьезно или шутила.

— Ладно, все равно уже не засну. Встаю. Спускаюсь через пару минут. Кстати, Люська встала?

— Она в душе.

— Понятно, — я дождался, пока Алиса выйдет из комнаты, встал, нехотя оделся и столкнулся в дверях с Димоном.

— Глебыч, уже проснулся?

— Меня заставили проснуться.

— Правильно, нечего дрыхнуть до вечера. Да шучу-шучу, я говорил Алиске, чтобы оставила вас в покое, она — ни в какую. У нее пунтик, если на часах два, а кто-то продолжает лежать в кровати, значит, надо бить тревогу. А сейчас три, скажи спасибо, что она панику не подняла.

Вдвоем мы спустились вниз. Алька сидела за столом на кухне, перед ней лежал ноутбук, Алиска варила кофе, Люська чем-то грохотала в ванной комнате.

— Чего вчера было-то, когда я уехал? — спросил Димон. — Эти долго под кайфом провалились?

— Кто как, некоторые в час ночи в себя не пришли. Стас около одиннадцати очнулся, его наизнанку выворачивать начало, я думал все, кранты очкарику. Часа три его в чувство приводили, Люська хотела «скорую» вызвать — не разрешили. Потом он оклемался малость, я ему сказал, что на нас он может не рассчитывать, после воскресного посвящения мы с Люськой к ним больше не ходоки.

— А он?

— А что он, начал оправдываться, бормотал что-то невнятное, предлагал остаться в доме до утра. Мы отказались, лесом до шоссе шли, потом тачку пытались поймать.

— И никто не останавливался, — зло бросила вошедшая в кухню Люська. У нее были мокрые волосы и покрасневшее лицо. Сев рядом с Алевтиной, Люська зевнула. — Алис, мне кофейку покрепче плесни. Блин, вы бы нас

видели, идем с Глебом по дороге, ночь, темнота, машин почти нет. Мрак! Потом дядька на «тавррии» тормознул, до развязки нас подбросить согласился. А оттуда опять на попутках. Ноги болят, голова трещит, по частям себя сейчас собирала.

— Кириллу Тимофеевичу сегодня «скорую» вызывали, — сказала Алиска, поставив на стол чашки с кофе.

— Что с ним?

— Давление скакануло.

Люська сочувственно кивнула.

— А зачем вам мой левый адрес на «Одноклассниках» понадобился?

Алька ввела нас в курс дела, и Люська сразу захотела лично посмотреть страницу Юляшки Красинской.

— Не хило у нее френдов, — сказала она, зайдя на сайт.

— А я про что, общительная девчонка.

— Восемьдесят три фотки, я фигею. Она бы себя еще в туалете сфоткала. Зачем столько фотографий размещать, можно подумать, кроме нее никто и никогда не был в Турции, Греции и Египте. О! А это вообще шедевр прошлого века — солнышко на ладошке. Как мило! Фото у бассейна, у пальмы, на фоне отеля — короче, полный

набор. — Минут десять Люська смотрела фотографии, отвешивая свои язвительные комментарии, потом просмотрела названия групп, к которым присоединилась Юля, и вдруг подскочила.

— Сегодня какое число?

— Шестнадцатое.

— Не может быть!

— Точно говорю, шестнадцатое сегодня. В пятницу тринадцатое было.

— Обалдеть!

— Я не верю в приметы, — отозвалась Алька.

— Да пошли эти приметы куда подальше. Вы гляньте, последний раз Юляшка Красинская была на сайте пятнадцатого июня в двадцать три часа сорок девять минут.

Мы прильнули к монитору.

— Мама дорогая! — Алиска не верила глазам. — И что все это означает?

— Что вчера вечером, профессорская дочка заходила на свою страницу в «Одноклассниках».

— А может, зашла не она?

— А кто? Кому еще мог быть известен ее пароль.

— Ну мало ли.

— Алис, не знаю как ты, но я в такие совпадения не верю.

— Я тоже, — ответил Димон. — По ходу вчера днем, когда мы на сайте были, я обратил внимание на время последнего визита Красинской. Это меня и насторожило. Точно! Вчера пятнадцатое было, а она четырнадцатого к себе заходила.

— И четырнадцатого и пятнадцатого, — тихо проговорила Алька. — Так, может, она каждый день на сайте бывает?

— Вопрос: как такое возможно? Вариант с добрыми похитителями, которые разрешают Юляшке пользоваться Интернетом, даже не обсуждается.

Я попросил Люську подвинуться, начал смотреть друзей Красинской. Практически все москвичи, пожалуй, за редким исключением, когда взгляд натыкался на названия типа «СПб», «Харьков», «Дюссельдорф» или «Филадельфия».

Фотография Антона Самоненко, который сейчас как раз был на сайте, сразу привлекла мое внимание. Лицо Самоненко показалось мне знакомым. Я кликнул мышкой, перешел на его страницу, узнав, что Антону двадцать один год, он москвич и учится в институте на факультете маркетинга.

Первые фотографии были размещены на сайте еще в восьмом году, на них Антон был худой и с длинными волосами, а на новых фотках лицо стало круглым, прическа короткой и... Я дернулся вперед.

Сейчас я смотрел фотографию, на которой Антон стоял возле открытой двери темно-синего форда. Отлично просматривался номер иномарки. А дернулся я, потому как в номере присутствовали цифры «53» и буква «Н». Теперь я вспомнил, где и при каких обстоятельствах видел Самоненко.

— Это он, — сказал я, толкнув Люську в бок.

— Кто?

— Приглядишься, неужели не узнаешь?

— На актера похож, да?

— Да, на актера, — съязвил я. — На того самого, по чьей вине ты свалилась со скутера.

Люська разинула рот.

— Узнала! Действительно он! — вскрикнула она.

— И форд темно-синий, значит, тогда я не ошибся.

— Ребят, вы вообще о чем? — спросил Димон.

Пришлось рассказать про столкновение с Антоном.

— Две недели назад в среду вечером? — переспросила Алиска. — Но ведь в тот день Аля сломала ногу.

— Именно! И профессор отвозил ее в больницу, а утром они с женой уехали на работу, полагая, что Юля спит после вечерней зубрежки.

Люська тряхнула головой.

— Погодь, Глеб, дай во всем разобраться. В среду Красинские поужинали, Юля отправилась к себе готовиться к экзамену. Больше родители ее не видели. А в двенадцатом часу на нас налетел форд Самоненко, друга Юлии.

— Вспомни, как он торопился, и вел себя естественно.

— Глебыч, в машине больше никто не сидел?

— Вроде нет... Не помню. Мы внимания не обратили, не до того было.

— В салоне точно кто-то был, я видела, — закивала Люська.

— Если разложить все по местам, что могло понадобиться Самоненко ночью в деревне, где живут Красинские?

— Ровным счетом ничего.

— Но он здесь был. Факт доказанный!

Некоторое время мы переваривали обрушившуюся на нас информацию, потом Димон спросил:

— В каком институте он учится?

Люська прочитала название.

— А факультет?

— Факультет маркетинга.

— Какой нужный сайт, — иронично заметил Димон. — Прямо база данных: возраст, место жительства, места учебы, работы, фотки, да еще можно узнать, кто кому и кем приходится.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Настоящий полковник

Я пока решил никому не говорить, что оказать посильную помощь в проведении необходимой нам экспертизы может Диана. Сейчас она была на съемках в Питере, там снимают сериал, в котором Диана играет убийцу. Не очень лестная роль, хотя, по словам Дианы, играть отрицательных персонажей ей всегда было намного интересней, чем пресных героинь. Ей, конечно же, виднее.

В Москву Диана должна вернуться через пять дней, и я возлагал на беседу с ней огромные надежды.

А пока мы вплотную занялись Антоном Самоненко. Для начала приехали в институт, отыскивали нужную нам кафедру, узнали в деканате, что занятия группы 44-А закончились, — у студентов началась сессия. С понедельника по пятницу зачетная неделя, в следующий вторник первый экзамен.

— Его группа сдает зачет в третьей аудитории, — сказал Димон, вытаскивая на ходу деньги

из кармана джинсов. Он купил хот-дог и кофе, мы отошли чуть в сторону, Люська прислонилась спиной к металлическим перилам.

— Дим, а ты его видел?

— В коридоре нет, может, Антон в аудитории?

— Знакомого форда поблизости нет, — я осмотрелся по сторонам.

— Не факт, Самоненко мог припарковаться где угодно.

— Девчонки из его группы, — Димон толкнул меня в бок, кивнув на вышедших из корпуса трех девушек-студенток. У каждой оказалось по сигаретке, чиркнула зажигалка, появился сизый дымок.

— Нервничают, — усмехнулась Люська.

— А ты перед контрами не нервничаешь?

— Не имею такой привычки.

— Школьная контра и институтский зачет — две разные вещи. Димон допил кофе. — Глебыч, а та, рыжая, ничего, согласен?

Люська толкнула Димку в плечо, от неожиданности он выронил недоеденный хот-дог, успев перед этим испачкать светлые джинсы кетчупом.

— Люсь, ты чего?

— А ты чего несешь? На ту рыжую приехал паяться или делом заниматься?!

— Да я только...

— Тогда подойди к ней и спроси, где Само-ненко. Чего ждешь, иди, если она тебе приглянулась.

— Люсь...

Люська заткнула уши.

— Ничего не хочу слушать.

Димон быстро посмотрел на меня и, затирая пятно на джинсах, стал приближаться к курящим студенткам.

— И зачем эта сцена ревности? — спросил я у сестры. — Ты ж знаешь, он просто так сказал, констатировал факт.

— Тебе она тоже понравилась? — Люська прищурила глаза. — Понятно. Когда приедем домой, я все расскажу Алиске, тоже констатирую факт, посмотрим, как ты будешь выкручиваться.

— Слушай, иногда с тобой невыносимо разговаривать.

— Не разговаривай... О, Глеб, — Люська схватила меня за руку. — Смотри, Димка с ними трепаться начал. Я думала он не решится подойти.

Мы неотрывно наблюдали за беседой Димона и девчонок. Общение длилось минут пять, не дольше, девчонки кивали головами, иногда посмеивались, Димон тоже пару раз громко засмеялся. Сегодня он явно был в ударе, мне даже захотелось подойти ближе, послушать, что конкретно их так развеселило.

— Идет, — буркнула Люська, вернувшись к перилам.

— Ты только не начинай, мы сюда не скандалить приехали.

— Можете меня поздравить, — улыбался Димка. — Самоненко сегодня в институте нет.

— А зачет?

— Забил на него. Рита сказала...

— Так вы уже и познакомиться успели?

— Люсь, не ревнуй, — Димка хотел обнять ее за плечи, Люська вывернулась.

— К этой рыжей дистрофичке с сигареткой? Слишком много чести.

— Что еще удалось узнать? — быстро спросил я.

— Завтра у них зачет в седьмом корпусе на втором этаже. Рита сказала... — Димон осекся. — Девчонки сказали, Антон должен приехать.

— Торчать здесь сегодня нет смысла, возвращаемся, — заключила Люська.

— Самоненко живет недалеко от института, буквально через пару улиц.

— Номер дома сказали?

Димон ударил себя ладонью по лбу.

Улицу сказали, а про дом я не спросил. Ждите здесь, я...

— Никуда ты не пойдешь! — отрезала Люська. — Завтра проследим за Самоненко от института, сами все узнаем.

Димон поднял руки вверх.

— О'кей, договорились.

В среду без четверти одиннадцать мы припарковались недалеко от седьмого корпуса.

— Я вижу его машину, — Люська ткнула пальцем в темно-синий «форд». — Отлично, значит, прокатились не зря.

Зачет — дело серьезное, за десять минут от него не отделаешься, мы это понимали, поэтому ждали появления Антона стойчески. Часа через полтора он вышел из здания, покурив и снова скрылся в корпусе.

Слежка началась в начале третьего, когда довольный Антон, прикурив на ходу, сел в машину. Из института он поехал в супермаркет, Люська

вызвалась сесть ему на хвост в торговом зале, мы с Димоном остались на стоянке.

Четыре пакета с продуктами Самоненко выкатил из магазина на тележке. Пока он укладывал их в багажник, прибежала Люська.

— Думала, он все подряд скупит, — быстро сказала она, промокнув носовым платком взмокший лоб.

— А что хоть купил?

— В основном набрал овощей и фруктов.

— Ого!

— Сама удивилась. Апельсины, яблоки, груши, виноград, сливы. Клубнику с черешней купил, абрикосы. Помидоры, огурцы... Судя по всему, питается он правильно, только не ясно, зачем набрал всего и сразу.

— Может, аппетит у него разыгрался после сдачи зачета. Кстати, ты не назвала бананы, — усмехнулся Димон.

— А вот бананы он как раз и не купил, — в тон ему ответила Люська.

Из магазина Антон поехал домой, и уже минут через двадцать нам удалось узнать, что Самоненко с матерью живет на втором этаже в семьдесят первой квартире. Информацией поделилась девушка, выгуливающая возле подъезда

сонного кокер-спаниеля. Так же она уточнила, что окна их квартиры выходят во двор.

— Ага-ага, — кивала Люська. — Значит, те три окна и балкон принадлежат Самоненко. Считайте, нам повезло.

Димон не сразу понял, что к чему, а я догадался, о каком везении говорила сестра. У подъезда росло несколько тополей, одно дерево стояло слишком близко к дому, ветки едва не касались стекол первых четырех этажей.

— Когда стемнеет, и в квартирах начнут зажигать свет, есть шанс, что мы сможем увидеть всех, кто живет у Самоненко.

— Вам же сказали, Антон живет с матерью.

— Дим, он живет с матерью, но это не значит, что кроме матери в квартире не могут находиться другие люди. Например, Юля Красинская. Врубаешься?

— Вероятность невелика, но проверить стоит.

— К Комару надо заскочить, — сказал я, сев на скутер. — Помнишь, он бинокль упоминал. Вечером оптика Витьки может пригодиться.

И действительно, с биноклем сидеть на толстой ветке тополя было намного комфортней. Во всяком случае мне висевший на шее бинокль придавал уверенности. Люську мы с

собой не взяли, она осталась с девчонками в деревне, сами приехали к дому Самоненко около одиннадцати, заняли исходную позицию на дереве, ожидая, когда город окончательно накроют сумерки.

Форд Антона стоял неподалеку, что свидетельствовало о нахождении парня в квартире. Свет пока не включали. Два из трех окон и балконная дверь были открыты.

Вскоре свет включили на кухне, я увидел средних лет женщину, поставившую на плиту светло-желтую кастрюлю. Минут через десять на кухне появился Антон, он пробыл там недолго и сразу из кухни пошел в большую комнату. Там вспыхнул свет, но из-за плотной занавески я не мог разглядеть, что происходит внутри. Такая же картина меня ожидала и час спустя: в соседней комнате загорелся свет, но увидеть что-либо не удалось.

— Идеальное место — кухня, — прошептал Димон. — И как назло, кроме его матери, там никто не появляется.

— А вдруг Юля не у них?

— Сам сначала сомневался, теперь не уверен. Мать Самоненко разогрела суп и отнесла тарелку в комнату. Для кого? Сама-то она

вернулась обратно и поела за столом. Антон то и дело мелькал в другой комнате, следовательно, суп ел тот, кто находился в зале.

— Тогда сматываем удочки. На кухне этот кто-то не появится.

— Почему?

— Наверняка по той же причине, что помешала ему поест за кухонным столом.

— Логично, — согласился Димон, но предложил посидеть на дереве еще немного.

В первом часу свет в квартире Самоненко погас. Антон вышел на балкон, мы с Димоном замерли, боясь шелохнуться. Я видел мелькавший красный огонек и едва заметное облако дыма. Антон курил. А как только окурочек был выброшен вниз, мы спешно слезли с дерева, — без шума обойтись не удалось, я сломал небольшую ветку — опрометью бросившись к скутеру.

На следующий день следить за Самоненко отправились вдвоем с Алиской. И снова география его передвижений была ограничена: институт—супермаркет—аптека. В аптеку с Антоном зашла Алиса, я остался на улице, опасаясь, что Самоненко может меня узнать.

В голову лезли всякие мысли касательно похищения Юлии. Вот мы «пасем» Антона, полагая,

что он причастен к исчезновению профессорской дочки. А он, разумеется, причастен, здесь повода для сомнений нет и быть не может. Но! Есть один нюанс, который, как мне кажется, мы изначально упустили из виду. Ведь, по нашей версии, Антон с Юлькой действуют заодно — да, появилась у нас такая версия, и всем она показалась единственно верной. Теперь я задумался, а что если она как раз ошибочна? Вдруг Антон не поделщик Юлии, не соучастник какого-то пока непонятного (или не совсем понятного) мероприятия, а тот самый похититель, который украл не понарошку, а всерьез?

И опять меня начали мучить сомнения. Юля заходила на сайт уже после своего похищения. Вот этот факт и сбивал меня с толку. Ну не может похищенный человек иметь доступ в Интернет, не может и точка. А Красинская этот доступ имеет, причем имеет ежедневно.

Черт, как же все-таки трудно вести расследования, постоянно возникают версии, которые спустя время рассыпаются как картонные домики. И снова начинаешь думать, анализировать, предполагать, и опять версии... версии... версии... Версий много, но где та

единственная, которая в итоге окажется верной и выведет нас к правде? Этого я не знал, и думаю, никто из ребят не знал. На данном этапе мы могли только гадать, двигаться вперед с почти закрытыми глазами.

Вскоре Алиска сообщила о покупках Самоненко.

— Он купил фолиевую кислоту, витамин «Е» в капсулах и йодомарин.

— А с чем это едят и при каких болезнях?

— Понятия не имею. Йодомарин вроде принимают при дефиците йода, а фолиевая кислота... Первый раз о такой слышу.

Опять неизвестность, опять мы провели день впустую, не узнав ничего нового, способного пролить свет на загадочное похищение Юлии Красинской.

За Самоненко продолжали следить Люська с Димоном, а мы с Алисой, проснувшись в субботу с петухами, на первой электричке отправились в Москву. Днем со съемок возвращалась Диана, к ее приезду я хотел подготовиться основательно, для этого мне требовалась помощь. Не заезжая домой, мы заглянули на рынок, купили свежую курицу, овощи, зелень, и Алиска пообещала приготовить сногшибательное блюдо.

Кстати, запеченная курица — любимое блюдо Дианы, именно поэтому я решил встретить ее, что называется, во всеоружии.

Мой план сработал на все сто, Диана больше обрадовалась не родному внуку, которого не видела почти месяц, а запеченной курице с овощами. Пока она разбирала вещи, рассказывая нам через стену о съемках и попутно интересуясь нашими делами, Алиса сервировала на кухне стол. Обедать сели ровно в три, Диана продолжала обрушивать на нас массу информации, я молча кивал. Иногда вскидывал брови и ждал. Ждал подходящего момента.

Примерно год назад мы с Люськой впервые услышали от Дианы имя Евгения Вячеславовича. Она упомянула о нем вскользь, как часто упоминает в разговоре своих многочисленных друзей, коллег и знакомых. Но вскоре Диана снова заговорила о поклоннике своего таланта, тогда и выяснилось, что Евгений Вячеславович не актер, а полковник. Самый настоящий полковник, работавший в районном УВД. Он ровесник Дианы и, как тогда заявила мне Люська, определенно имеет на нее виды. Мол, любви все возрасты покорны. Мне сделалось смешно, какие виды, какая любовь, им обоим по шестьдесят лет.

Возможно, я не прав, но сейчас, в свои пятнадцать, мне кажется, что любовь и все с ней связанное проходит годам к сорока. Почему-то я именно так считаю. Люська крутит пальцем у виска, говорит, я еще не дорос до понимания того, что любовь великая сила и возраст в этом отношении — банальные ничего не значащие цифры. Что ж, каждый имеет право на собственное мнение, сейчас вообще речь о другом.

На протяжении года неизвестный нам с сестрой Евгений Вячеславович часто звонил Диане, присылал цветы, приглашал в кино и театры. Забавно, наверное, пригласить актрису в театр.

Насколько мне известно, Диана тоже симпатизировала настоящему полковнику, между ними уже установились достаточно дружеские доверительные отношения. Она не раз повторяла слова Евгения Вячеславовича о том, что при возникновении проблем может звонить полковнику в любое время дня и ночи. Вот я и решил воспользоваться случаем и заручиться помощью Евгения Вячеславовича, так сказать, вместо Дианы.

Попросив об одолжении, я не стал вдаваться в подробности и вводить Диану в курс дела, да она особо и не стремилась вникнуть в ситуацию. Улыбнувшись Алисе,

Диана кивнула, сказав, что позвонит Евгению сразу, как только примет горячую ванну.

Слово она сдержала, я слышал, как Диана, войдя в образ, кричала в трубку, что внуку нужна помощь настоящего профессионала. Потом тон сменился, Диана начала посмеиваться, бросала в основном короткие «да-нет», и в итоге они договорились до вечернего похода в ресторан.

Мы с Алиской уехали за город, предварительно узнав, что Евгений Вячеславович будет ждать меня в своем кабинете в понедельник ровно в одиннадцать. Пока все складывалось удачно, вроде бы удачно, а как будет на самом деле, покажет время. Время... Странно, но я даже не мог до конца понять, на нас оно работает или против. А вдруг фифти-фифти? А что, такое тоже изредка случается.

Я не буду говорить, с какой надеждой и одновременно опаской ждал встречи с полковником. Боялся ли я? Ответ однозначный — да, боялся. Вроде я ничем не рисковал, ничего противозаконного не совершил и совесть моя по всем статьям чиста, но внутреннее беспокойство не давало расслабиться. Я опасался не справиться с задачей, попасть впросак и тем самым подвести ребят, которые теперь

рассчитывали исключительно на меня. Точнее, на мою затею.

Ночью я не спал, утром поехал в город, пытаюсь настроиться на позитив.

Дежурный долго и пристально меня разглядывал, не веря, что Евгений Вячеславович действительно назначил мне встречу. В итоге поверить ему пришлось, он связался с полковником, назвал мою фамилию, выслушал приказ старшего по званию, быстро закивав.

Как и куда пройти, дежурный объяснил мне практически с отцовской заботой.

Евгений Вячеславович оказался невысокого роста, немного полный, с удивительно добрым открытым лицом. Я его увидел и сразу успокоился, даже в случае провала операции, уже не буду чувствовать беспокойства. Оно прошло, испарилось, приветливая улыбка полковника вселила веру в себя и свои силы.

Мы обменялись рукопожатием. Евгений Вячеславович чуть суетливо предложил присесть, спросил, не хочу ли я воды, потом долго кашлял, перебирая пальцами сцепленные друг с другом канцелярские скрепки.

Я не стал ходить вокруг да около, положил на стол два полиэтиленовых пакетика, подвинул

их чуть ближе к полковнику. В одном пакете лежал кусочек дерматина, в другом носовой платок с кровью Станислава.

Узнав, с чем я пожаловал и какого рода помощь требуется, Евгений Вячеславович посуловел. Лицо сделалось жестче, взгляд прохладней, от открытости не осталось следа. Мне был задан ряд вопросов, на которые я отвечал заученным ранее текстом. А моя история выглядела так. Я выполнял детективное расследование, разумеется, дилетантское, решив помочь однокласснице. Не так давно у нее из квартиры был похищен альбом со старыми фотографиями, есть все основания подозревать двоюродного брата. Дело внутрисемейное, обращаться в полицию смысла нет. А из доказательств только следы крови на обивке двери. Вот я и решил восстановить справедливость.

— Без экспертизы не обойтись, — говорил я. — А по-другому не узнаешь, угадали мы с подозреваемым или нет.

— Понимаешь, Глеб, — Евгений Вячеславович взял один пакетик в руку, поднес его ближе к лицу. — То, что ты помогаешь однокласснице, это хорошо. Хорошо, — повторил он. — Только помощь всегда должна быть по

зубам, понимаешь меня? Вот ты просишь, провести криминалистическую экспертизу, а тебе известно, что наши эксперты-криминалисты завалены работой по самую макушку.

— Я догадываюсь.

— Вот, — Евгений Вячеславович коснулся двумя пальцами лежавшей перед ним папки. — Вчера вечером на пляже был найден труп мужчины. Два пулевых ранения. Сегодня ночью в районе произошла перестрелка, в результате троих увезли в морг, один в крайне тяжелом состоянии доставлен в реанимацию. Вот какие дела здесь делаются, а тут приходишь ты и просишь провести экспертизу куска дерматина, чтобы узнать, действительно ли Карл украл у Клары кораллы. Глеб, не серьезно это, а ты вроде парень правильный. А? Правильный ты или нет?

— Евгений Вячеславович, я все понимаю, но... А что если Карл не остановится на кораллах, и в следующий раз украдет не альбом, а более ценную вещь. И не у сестры, а у чужих людей. Это ведь уже будет классифицировано как кража.

— Сынок, ты почитай на досуге уголовный кодекс. Там все сказано.

Его снисходительное «сынок» мне не понравилось. Я мгновенно понял, что ловить здесь мне нечего. Поражение! Стопроцентное!

Извинившись, я встал и потянулся за своими уликами.

— Оставь, — ответил Евгений Вячеславович. — Ввиду исключения из правил, я попрошу эксперта глянуть на твои вещдоки. Кстати, где ты их хранил?

— Посмотрел в Интернете, как правильно хранить кровь, и...

— Интернет — великая вещь, — закивал полковник. — Чего там только не найдешь, чему там только не научат. Вот тебе лист и ручку, изложи все в письменном виде: что, как, когда, при каких обстоятельствах обнаружили следы крови, где и как хранили, короче, пиши все от и до.

На писанину у меня ушло минут десять. Евгений Вячеславович пробежался взглядом по моим каракулям, хмыкнул, почесал за правым ухом.

— А что, Глеб, решил, куда после школы поступать будешь?

— Пока не знаю.

— Может, к нам, пополнишь, так сказать, наши славные ряды. Я вижу, парень ты все-таки правильный. Нам такие нужны.

— Я подумаю.

— Подумай, сынок, подумай.

Теперь его «сынок» звучало совсем по-другому, более по-доброму, что ли.

Евгений Вячеславович сказал, чтобы я позвонил ему дней (тут он задумался, вытянул губы трубочкой) через семь. На прощание он пожелал мне удачи, посоветовал впредь не пытаться прыгнуть выше головы и передал привет Диане.

Если бы не помощь Дианы, размышляя я, выйдя на улицу, сидеть бы мне сейчас со своими уликами, гадая, причастен Станислав к попытке убийства Варвары или мы опять на неправильном пути. А теперь дело сдвинулось, механизм заработал и, возможно, уже через неделю я буду точно знать, кто принес Альке окровавленный «подарок».

Вечером, хотя полночь вряд ли можно назвать вечером, Алиска устроила романтический ужин. Для меня. Для нас. Люська с Алей спали на втором этаже, Димон в гостиной на первом, но сегодня Алиса попросила его подняться на второй этаж, переночевать в комнате для гостей.

В гостиной она красиво сервировала круглый столик, зажгла свечи, зашторила окна, создав ту самую романтическую атмосферу, о которой

много читала в любовных романах. Я, на время ее приготовлений, был выставлен на улицу. Стоял на крыльце, смотрел в звездное небо, слушая стрекотание беспокойных сверчков. Вот такие моменты мне по нраву — тишина, покой, ночь, нет суеты, беготни — все, как в песне поется, замерло до утра.

Алиса вышла на крыльцо в пятнадцать минут первого, подошла ко мне, как и я, облокотилась о перила, вдохнув полной грудью вкусный воздух.

— Нагулял аппетит? — спросила она, смахнув с глаз челку.

— Я стою здесь целую вечность, думал, ты заснула.

— У меня все готово.

— Можно зайти в дом?

— Можно, — Алиса улыбалась, и мне так нравилась эта ее улыбка. Красивая, чистая, расслабляющая.

Обнявшись, мы прошли в гостиную и остановились на пороге.

— Тебе нравится, Глеб?

— Прикольно.

— И все? Только прикольно, и больше ты ничего не скажешь?

— Если бы не мое косноязычие, я бы сыпал красноречием до утра, а так... Слушай, есть хочется.

Алиска засмеялась, мы сели за стол, и на какое-то время я забыл, что в доме кроме нас есть люди. Забыл напрочь обо всем на свете. Смотрел на Алиску, не в силах отвести взгляд в сторону, как будто увидел ее в первый раз.

Внезапно Алиса вздрогнула.

— Глеб, по-моему, на улице кто-то ходит.

— И что, пусть ходят, нам нет до них дела.

— Такое впечатление, что ходят прямо под окном.

— Тебе кажется, — я положил свою ладонь на ладонь Алиски, мы оба почему-то смутились. На какое-то время в гостиной повисла пауза.

Приготовленный Алисой салат оказался вне конкуренции, во всяком случае, я набросился на него, как оголодавший тигр. Она смотрела, как я ем, и улыбалась кончиками губ.

— Действительно вкусно или ты делаешь вид, чтобы меня не обидеть?

— Ты чего, Алис, салат — супер. — Я взял стакан сока, сделал несколько глотков и оставил в покое вилку. — Ты тоже выглядишь супер!

— Спасибо за запоздалый комплимент.

— Он не запоздалый, он своевременный.

С улицы послышался стук. Алиска опять повернула голову к зашторенному окну.

— Кошки носятся, — ответил я. — Алис, а может, включим музыку?

— Перебудим всех.

— Ерунда, они спят, как убитые. Давай, — я встал, включил старенький магнитофон, взял с полки Алькин диск, нажав на «Play». Гостиную заполнила приятная мелодия, потом раздался мужской баритон. Пели на французском языке.

Мы танцевали, Алиска положила голову мне на плечо, и я мечтал, чтобы песня звучала вечно.

— Глеб, как ты думаешь, какими мы будем лет через двадцать?

— Далеко заглядываешь.

— А все-таки?

— Ну, — я пожал плечами. — Нам исполнится тридцать пять, у нас будет свой дом...

— Обязательно большой и светлый, — перебила меня Алиска.

— И двое детей.

— Мальчик и девочка?

— Мальчик и девочка, — кивнул я. — Еще мы станем много путешествовать, объездим весь мир, самолеты, поезда, корабли...

— Только не самолеты, — запротестовала Алиса.

— Почему?

— Ужасно боюсь летать.

— Приходилось уже летать?

— Честно? Ни разу.

— Тогда откуда взялся страх?

— Не знаю, он есть и все, не могу от него избавиться. Только представляю себя в салоне самолета, в кресле пристегнутой ремнями и меня начинает колотить.

— Но я же буду рядом.

— Если только так, — улыбнулась Алиса, прижавшись ко мне. — Но все-таки лучше путешествовать на поездах и кораблях. Поезд ближе к земле.

— А корабли? Вспомни «Титаник».

— Глеб!

— Да я шучу, Алис.

Потом мы целовались, из динамиков звучала новая песня, и я снова хотел, чтобы она никогда не кончалась.

Прошло минут пять, Алиса резко отстранилась и принялась.

— Глеб, тебе не кажется, что пахнет горелым?

— Да вроде нет... Подожди, ты права, пахнет.

— Это с улицы, я закрою форточку.

— Алис, я сам закрою. — Я подошел к окну, одернул занавеску и шарахнулся назад.

Дом охватил огонь, на улице вовсю свирепствовали языки пламени.

— Мы горим! — завизжала Алиска. — Глеб, дом горит!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пожар

и другие неприятности...

Паника в экстремальных ситуациях — не самый лучший советчик, но я запаниковал, растерялся, и даже выпал на некоторое время из реальности. Куда бежать, кого спасти, что делать дальше? Эти и множество других вопросов вихрем пронесли в голове. Алиска визжала, вскочила из гостиной, я рванул за ней.

— Бери телефон, выбегай на улицу! — крикнул ей уже с лестницы. — Вызывай пожарных!

На втором этаже я с силой саданул рукой по двери спальни для гостей.

— Димон, подъем, мы горим!

Димка сориентировался мгновенно, он вскочил как ошпаренный, схватил рубашку, джинсы, и без лишних вопросов выбежал из комнаты.

Люська, услышав о пожаре, с перепуга и неожиданности не знала, что сказать. Алька разревелась.

— Давайте-давайте, не тяните время. Все на улицу. Димон, берем Альку под руки.

На этаже появилась Алиска.

— Я позвонила, они адрес требуют назвать. Аль, я не знаю точного адреса, возьми трубку.

Димка выхватил у Алисы телефон, проорав скороговоркой адрес.

— Алиска, Люська, дуйте вниз, — кричал я, ощутив першение в горле.

— Зовите на помощь соседей. Если огонь перекинется на другие дома, здесь выгорит все к чертовой матери минут за тридцать.

Одной рукой Алевтина обхватила за шею меня, другой Димона, мы вышли из спальни, подошли к лестнице. Внизу послышался грохот.

— Что там еще?

— Люся упала, — простонала Алиска.

— Люсь, ты в порядке?

— Кто додумался построить в доме кривую лестницу, на ней только руки-ноги ломать.

Аля продолжала всхлипывать.

— В гостиной мамины вещи, их необходимо спасти, нельзя, чтобы пламя все уничтожило.

— О чем ты сейчас думаешь, Алька, самым спасаться надо.

— Но вещи жалко.

— Вещи дело наживное, а жизнь тебе дана одна.

Внизу мы поковыляли к выходу, прихожка уже была заполнена едким дымом, с улицы доносились вопли Алисы и Люськи.

Разбуженные жуткими криками соседи, услышав о пожаре, мобилизовались за считанные секунды. К дому Альки начал стягиваться народ, они несли с собой ведра, лейки, огнетушители. Димон сразу рванул к крану, открутил вентиль, поднял шланг, направив мощную струю на полыхающую стену дома.

— Вставайте все друг за другом, — начал командовать высокий плечистый мужик громовым басом. — Воду передаем по цепочке, без промедлений. Эй, парень, неси сюда шланг.

Димон начал наполнять ведра водой, затем они передавались по живой цепи, последним звеном в которой выступал тот самый плечистый мужик. Он с легкостью поднимал ведро, отводил руки немного назад, после чего выливал воду на разбушевавшееся пламя. Пустое ведро отбрасывал в сторону, Люська с Алиской, стоя на подхвате, поднимали ведра, относя их Димону.

Те, у кого имелись огнетушители, пытались побороть огонь на южной стороне дома.

Ирина Матвеевна увела Алевтину к себе, Кирилл Тимофеевич стоял возле своего забора, держа в руках шланг. Струя была направлена на ондулиновую крышу горящего дома. Пламя не добралось до крыши, и профессор искренне надеялся, что пожар удастся локализовать в самые кротчайшие сроки.

— Когда приедут пожарные? — стонала Люська, несясь к Димону с двумя пустыми ведрами. — Ночью нет пробок, у них есть сирена, сколько можно ждать?!

— Потерпи, — успокаивала Алиса. — Прошло немного времени.

— У меня нога болит.

— Иди, присядь, это может быть вывих.

Люська взбрыкнула. Как она будет сидеть, когда на ее глазах гигантское пламя пытается сожрать дом Альки.

Правда, я немного успокоился, узнав от одного из соседей Алевтины, что дом был покрыт огнезащитной краской и в принципе, сгореть не мог.

— Но он горит, — выкрикнул я, стерев рукавом рубашки с лица пот и копоть.

— Горит поверхностно, — спокойно ответил мужчина. — Древесина не выгорает, это краска горит.

— Огнеупорная?

— Да нет, мать Алькина в прошлом году на огнеупорную еще слой обычной наложила. Говорил я ей, что дурость делает, так разве баба мужика слушает. Вот теперь этот новый слой и горит.

Я пригляделся. Действительно, огонь охватил дом с двух сторон, но сама вагонка не горела, пламя слизывало слой краски, той самой, что оказалась здесь лишней.

Пожарный расчет приехал через пятнадцать минут. С огнем они справились быстро, работали оперативно, слаженно, сразу чувствовалось присутствие профессионалов.

Дом сильно не пострадал, стекла остались целы, огню не удалось проникнуть внутрь, правда, специфический запах гари хозяйничал во всех комнатах.

— Это ненадолго, — сказал Кирилл Тимофеевич. — Выветрится. Главное — все целы, невредимы.

Профессор прав, человеческая жизнь главней всего, но в данный момент меня, помимо сохранности наших жизней, волновал другой, не менее важный вопрос. Как так получилось, что дом ни с того ни с сего запылал подобно факелу?

Мы пересказали, что пожар начался внезапно, безо всяких на то причин. Проводка в доме не искрила, замыкания не было, никто из нас не курил, не баловался петардами и вообще, мы сами жаждем узнать, что произошло на самом деле.

Алиска вспоминал шум во дворе, сказала об этом пожарному. Он кивнул, хотя я так и не понял, что означал его кивок. Или он возьмет слова Алиски на заметку, или счел ее признания недостаточно убедительными и забудет о них уже через час.

Ночка выдалась в прямом смысле горячей. С нами долго разговаривали, нас заваливали вопросами, мы выдохлись, устали, я буквально валился с ног. Приютили нас Красинские. Девчонок уложили в гостиной, нас с Димоном в комнате для гостей.

Днем приехала полиция, и мы узнали пренеприятнейшую новость: пожар возник в результате поджога. Некто, пока, увы, неизвестный, облил стену бензином и поднес спичку.

— Вам повезло, что не спали, иначе могли быть жертвы.

И снова вопросы, снова от нас ждали каких-то признаний, просили напрячь память, вспомнить, подумать...

— Поджог, — шепотом сказала Люська вечером, когда мы собрались в гостиной Красинских. Профессор с женой уже спали, для нас настало самое подходящее время, чтобы посоветоваться.

— Версия о маньяке поджигателе — отменяется, — заявил Димон.

— Я тоже не верю в причастность какого-нибудь проходившего мимо пиромана.

— Кого? — не поняла Алька.

— Ты не слышала о пироманах и пиромании?

— Нет.

— У пироманов проявляется склонность к поджогам. Они больные люди.

— Еще их называют пироманьяками, — тихо сказала Алиска.

— Вряд ли прошлой ночью в деревне действовал пироманьяк.

— По-вашему, поджег был тщательно спланированной акцией?

— А ты сомневаешься? — я посмотрел на Альку.

— И кому это выгодно, ребят, я имею в виду, чтобы мой дом сгорел?

— Ой ли, — усмехнулась Люська. — Боюсь, задача была куда масштабней, хотели спалить не только дом, но и нас впридачу.

— Не говори так, — Алевтина задрожала.

— Люся права, и как не хочется в это верить, но по ходу, прошлой ночью нас пытались убить.

— Господи, Дим, кто?

— Тот, кому наше расследование как кость в горле.

— Ты думаешь... — Алевтина осеклась. — Это связано с попыткой убийства Варвары Витальевны?

— Неправильно вопрос ставишь, Аль, я думаю, преднамеренный поджег был вызван нашей бурной деятельностью, связанной с поиском человека, пытавшегося убить Варвару.

— Димон, ты загнул, проще сказать не мог.

— Извини, Глебыч, как получилось.

— И кто мог притащиться сюда с канистрой бензина?

Вопрос Алисы повис в воздухе на несколько секунд.

— Стас! — утвердительно ответила Люська.

— Стас, — согласно закивала сама Алиска. — Глеб, что скажешь?

— Процентов пятьдесят, что Станислав причастен.

— Дим, а ты?

— Пока Станислав единственный подозреваемый.

— Опять Стас, — обиженно протянула Алевтина. — Вы готовы обвинить его в чем угодно. Глеб, а как же твоя пресловутая презумпция невиновности? Или на Стаса она не распространяется?

— Аль, не заводись.

— Нет, ты ответь. У тебя есть против Стаса улики? Может, вы с Алиской видели из окна, как он ходил вокруг дома, как обливал стену бензином, чиркал спичкой. Вы видели его?

— Нет.

— Тогда зачем навешивать на человека ярлыки?

— Тяжелый случай. — Люська встала с дивана, подошла к окну и, достав из кармана шоколадную конфету, повертела ее в руках. — Алька по уши втрескалась в Стаса, она будет защищать его, даже если он сам во всем признается.

— Люсь, не говори ерунды.

— Он тебе нравится.

— Я не отрицаю, как человек, и как...

— Как кто?

— Как друг, он мне нравится.

— Аль, а если подтвердится экспертизой, что кровь оставленная на обивке твоей

двери принадлежит Стасу, — Димон пристально смотрел в глаза Алевтины. — Тогда как быть?

— Тогда и поговорим, — Аля попросила меня помочь ей дойти до спальни. — Я устала, я спать хочу.

— Обиделась, — сказала Люська, когда я вернулся в гостиную.

— А ты могла бы и помолчать, зачем на рожон лезла?

— Снова я крайняя, а все белые и пушистые.

— Люсь, Глеб, ну, вы-то не начинайте, — взмолилась Алиска. — Хватит уже на сегодня.

Утром в доме осталась одна Алевтина, остальные разъехались по делам. Димон и Люська продолжили слежку за Самоненко, Алиса поехала в город справиться о самочувствии Варвары Витальевны, я отправился в университет, где училась Юля. Узнать хоть что-нибудь — такова была поставленная на сегодня задача.

Из университета я вернулся в шесть часов, голодный и сонный. За весь день удалось проглотить один чебурек и выпить два стакана холодного чая. Желудок требовал пищи, но ужин пришлось отложить по не зависящим от меня

причинам. Аля решила вернуться к себе домой. Отговорки Ирины Матвеевны не действовали, Аля была настроена решительно, и мне, как только я появился на пороге, было дано задание, пойти в дом, разведать там обстановку.

Запахок гари все еще витал по помещениям, я поднялся на второй этаж, там дела обстояли лучше, запах выветрился, было свежо.

Часа полтора ушло на уборку, я поднял тумбочку, прибил в прихожей отлетевшую полку, собрал разбросанные по полу осколки, пропылесосил. Даже и не подозревал, что во время пожара, бегая по дому, мы успели перевернуть все с ног на голову.

В восемь вечера у крыльца остановился скутер. Люська с порога заявила, что у них новостей нет, она вся мокрая, злая, и просила ближайšie полчаса-час ее не беспокоить.

— А меня послушать не хочешь? — спросил я.

— У тебя сенсация?

— Не совсем. Я разговаривал с двумя группницами Юли, обе уверяют, что Красинская была ангелом во плоти. Поют ей дифирамбы, называются подругами, а на лицах ни тени печали. Переглядываются, смеются, ведут себя так, как будто ничего не произошло.

— Покрывают? — спросил Димон.

— Скорее всего. Знаешь, что мне сказала староста их группы? Красинская собиралась брать академический отпуск.

— Даже так?

— По ее словам, последние месяцы Юля появлялась в университете крайне редко. Раза два в неделю мелькала, и то могла уехать после второй или третьей пары. Староста ее недолюбливает, называет расчетливой, прагматичной, алчной. Парня у Юли не было, во всяком случае, ни с кем из университетских она любовь не крутила.

— Алчная и расчетливая. Хм, не очень лестное определение. А что я вам говорила, Юля выросла в тепличных условиях, мама с папой буквально задушили любовью. И вот результат. Алчность, расчетливость, изворотливость. Это защитная реакция, обратная сторона медали.

— Получается, Юлю не похищали? — Аля недоверчиво посмотрела на Люську. — А выкуп?

— Аль, ты наивная, как новорожденный. Выкуп, прикуп — все это ерунда.

— Но доказательств у нас нет, — подытожил Димон. — А слова одnogруппников и знакомых без доказательств остаются пустыми словами.

Алиса прошла в дом без двадцати девять.

— А я к Красинским пришла, они говорят, вы к себе вернулись.

— Сама где так долго пропадала?

— Ой, Люсь, не спрашивай, меня до сих пор колотит. Ребят... Фу! Глеб, принеси воды, пить хочу.

Выпив стакан холодной воды, Алиска сделала несколько глубоких вдохов.

— Вчера неизвестный пытался убить Варвару Витальевну. Как ему удалось проникнуть в палату реанимации, никто из персонала не знает. Медсестра увидела бегущего по коридору человека, окликнула его, он был не в халате, а это строго запрещено. Мужчина не остановился, выскочил на лестницу. Она не растерялась, говорит, какое-то волнение почувствовала, зашла в палату Варвары Витальевны, а там...

— Алиска, что там?

— Аппарат, к которому подключена Варвара, был выключен. Тот мужик выдернул из розетки вилку. Еще бы пару-тройку минут и наступила бы смерть.

— Как сейчас Варвара?

— Все в порядке. Благодаря своевременно оказанной помощи ее жизнь вне опасности. Врачи

дают оптимистические прогнозы. Но это еще не все. Для всех Варвара Витальевна умерла.

— Что ты сказала!?

— Как умерла?

— Ее перевезли в другую больницу. Петр Алексеевич сказал мне правду не сразу, так поступить было решено в интересах следствия. Они не сомневаются, в палату проник человек, который хотел довершить начатое. В школе он пырнул ее ножом, существует большая вероятность, что она видела лицо убийцы, и теперь, в случае полного выздоровления, непременно назовет этого человека. Вот он и решил действовать без промедлений, воспользовался бессознательным состоянием Варвары и второй раз покусился на ее жизнь.

— Теперь убийца успокоится, — сказала Люська. — Расслабится и перестанет нервничать, считая Варвару мертвой, а потом... Хлоп! И на нары загремит.

— А знаете, что самое интересное? Угадайте, во что был одет убегающий мужик?

— Не время играть в угадайку, — бросил Димон.

— В спортивный костюм и черную бейсболку.

— Старый знакомый.

— Вот именно.

— И пожар его рук дело.

— Опять Стаса подозреваете? — вспыхнула Аля.

— Разве я назвала имя Стаса? — пошла в наступление Люська. — И в классе, и у тебя дома, и на даче, и в палате Варвары был один человек. Ты сама с этим согласна?

— Да, но...

— Согласна или нет?

— Согласна! — крикнула Алька. — А личность его мы еще не установили, поэтому давайте обойдемся без имен и намеков.

Люська промолчала, сегодня у нее хватило ума не вступать в перепалку с Алей, чему я был очень рад. Рад и огорчен одновременно. Заявление Алиски выбило из колен, стало страшно и неудобно, только сейчас, с огромным опозданием, я понял, что мы имеем дело с настоящим убийцей. И если до недавнего времени он не догадывался о нашей деятельности, то теперь убийца был в курсе всего. И, похоже, открыл на нас охоту. Дело приобретало серьезный оборот. Я боялся за наши жизни, но больше всего боялся за жизнь Алиски.

Прошло несколько дней.

...Недавно закончился дождь, стоявшая под деревом машина Самоненко была обильно обсыпана березовыми листьями. Антон достал щетку, и пока форд разогревался, быстро счистил листву со стекол, капота и крыши. Прежде чем зайти в подъезд, Антон прикурил, сделал несколько глубоких затяжек, посмотрел на свои окна и скрылся за металлической дверью.

Мы с Люськой ждали дальнейшего развития событий. А они, события, обязательно должны будут последовать, я кожей чувствовал, сегодня нам повезет. И я не ошибся.

Минут через пять Антон появился на крыльце в компании Юли Красинской.

— Ну наконец-то, — сказала Люська. — Не прошло и года.

— Не зря слезкой занимались, — прошептал я.

— А выглядит Юлька не очень, Глеб, смотри, она еле передвигается.

Антон поддерживал Юлю за руку, заботливо помог спуститься по лестнице и они не спеша подошли к форду. Профессорская дочка, бледная и осунувшаяся, прижимала руку к животу. Возле машины Юля внезапно остановилась, поднесла руку ко рту и нагнулась.

— Ее рвет, — поморщилась Люська. — Глеб, че здесь за дела? Она болеет, что ли?

— Ты меня спрашиваешь, — я был поражен не меньше. Совсем не такой представлялась мне Юлия Красинская. На фотках она выглядела цветущей, здоровой, красивой девушкой с роскошными волосами и искрящимся взглядом. А сейчас возле «форда» поддерживаемая Антоном стояла осунувшаяся девушка, сутулая, вялая, с волосами, собранными на затылке в длинный хвост.

Антон помог Юле сесть на заднее сиденье, сам запрыгнул на водительское место, хлопнул дверцей, а секунду спустя вновь выскочил на улицу. Он побежал в подъезд.

— Забыли что-нибудь, — шепнула мне Люська.

Самоненко появился на улице с объемной сумкой и пакетом.

— Давай, Глеб, не подведи. Нам сейчас никак нельзя их потерять, это наш шанс.

— Сделаю все, что в моих силах, — я надел шлем, Люська проделала то же самое, и началась слежка на колесах.

Антон не гнал с бешеной скоростью, соблюдал все правила движения, ехать за ним было одно удовольствие.

Слежка закончилась у здания городской больницы. Как позже я узнал из Интернета, больница считалась одной из лучших в городе, и в большинстве случаев сюда попадали на платной основе.

Антон с Юлей скрылись в вестибюле, а час спустя Самоненко сел в форд и надавил на газ.

— Юля осталась в больнице. Глеб, ты что-нибудь понимаешь?

— Только то, что наши подозрения оправдались — ее не похищали.

— А здесь ей что надо?

— Обычно в больницах оказывают медицинскую помощь, — иронично ответил я.

— Да ты что?! Ой, спасибо за разъяснения.

— Какая конкретно помощь требуется Красинской, я не в курсе, если ты это имела в виду.

Мы вернулись в деревню, рассказали об увиденном ребятам, после чего я решил переговорить с профессором.

— Глеб, что ты ему скажешь? — Алиске моя идея показалась неразумной.

— Попытаюсь успокоить, он держится на таблетках, думает, единственная дочь в смертельной опасности.

— Назовешь номер больницы, да?

— Про больницу умолчу, хотя по большому счету надо бы выложить им правду... Алис, не путай меня, я должен поговорить с Кириллом Тимофеевичем. Должен, пойми! Они родители и сходят с ума от неизвестности.

Красинские угостили меня чаем. Напрасно я отказывался, Ирина Матвеевна практически силой усадила за стол, поставила вазочку с печеньем, открыла коробку конфет.

— Кушай, Глеб, не стесняйся, — сказала она, натужно улыбнувшись.

Я взял конфету, проглотил ее с большим трудом (мне кусок в горло не лез от волнения) и начал издалека. Спросил, есть ли свежие новости.

— Больше недели не звонят, — вздохнул профессор. — А нам бы поговорить с похитителем. Попросить об отсрочке. Я нашел покупателя на дом, и недели через три, если не возникнет проволочек...

— Кирилл Тимофеевич, не надо продавать дом.

— Что?! — Удивился профессор.

— Глеб, почему ты так говоришь? — Ирина Матвеевна напряглась, у нее задрожали руки.

— Не продавайте дом, — повторил я, не глядя на пожилых супругов. — Возможно, все еще образуется.

— Да как ты можешь так говорить, что образуется, у них наша дочь. Юленька в опасности, мы обязаны сделать все, чтобы она вернулась домой.

— Мы с ребятами проводим расследование, — выпалил я. — Нам удалось узнать некоторую информацию о... похитителях, — сказал я, внимательно наблюдая за реакцией пенсионеров. — И есть все шансы, что в скором времени ваша дочь окажется на свободе.

— Глеб, я не ослышался? Ты сказал, вы занимаетесь расследованием?! Ира, он шутит, ты понимаешь, о чем толкует этот молодой человек? Ирина!

— Поймите, мы на полпути к правде, надо немного подождать, повременить.

— А полицию вы поставили в известность, поделились с ними информацией?

— Нет.

— Безрассудство! Какое детское безрассудство. Мальчик мой, ты же не знаешь, с какими людьми вы связываетесь. Немедленно! Глеб, ты меня слышишь, немедленно прекращайте все свои поползновения, как вам в голову пришло залезать в такие дебри.

— Но мы уже залезли, Кирилл Тимофеевич, повремените с продажей дома. Я вам обещаю,

очень скоро Юля придет домой. Почему вы не хотите мне поверить?

— Наверное, потому, что ты слишком юн, — ответила за мужа Ирина Матвеевна. — А мы любим свою дочь.

— Да при чем здесь возраст, да, мне всего почти шестнадцать, но я не дурак, умею мыслить логически, умею думать, анализировать, умею ориентироваться в жизни не хуже тридцатипятилетнего человека. Что вам стоит заморозить сделку продажи дома на одну неделю? Ну, Кирилл Тимофеевич, я прошу дать мне одну неделю. Семь дней, и ни днем больше.

Профессор схватил со стола печенье, зачем-то начал крошить его на скатерть, потом за один присест съел сразу несколько шоколадных конфет.

— Кирилл, а может, нам стоит прислушаться к его словам?

— Ира, что ты говоришь, ну что ты говоришь. Ира! Ты себя слышишь, нет?

— Всего семь дней, — повторила мои слова Ирина Матвеевна.

— Не знаю, — профессор откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. — Я подумаю. Я должен все хорошо обдумать... Глеб, ты... Откуда

ты вообще такой взялся? Ира, я не знаю, что делать, у меня голова разболелась.

— Как прошел разговор? — спросил меня Димон, едва я оказался в гостиной.

— Обещал подумать, скорее всего, согласится.

— Альке мама звонила, — Алиса поставила на столик несколько стаканов и пачку сока. — Задерживается в командировке еще на пару недель. Аля расстроилась.

Я налил себе сок, поднес стакан к губам и застыл.

— Сегодня понедельник?

— Понедельник.

— Блин, я же должен позвонить Евгению Вячеславовичу. Где мой телефон? Люсь, ты не видела телефон? Алис, Димон, где мой мобильник?..

Я связался с полковником, мы договорились о встрече завтра днем в его кабинете.

...Моего возвращения ждали как манны небесной. Люська успела двадцать пять раз позвонить, Алиска непрерывно отправляла эсэмэски, я продолжал хранить молчание. На звонки не отвечал, эсэмэс игнорировал. Поэтому когда в половине седьмого я подходил к крыльцу,

дверь с шумом распахнулась, и Люська, с лицом, перекошенным злобой, спустила на меня всех собак. Я, оказывается, и придурок, и негодяй, и клоун (с какой стати в эту компанию затесался клоун, я вообще не понял), и много о себе возомнил, и не умею ценить дружбу.

— У тебя все? — спросил я достаточно спокойно, хотя Люське не мешало бы ответить более жестко, чтобы в следующий раз неповадно было орать на старшего брата.

— Глеб, я звонила...

— Знаю, и твои звонки меня достали.

— Почему ты не ответил на эсэмэс? — на крыльцо вышла Алиса.

— Глебыч, мы здесь мариновались в неизвестности. Мог бы хотя бы трубку снять и сказать, что все в порядке.

— А если дела обстоят с точностью до наоборот?

— В смысле?

— В том самом, — отмахнулся я, пройдя в прихожку.

— Глеб, мы с ума сходили, — услышал я голос Алевтины из гостиной.

— Уже в курсе. Готов представить полный отчет, но при условии, что никто не будет орать и наезжать с претензиями.

— Проходим в комнату, садимся, — Димон подтолкнул Люську к двери.

Достав из кармана сложенные вчетверо листы, я облокотился спиной о высокую спинку кресла.

— Сразу скажу, результаты меня поразили, и вас они поразят.

— Настолько все фигово?

— Фигово? Нет, Димон, фигово — слабо сказано.

— Давай уже, — вскипела Люська, — не тяни кота за хвост. Ты не в кино, и серия на твоей затяжной паузе не оборвется.

— Глеб, скажи сразу, здесь замешан Стас? — спросила Алька.

— Аль, пусть он рассказывает по-порядку.

— Нет, хочу узнать прямо сейчас, обнаруженная на двери кровь принадлежит Стасу, да?

— Здесь все по пунктам, разложено, так сказать, по полочкам, — Ответил я. — Начну с самого начала. Первое: следы на куске светлого дерматина размером 4х4 сантиметра, доставленные для проведения экспертизы — обрываются кровью. Второе: кровь принадлежит человеку.

— А кому еще она могла принадлежать? — нервно спросила Люська.

— Например, животному.

— Бред!

— Не бред, кровь была отдана на экспертизу, а там сидят профессионалы, они проводят тщательнейшее исследование.

— Глеб, продолжай. Люсь, не отвлекай его.

Я с благодарностью взглянул на Алису.

— Третье: обнаруженная кровь принадлежала взрослому человеку. Четвертое: кровь, образовавшая след принадлежала живому человеку.

— Глеб, ты издеваешься? Мы и так знали, что кровь оставил не труп.

— А эксперты этого не знали, поэтому заткнись и слушай. Пятое: вероятнее всего кровь была образована из пальца. Шестое: давность образования следа крови названа ориентировочная.

— Полтора месяца, я угадала? — опять не сдержалась Люська.

— Угадала, — кивнул я.

— Глеб, давай дальше, — торопил меня Димон. — Что там седьмое?

— А теперь начинается самое интересное, — я напрягся.

— Это Стас?! — проговорила Алька, я так и не понял, были ли ее слова вопросом или утверждением.

— Человек, оставивший след крови на Алькиной двери, страдает сахарным диабетом, — выпалил я.

— Во как!

— Ого!

— Именно так, — кивнул я.

— Аль, Стас твой случайно не диабетик?

— В кафе он ел сладкое.

— Смотря какая форма диабета, — вмешался Димон. — У моего деда диабет, так он конфеты только так с чаем лопают. А дядька двоюродный даже банан съесть не может. Все индивидуально.

— Согласен, но в данном случае есть уточнения. Человек страдает тяжелой формой диабета, сомневаюсь, что он может позволить себе конфеты.

— Глеб, но ведь это не все, — Алиска впиалась в меня взглядом, как будто пыталась загипнотизировать. — Бомбу ты оставил напоследок, я права?

— Права, Алис.

— И что за бомба?

— Угадайте, какой ответ будет на вопрос касательно половой принадлежности крови?

— Кровь принадлежит мужчине, — не задумываясь, ответила Люська.

— Неужели, все-таки Стасу? — в десятый раз спросила Алька.

— И вот здесь все наши теории разлетаются в пух и прах, — ответил я.

— Глебых, не хочешь же ты сказать...

— Хочу, Димон! Хочу. Кровь принадлежит женщине!

Эффект от моих слов был произведен колоссальный. Все как по команде сделали глубокий вдох и резкий выдох.

— Женщине? — переспросила Алька, не веря до конца, что ее знакомый с сомнительной репутацией, ее Станислав, оказался вроде как не при чем.

— Не доверять экспертам — повода нет.

— А как же слова Надежды Михайловны о парне в спортивном костюме и бейсболке?

— И в больнице медсестра видела убегавшего мужчину, по описанию схожнего с тем, о котором говорила баба Надя.

— Девчонки, не надо тупить, — Димон все еще находился под впечатлением. — Почему мы сразу исключили эту версию, почему не проработали ее? На самом деле все проще простого:

женщина надевает свободный спортивный костюм, потом бейсболку и со спины выглядит как мужчина. Лица-то ее никто не видел.

— Обалдеть! — Люська схватила лежавший на столике шоколадный батончик, сорвала обертку и откусила большой кусок. — Искали мужика, а надо было искать бабу. Жесть!

Я подождал, пока все выскажутся, придут немного в себя, чтобы потом сообщить последнюю, совсем уж убийственную новость.

— Глеб, я тебя сейчас сама убью, — закричала Люська, узнав, что это далеко не конец. — Ты или говори, или дай мне свои листы. Сколько можно интриговать?

— Серьезно, Глебыч, давай вываливай все сразу.

— Хорошо, все сразу, так все сразу. Женщина, которая проникла в квартиру и порезала палец, была беременна.

— Ущипните меня, — попросила Алиса. — Я не сплю, это происходит не во сне? Глеб, неужели по следу сухой крови они смогли определить беременность?

— Легко! Оказывается, после наступления примерно десятого дня беременности в крови появляется гормон, отлично сохраняющийся в пятнах крови. А недели через четыре появляется

особый фермент, который содержится в крови до родов и исчезает спустя месяц после них. Так вот этот фермент можно выявить в пятнах сухой крови даже спустя семьдесят-девяносто дней после их образования.

— Беременная женщина, страдающая тяжелой формой сахарного диабета, — едва слышно сказала Алевтина. — Ребят, если честно, я ничего не понимаю.

— Аналогичная фигня, — закивала Люська.

— Надо бы проветриться, — Димон встал с подлокотника кресла. — Глебыч, Люсь, пошли, пройдемся.

— А я? — испугалась Алька. — Оставьте меня одну?

— Я с тобой останусь, — сказала Алиса.

Втроем мы вышли на улицу. В гостиной Красинских горел свет.

— А нам еще с Юлькой разбираться надо, — раздраженно сказала Люська. — Тут беременная убийца, там похищенная профессорская дочь. И все в одну кучу навалилось, не много ли мы на себя взяли, а, Дим?

— Нормально, — ответил Димон. — Справимся.

Я промолчал, после шумных обсуждений хотелось тишины, хотя бы временной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Встреча с Юлей и мечты о Париже

Мы приехали в больницу в среду утром в часы приема. Люська сразу подошла к справочной, бойко поинтересовавшись в какой палате лежит Юлия Красинская. Нас попросили назвать отделение и дату поступления Юли в больницу.

— Поступила она позавчера днем, а отделение... Мы не знаем.

— По «скорой» была доставлена?

— Нет. Сама приехала.

— У меня нет данных на Красинскую Юлию, — ответила женщина.

— Такого не может быть, она точно находится у вас. Проверьте еще раз: Красинская Юлия Кирилловна. Ей двадцать лет.

— И еще раз проверила, — устало сказала женщина. — И снова нет никакой Красинской. А она вам кто, родственница?

— Родственница. Дальняя.

— Ну так позвоните близким родственникам, может, больницу перепутали.

— Наверное, вы правы, — я потянул Люську к выходу.

— Глеб, куда ты меня тащишь?

— Значит, Юля здесь не осталась, она вернулась к Антону.

— Не верю! Ты вспомни, в каком состоянии Антон сажал ее в машину, на ней лица не было. В больнице она. Это железно, Глеб.

— Но данных о ней нет.

— Нет, — задумчиво проговорила Люська и вдруг округлила глаза. — А что если... Глеб, идем.

— Куда ты?

Подбежав к окошку справочной, Люська затараторила:

— Извините, это опять мы, ошибочка вышла, забыли совсем, Юля недавно замуж вышла. Ее новая фамилия Самоненко.

Я смотрел на Люську, а она, облизывая губы, переминалась с ноги на ногу.

— Самоненко Юлия Кирилловна. Все верно, поступила в понедельник. Она лежит в гинекологическом отделении. Пятый этаж. Палата пятьсот два.

— Как тебе в голову пришло, что Юля находится в больнице не под своей фамилией?

— А вдруг это как раз ее фамилия, Глеб.

— То есть?

— При замужестве женщина берет фамилию мужа.

— Брось, Юля не замужем.

— Да? После всего я уже ничему не удивлюсь.

Пятьсот вторая палата оказалась одноместной. Платной. Мы постучали, я опустил ручку, толкнул дверь.

Юля лежала на кровати, смотрела телевизор. Наше появление ее разозлило.

— Кто такие, чего здесь надо? Закройте дверь!

— Ты Юля? Мы пришли к тебе.

— Кто вы? — Красинская взяла пульт, выключила телевизор и чуть привстала.

— Ты не волнуйся, мы друзья Алевтины Нефедовой, знаешь такую?

— Альку? Конечно, знаю. А с какой стати вам понадобилась я?

— А мы, — начала Люська, но я ее перебил.

— Да понимаешь, тут такое дело, тебя вроде как похитили. Родители в панике, деньги по

копейкам собирают, дом намерены продать, короче, не бездействуют. А похищение оказалось липовым, мы видели в ту ночь Антона, он гнал на бешеной скорости и чуть нас не сбил.

— Так это были вы, на скутере?

— Я же говорила, — обрадовалась Люська. — В салоне кто-то сидел.

— Что вы хотите? — голос Юли сделался тихим, надменные интонации исчезли, да и сама она сникла, в больших глазах блеснул испуг.

— Юль, давай начистоту, мы в курсе, что ты живешь у Антона.

— Откуда, как вы догадались?

— Ты сама себя выдала, через день после «похищения» зашла на «одноклассники».

Юля выдохнула, уронив голову на подушку.

— Идиотка! Надо было его послушать, Антон предупреждал, а я... Родители не пользуются компом, я не думала, что здесь выйдет осечка.

— А она вышла. Сама понимаешь, мы должны будем рассказать им правду. Но сначала, хотелось бы услышать правду твою.

Юля долго молчала, гладила себя по животу, вздыхала.

— Вы и так уже все знаете. Похищения не было, я сама его организовала.

— Зачем?

— Выбора нет. Не поймете вы меня, малы еще.

— А ты расскажи, — саркастично сказала Люська. — Вдруг мы с Глебом понятливыми окажемся.

— Родители меня боготворили, я росла как принцесса, ни в чем не знала отказа.

— И поэтому ты решила их так отблагодарить? Оригинально.

— Оригинальней не придумаешь. Их любовь мне не мешала, пока я училась в школе, не мешала на первом курсе универа, а потом я встретила Антона. Тогда и выяснилось, что я, оказывается, не имею права на личную жизнь. Я лишь заикнулась о парне, мать истерику закатила. Для нее и отца я осталась маленькой глупой девочкой, которой сначала надо кончить университет, потом аспирантуру, потом устроиться на хорошую работу, и уже после этого начинать думать о личном счастье. Но и в этом случае я должна буду согласовывать с родителями все свои действия, потому как простой парень в роли зятя им не нужен. По плану мамы я выйду замуж за какого-нибудь великовозрастного, погрязшего в науке ботаника, сына отцовских коллег профессоров.

— Ты могла настоять на своем.

— Сколько раз пыталась, результата нет. Они вложили в меня все, и теперь требуют отдачи. Я не принадлежала сама себе, я была их собственностью. Поэтому и решила, пора ставить точку. Надоело постоянно изображать пай-девочку, меня бесит их слащавость, бесит, когда меня причисляют к инфантильным дурочкам, не способным принять самостоятельное решение. Я поставила точку.

— Пусть так, — кивал я. — Но, Юль, почему именно похищение, почему выкуп в двести тысяч долларов? По-моему, это слишком круто.

— Зато правдоподобно. А сколько надо было за себя просить, триста рублей? И не собиралась я деньги с них тянуть, знала, что не насобирают. А потом вернуться планировала.

— Когда потом?

— Скоро, — Юля в очередной раз погладила себя по животу. — У меня план был, возвращаюсь я домой в компании Антона, знакомлю его с родителями, говорю, что он меня спас, нашел без сознания на обочине. Привез к себе, выходил, я на время лишилась памяти, а потом амнезия прошла и я вернулась.

— Слезливый сериал.

— Пусть так, для моих интеллигентных родителей сойдет. Они всему готовы поверить. И Антона бы в знак благодарности приняли, мы уже академ оба хотели взять, чтобы пожениться, уехать на время. Да ну, все псу под хвост пошло из-за этой... — Юля недоговорила, умолкла.

— Кирилл Тимофеевич хочет продать дом.

— Объявлюсь я скоро, — буркнула Юля.

— Когда?

— Не знаю. Многого надо обдумать, ситуация резко изменилась, у меня будет ребенок.

— Ого!

— Уже два месяца, сама узнала о беременности недавно. Сейчас чувствую себя отвратительно, меня наизнанку выворачивает, плюс есть угроза выкидыша. Была вынуждена лечь на сохранение.

— А мать Антона в курсе?

— Раиса Андреевна — чудная женщина, любит меня как родную дочь, но о похищении не знает.

— Юль, и все-таки ты поступила неразумно. Неужели нельзя было договориться с собственными родителями, тем более у вас будет ребенок.

— Вот именно, ребенок. Он все усложняет! Мать меня живьем съест! Теперь придется

сказать, что я встречалась с Антоном до «похищения». А план-то был другой, получается, Антон из героя превратится в подонка.

— Не передергивай.

— Я знаю, что говорю. Даже если бы они были не против моего замужества, смирились бы, что Антон не сын профессора или академика, есть еще один нюанс. И он пугает меня больше остальных.

— Что за нюанс?

— Отец Антона сидит в тюрьме, осужден за мошенничество на семь лет. Три года отсидел, еще четыре осталось. Представляете моих рафинированных мать с отцом, когда они узнают правду.

— В любом случае узнали бы, ты же собиралась выдать Антона за героя, спасшего тебя. А отец остался бы у него прежним.

— Ситуация была бы другой. Поймите, благодарность на многое закрывает глаза. Благодарность моих родителей была бы безграничной. А теперь что? За что благодарить его будут, за будущего внука?

— Почему ты здесь под фамилией Антона?

— Он так решил.

— Юль, позвони отцу, они с ума сходят.

— Позже, — внезапно Красинская расплакалась. — Я сейчас хочу одного, узнать правду и только правду. Если все окажется не так плохо, клянусь, позвоню родителям. Признаюсь, что не было похищения, расскажу про ребенка, Антона, прощения буду вымаливать.

— А что за правда?

— Мне плохо, все тело ломит, тошнит, голова кружится. Врачи что-то недоговаривают, и Антон наверняка знает правду, но молчит. Не хочет меня волновать.

— Брось, такое происходит со многими беременными.

— Нет, врачи врут, я чем-то больна, но они не говорят. Скрывают, — Юля начала рыдать. — Я не хочу умирать.

— Слушай, успокойся, — я здорово перепугался, у Юли началась истерика.

— Антон настоял, чтобы я лежала в отдельной палате, а с какой стати?

— Заботится о тебе.

— Просто боится, что соседки по палате могут проболтаться о моем настоящем диагнозе. Он знает... Они все знают... Мне страшно...

— У тебя обыкновенная депрессия, — утешала Юлю Люська.

— Нет, я умру. Врачи берут у меня анализы, делают уколы, и ничего мне не говорят. Бросают короткие фразы типа «*Все нормально*», «*Вам нельзя волноваться*».

Юлю было жалко. Я не знаю, то ли у нее действительно сдали нервы и началась депрессия, то ли имело место банальное самовнушение. В любом случае, надо было что-то предпринимать. Сама она вряд ли успокоится, а для будущего ребенка нервотрепка матери может обернуться тяжелыми последствиями.

И мы с Люськой предложили Юлии свой план. Он созрел у нас мгновенно, сиюминутно. Мы пообещали Красинской выяснить истинное положение вещей, увидеть собственными глазами диагноз Юли и ознакомиться с историей болезни.

— Как вам это удастся?

— Пока не знаю, — говорила Люська. — Но мы обещаем тебе, выясним правду в ближайшее время.

— А ты не накручивайся, и, — я протянул Юле телефон. — Позвони родителям, скажи, что с тобой полный порядок, ты вне опасности и скоро будешь дома. Позвони, Юль, им очень плохо, намного хуже, чем тебе. Не надо делать

больно близким людям, они этого не заслуживают.

Юлька снова разревелась и взяла мой мобильник.

Мы вышли в коридор.

— Слушай, вляпались мы с тобой, — сказал я сестре. — Это нереально увидеть ее карту и прочитаты записи врачей.

— Глеб, я не говорю, что это легко, но согласись, ничего невозможного на свете нет.

— Иногда твой оптимизм наводит на мысли.

— Да, на какие мысли?

— Тебе лучше об этом не знать, крепче спать будешь.

Люська усмехнулась.

В палате Юля вернула мне мобильник.

— Вы обещали помочь, я на вас рассчитываю. Но вы должны поклясться, что скажете мне правду, какой бы ужасной она ни была. Клянетесь?

— Клянемся, — выпалила Люська. — Хочешь, кровью клятву закрепим?

— Я вам и так верю.

— Антону не проболтайся. А мы скоро к тебе придем, я так понимаю, разрабатывать план будем вместе.

— Приходите утром, чтобы с Антоном не столкнуться.

На улице Люська, подражая Димону, щелкнула пальцами.

— Одно дело раскрыли. Глеб, я тебя поздравляю. Слушай, так шоколада хочется, где здесь ближайший магазин, а?

— Юля еще не дома, и точку в ее деле мы не поставили, — напомнил я. — Пока в конце стоит многоточие...

...В среду Альке сняли гипс, вручили палочку, и она приковыляла в деревню совсем другим человеком. Так сказала Люська, сама же Алевтина считала себя практически инвалидом.

— Я похожа на старуху — сама себя стыжусь.

Чтобы отметить это событие — переход с костылей на палочку — мы решили посидеть вечером в кафе на набережной, а после сходить в кино на десятичасовой сеанс.

— Здесь водорослями воняет, — сказала Люська, едва мы сделали заказ. Аль, хватит сидеть с обиженным лицом, сегодня твой праздник, ты гипса лишилась.

— Настроения нет.

— Брось, все складывается хорошо.

— Вот бы нам остаться друзьями на всю жизнь, — неожиданно заявила Аля. — Встречаться, гулять, ходить в кино, кафе.

— А в чем проблема?

— В том, что мы повзрослеем, у нас появятся другие интересы, другие дела, и встречи постепенно сойдут на нет.

— Наши с Алиской интересы всегда будут пересекаться, — сказал я.

— Да уж, — засмеялась Люська. — Ты же ее «лю». И она тебя тоже «лю». Правда, Алис?

— Люсь, не начинай.

— О чем ты говоришь? — Алька была не в курсе той истории, но Люська быстро ее про-светила.

— Глеб решил сделать Алиске сюрприз, ночью хотел написать на асфальте «Алиса, я тебя люблю».

— Написал?

— Ага. Только краски не хватило, получилось «Алиса, я тебя лю». Прикол!

— Мне понравилось, — сказала Алиска. — Каждое утро, прежде чем идти в ванну, подхожу к окну.

— Да, повезло некоторым, — Люська покосилась на Димона.

— А чего, Люсь, — начал он оправдываться, — я тоже тебе сюрприз сделал.

— Лучше бы ты мне котенка подарил. Сюрприз он сделал. Глеб Алиску хоть «лю», это еще читать можно, а ты что написал?

— Люся, ты чудо!

— Чудо-юдо рыба-кит, — нахмурилась Люська. — Во-первых, написал на том месте, где жильцы машины ставят, ни фиги не видно было. А потом какой-то придурок к твоему «чудо» приписал «вище».

— Что приписал? — не расслышала Алевтина.

— Не напрягайся, получилось «Люся, ты чудовище». Утром так настроение поднимает, посмотришь в окно, и на улицу выходить не хочется.

— Наверняка писал человек, хорошо с тобой знакомый, — я усмехнулся, подмигнув сестре.

— Глеб, помолчи.

Все засмеялись. Атмосфера за столиком немного разрядилась, хотя я обратил внимание, что Аля по-прежнему чем-то огорчена. Вроде улыбается, даже смеется, но глаза остаются грустными. Сначала хотел спросить прямо за столом, потом передумал. Дождусь приезда домой, там и поговорим.

— А Юлька все-таки дура! — вывело меня из задумчивости высказывание сестры. — Такое замутить, и ради чего! Я бы не смогла организовать свое похищение, пусть и липовое. Двадцать лет человеку, а мозгов совсем нет, как маленькая, честное слово.

— Хорошо, что родителям позвонила, Красинскому хоть «скорую» перестали вызывать.

— Слушайте, а что она сказала отцу по телефону?

— Понятия не имею, — ответил я. — Мы с Люсей в коридор выходили. Но дом Кирилл Тимофеевич уже не продает.

— Столько шума подняла, а в итоге домой ни с чем вернется. Даже если бы Антон раздвести ее спас, для Ирины Матвеевны и Кирилла Тимофеевича он навсегда останется неудобным кандидатом в зятя. Они из разного теста сделаны, я не говорю, что одни плохие, другие хорошие, просто две противоположности. Антона мне по-человечески жалко, намучается он с профессорской семейкой.

— Ладно тебе вперед заглядывать, Люсь, лучше подумай, как Юльке поможем.

— Не собираюсь я сегодня ни о чем думать. Хочу расслабиться, Глеб. Имею на это право.

Алевтина всхлипнула. Я так и знал, что рано или поздно она не выдержит. Оказался прав.

— Аль, ну а сейчас тебя что тревожит? — Алиска положила свою ладонь на ладонь Алевтины.

— Я с мамой по телефону разговаривала.

— Опять двадцать пять, Алька, тебе не пять лет, можешь и без мамочки какое-то время обойтись. Ну, работа у нее такая. Ничего не сделаешь: командировки, длительные командировки, очень длительные командировки. Спецкор это тебе не хухры-мухры. Приедет.

— Конечно, приедет, Аль, — поддержала Люську Алиса.

— Ребят, мама сказала, что ей предложили остаться работать за границей. Она пока думает, но, по всей видимости, ответит согласием.

— Так это здорово, — обрадовался Димон.

— Значит, ты тоже уедешь? — спросила Алиска.

— Буду вынуждена уехать. Мама со мной советовалась, хотя я по голосу поняла, она уже все давно решила.

— И когда вы отчаливаете?

— В сентябре я пойду в другую школу.

— Блин, Алька, мне так жаль, — Люська обняла Алевтину и начала покачиваться. — Может, ты останешься?

— Одна?

— С нами.

— Нет, Люсь, придется ехать.

— А в каком городе обоснуетесь? — спросил я, поймав себя на мысли, что за прошедшие недели настолько привык к Альке, что сообщение о неминуемом отъезде воспринял намного острее чем, скажем, воспринял бы его еще каких-то полтора месяца назад.

— В Париже.

— Где!? — Люська не верила ушам. — В Париже? Алька, так тебе не реветь, тебе радоваться надо. Париж — город влюбленных. Лямуры-тужуры там всякие на каждом шагу.

— Люсь, не увлекайся, — Димон потянул ее за рукав.

— Будешь гулять по Монмартру, Елисейским Полям, саду Тюильри. Заживешь парижской жизнью, Алька. Утром проснешься, а у тебя на столе французский завтрак: овощной жульен, круассаны с шоколадом и джемами, стакан свежавыжатого апельсинового сока и некрепкий кофе с молоком.

— Люсь, у меня уже слюнки потекли, — призналась Алиска.

— А свежевыжатые соки, между прочим, не всем можно пить, — сказала Аля. — Многим они противопоказаны.

— И клубника, — продолжала мечтать вслух Люська, не слыша никого и ничего. — Вот ты садишься за стол, смотришь в окно — у вас обязательно будет шикарный вид из окна, — и начинаешь есть круассаны. У-у-у... Я тоже хочу в Париж.

— Круассаны и здесь можно купить, — сказал Димон.

— Много ты понимаешь. Здесь другие круассаны. Они наши, московские, а там настоящие, французские.

— Да-а, Алька, веселая жизнь ждет тебя в Париже, — Димон иронично посмотрел на Люську. — Утром круассаны с шоколадом и соком, в обед лягушек налопаешься, на ужин жабьих лапок под острым соусом.

— Дим, ты все опошлил, помолчи, Аль, не слушай его. Короче, ты обязана поехать с матерью во Францию. А к нам на каникулы приезжай, или к себе зови, мы сразу ноги в руки и в аэропорт. А там будем гулять с утра до ночи.

Нет, ночью тоже будем гулять, на сон, максимум два-три часа, все остальное время дышим парижским воздухом. Люська начала вертеть плечами. — Добрый день, мадам. Здравствуйте, мсье. Как дела, мадемуазель?

— И замуж Алька за француза выйдет, — улыбнулась Алиса.

— Точно, за какого-нибудь Жака, Поля или Мишеля. Увезет тебя на юг Франции. Поселитесь в уютном домике в стиле прованс, будете...

— Жить-поживать и добра наживать.

— Дим, ты опять?

— Слушай, ты гадалкой, что ли, заделалась, Жан, Мишель, домик. Откуда знаешь, как у Альки там жизнь сложится?

— Наилучшим образом. Алька, не вешай нос.

— Одна я там буду, — тихо сказала Алевтина. — Мама вся в работе, а мне адаптироваться придется к новой жизни, новому городу, языку. Новых друзей я вряд ли завести смогу, у меня и здесь с дружбой не густо, а там вообще полный крах.

— А ты не тушуйся. Аль, придешь в новый класс, сразу бери быка за рога. Я тебе помогу летом создать образ крутой российской девчонки, да за тобой все французские парни бегать будут.

— Если ты у них что-нибудь отнимешь, — пошутил Димон и сразу получил от Люськи подзатыльник.

— Алька, настраивайся на позитив. Это ж Париж! Пари-и-и-иж...

— Предлагаю оставить Люську в кафе, а самим пойти в кино, — сказал я. — Она сейчас все равно далеко отсюда. Эй, — Я потянул сестру за локоть. — Ау! Мы в Москве, а не в Париже. Просыпайся, конечная остановка «Хватит грезить».

— А-а-ай, — отмахнулась Люська. — Нет в вас романтической жилки, не умеете мечтать.

Фильм закончился в полночь, мы поймали такси, доехали до деревни, и прежде чем зайти в дом, немного посидели на скамейке возле крыльца. Стрекотали сверчки, пели птицы, находиться на улице было приятно. Нас обдувал прохладный ветерок, Люська продолжала грезить Парижем — я так чувствую, это надолго, — а мы просто сидели, не думая ни о чем.

Париж-Париж... А что Париж, у нас ничуть не хуже, если ты можешь позволить себе каждое утро есть круассаны с шоколадом, пить свежесжатый апельсиновый сок и наслаждаться шикарным видом из окна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Его Величество Случай!

Димон разбудил меня в восемь утра, сказал, чтобы я в темпе собрался и выходил на улицу.

— С одним человеком встретиться надо, он нас на манежке ждать будет. Глебыч, не копайся.

— Что за человек?

— О! Толян почти что гений. Не-е, я серьезно, без шуток, не в той стране просто живет, ему бы везения немного и в какую-нибудь Америку-Канаду податься. Толян за год миллиардером бы стал.

— А здесь миллиарды не судьба заработать?

— Здесь он под прессингом, Глебыч, развернуться не дают.

Заинтриговал меня Димон, что называется, попоной. На Манежную площадь мы приехали в начале десятого. Димон, заметив Толяна, рванул к фонтану.

— Глебыч, не отставай.

Не знаю почему, но пока мы ехали, я представлял Толяна молодым мужчиной в строгом

костюме, галстукe, дорогих туфлях и обязательно с деловой кожаной папкой. А еще виделось, как он постоянно поглядывает на часы, торопясь на важную встречу. Мечтам не суждено было сбыться, они, как и я, обломались, стоило воочию увидеть этого «гения».

Худой, длинноволосый, в потертых штанах, старомодной рубашке и сандалях, он смахивал на не совсем удачливого хиппи. Очки в пол-лица, прыщавое лицо, кольца на пальцах и пирсинг в носу окончательно убили во мне последнюю надежду, что передо мной стоит гений. Димон погорячился, в Штатах и Канаде Толян вряд ли бы стал миллиардером, да и у нас он не разбогател явно не из-за прессинга.

— Привет, Толян.

— Здорово, кореш, — голос у Толяна был противный, он тянул слова и зажевывал окончания.

— Знакомься, мой лучший друг — Глебьч.

— Хай, чувак! — Толян протянул мне мокрую ладонь. — Давайте сразу к делу, у меня мало времени.

— Ты узнал, о чем я просил?

— Фигня-вопрос, деньги с тобой?

Димон достал из кармана тысячу, протянул ее Толяну.

— Как договаривались.

— Ништяк, пацаны.

Я отвел Димона в сторону.

— Слушай, не нравится мне твой Толян, зачем мы здесь, за что деньги ему отдал?

— Все в порядке, Глебыч, Толян свой человек, он не подведет.

— Может, просветишь?

— Время-деньги, — крикнул Толян, прикурив сигаретку. — Чувачки, я ненадолго сюда забежал.

Димон хлопнул меня по плечу.

— Пошли, Глебыч, не пожалеешь.

Затянувшись, Толян выпалил:

— Короче, тема следующая: в больничке вашей есть оперативный доступ к электронным стационарным картам пациентов.

— Что это значит?

— В больнице есть структурированная кабельная система и локальная вычислительная сеть. Доступ к ней организован в пределах основного учреждения и располагавшихся на территории медкомплексов. Проще говоря, чтобы не было лишнего гемора, с помощью этой системы осуществляется обмен данными между подразделениями больницы.

— То есть, что-то типа базы данных?

— Ну да. Любой врач в любое время может через комп получить доступ к электронным стационарным картам пациентов, узнать результаты анализов, проводимых обследований и все в таком духе.

— Без бумажной волокиты, — кивнул я.

— Точно, чувак, просек тему.

— Все врачи имеют доступ? — спросил Димон. — Во всех отделениях?

— Не сомневайся. Инфа заархивирована и доступна в электронном виде всем айболитам.

— Жаль, что мы не айболиты.

— Ниче, Димон, они тоже люди, нужны сведения, пошурши деньгами.

— Не-е, Толян, здесь это не прокатит.

— Как знаешь, ну че, я побежал?

— Давай, — Димон пожал ему руку, я просто махнул.

— Согласись, Глебыч, это уже кое-что, — сказал Димка, когда мы не торопясь, подошли к кафе купить холодной минералки.

— Предлагаешь дать взятку кому-нибудь из персонала, чтобы нам дали доступ к картам? Димон, нереально. Нас с лестницы спустят.

— Взятку? Я? Глебыч, да ты чего, я, потвоему, идиот? Нет, здесь надо действовать осторожно, с умом.

— С умом, — повторил я. — Умы бывают разные.

— Черные-белые-красные, — пропел Димон. — Ладно, поехали домой, чего-нибудь решим.

Решали долго, спорили, кричали друг на друга, браковали одни предложения и тут же выдвигали другие. В итоге, проспорив до четырех часов, Алиска спросила:

— Ребят, а в ординаторской есть компьютер?

Который раз соглашаюсь с утверждением, что все гениальное просто. Ординаторская! Ведь это именно то, что нам нужно.

— Алис, ты раньше не могла сказать про ординаторскую? — набросилась на нее Люська.

— Да только сейчас случайно вспомнила.

— Все! Перерыв. Ни о чем не думаем, ничего не обсуждаем. Появилась зацепка, пусть немного останется сырой, непроработанной, нам необходимо проветрить мозги. Вечером продолжим.

По большому счету и так все было ясно: надо проникнуть в ординаторскую и попытаться войти в базу данных. И без обсуждений понятно, дело рискованное, можно нарваться на

неприятности, а если пронесет и неприятности пройдут мимо, еще не факт, что удастся обнаружить эту самую базу.

Идти на «дело» предстояло мне и Люське, мне — потому что хорошо разбирался в компах, а Люська вытянула короткую спичку (она, Димон и Алиска тянули жребий).

Был ли я уверен в успешности нашего мероприятия? Не казалась ли мне эта затея, если не безумной, то хотя бы безрассудной? Не возникало ли мыслей дать задний ход, пока не поздно? Отвечу откровенно: такие мысли были, есть и, наверное, будут преследовать меня весь предстоящий день и ночь. Мы действовали не совсем правильно, не совсем законно, если уж говорить начистоту. Начали проводить расследование вполне невинно, детективы-любители, собирающие по крупицам информацию, и преследующие две цели. Первая цель: докопаться до правды. Цель вторая: помочь следствию.

А что получается теперь? Незаметно для самих себя, мы дошли до того, что собираемся незаконным путем проникнуть в ординаторскую, сунув нос в дела, нас не касающиеся.

— Глеб, не надо превращать нас в преступников, — говорила Люська, расправляясь с

шоколадкой. — Ты подменяешь понятия, так любого человека очертить можно. Разве мы ради удовольствия все затеяли, или наши действия причинят вред третьим лицам?

— Нас могут засечь, тогда начнутся проблемы.

— А могут и не засечь, тогда проблем не будет. Ну, я тебя убедила?

— Правильней было бы попросить разрешения взглянуть в карту Юлии. Не нам, а самой Юли. Не думаю, что врачи ответят отказом, в конце концов, это законное право пациента знать, чем он болеет, и как его лечат.

— Глеб-Глеб, ты забываешь одну деталь. Юля сейчас в панике, она втемяшила себе в голову, что больна и слова врачей в данном случае не помогут. Даже если они покажут ей результаты всех анализов, она им не поверит. У нее такая позиция: все вокруг сговорились и скрывают правду. Любые слова — лживые утешения. Слова врачей — лживы вдвойне. А от нас она ждет помощи, нам верит, и ее вера не должна быть подорвана твоими сомнениями в неправильности наших действий. В первую очередь мы помогаем человеку. Не улыбайся, мы действительно помогаем.

Она меня практически убедила, хотя в глубине души я по-прежнему продолжал считать, что

проникновение в ординаторскую (если оно вообще состоится) не прибавит нам очков.

— На войне все средства хороши, — продолжала разглагольствовать Люська. — Ты думаешь, настоящие детективы действуют только в рамках закона? Как бы не так! Да они на все пойдут, чтобы дело сделать. И подкупом не брезгуют, и взяточки кому надо раздают, а как иначе, Глеб, хочешь жить...

— ...умей вертеться. Слышал уже. Ладно, Люсь, проехали, убедила.

В больнице Юля сказала, что мы едва не столкнулись с Антоном.

— Он ушел минут за пять до вашего прихода. Ой, а зачем вы столько всего принесли? Мне не надо ничего.

— Как зачем, ты будущая мать, тебе питаться хорошо необходимо. Вот фрукты, вот сочок, пирожные.

— С ума сошли, мне нельзя пирожные.

— Да? А почему? Я думала все беременные обожают сладкое.

— Я даже чай без сахара пью, — улыбнулась Юля. — Привыкла уже, это у меня с детства.

— А как настроение, я смотрю, ты бодрячком держишься?

— Это я после Антона не успела маску радости снять. На самом деле дела плохи, меня тошнит сильнее обычного. Сегодня утром опять анализы брали, на узи водили. Я читала, что беременным вредно часто делать узи, а мне уже второй раз его делают. Неспроста это. Болею я чем-то, — у Юли увлажнились глаза.

— Все-все, не начинай. Раз делают узи, значит, так надо. На, съешь грушу.

— Помой ее сначала, — сказал я сестре.

Люська прошла в маленькую ванную, вымыла фрукты и присоединилась к нам.

— Юль, у нас появился план, как можно взглянуть на твой диагноз.

— Рассказывайте. — Красинская откусила грушу и скривилась. — Фу! Она слишком сладкая. Я не буду ее есть.

— Хорошо, что сладкая.

— Нет-нет, лучше яблочко давай, оно кисленькое.

Выслушав нас, Юля одобрительно закивала.

— Только прятаться под кроватью вам совсем необязательно. В палате же ванная комната есть, там посидеть можете, врачи не заметят.

— А ты не знаешь, где у них ординаторская?

— Как из моей палаты выйдешь, сразу налево, там ниша есть, сворачиваешь и с левой стороны дверь. Это ординаторская.

— Интересно бы узнать, сколько человек там по ночам тусуется?

— Врач, медсестры, няньки.

— Это минус. Медсестры, няньки, — повторила Люська. — И выкурить их оттуда нельзя. Блин, обломаться можем. Глеб, не молчи.

— Как выкурить из кабинета медицинский персонал, я не знаю.

Люська взяла надкусанную Юлей грушу, хотела съесть, но Красинская вдруг закричала:

— Не надо, Люся, возьми другую.

— Почему?

— Неизвестно, чем я болею, вдруг заразишься.

— Слушай, будущая мамочка, кончай истерить. Юль, у тебя паранойя разовьется, давай-ка в руки себя бери.

Последний раз врач зашла в палату Юлии в восемь вечера. Сразу после ее ухода мы закрыли дверь, почувствовав себя в безопасности. Теперь предстояло дожидаться темноты и действовать по ситуации. Правда, ситуация виделась каждому своя: я опасался, что

ординаторская не опустеет, Люська боялась, что мне не удастся найти в компьютере нужную программу, а Юля боялась всего и сразу.

В двенадцать я несмело высунул голову в коридор. Тишина. В коридоре полумрак, и, что интересно, совсем не пахнет лекарствами. Нонсенс! Больница, и без соответствующего запаха.

— Что там? — шепотом спросила Люська.

— В коридоре чисто.

— Дай я выйду, до ординаторской прогуляюсь, — Люська надела белый халат — мы специально купили парочку в магазине медицинской техники, — собралась и вышла из палаты.

Юля в это время в очередной раз побежала в ванную. Ее опять тошнило, и она в тысячный раз заявила о своей редкой болезни. Я стоял в маленьком предбаннике, слышал, как выворачивало наизнанку Юлю, и в то же время прислушивался к тишине за дверью. Люська задерживалась, по моим подсчетам она уже трижды могла дойти до ординаторской и обратно. Высунувшись в коридор, увидел сестру.

— Глеб, засада! Из ординаторской слышны голоса, причем разговаривают не два человека. Думаю, их там трое-четверо.

Через час Люська повторила вылазку в коридор.

— Ну как? — спросил я, когда она вернулась.

— Вроде тихо.

— Вроде не годится, нужна стопроцентная гарантия.

Юля встала с кровати.

— Опять тошнит?

— Нет, — она мотнула головой, надела тапки и взяла со стула халат. — Я сейчас.

Юля сходила в ординаторскую, разведала обстановку, а заодно, чтобы не вызывать лишних подозрений, попросила таблетку от головной боли.

— Там Нина Борисовна. Это дежурный врач, хорошая женщина, мне она больше остальных нравится.

— Она одна?

— Одна.

— И сколько твоя Нина просидит в ординаторской, до утра?

— Не знаю, — Юля пожала плечами.

— А что хоть делает?

— За столом сидит, пишет. Компьютер рядом, он включен.

— Глеб, это шанс, — Люська потянула меня в коридор. — Надо установить за ординаторской

слежку, иначе никогда не узнаем, кто туда вошел и кто вышел.

Мы добежали до ниши, свернули, и Люська метнулась к выстроившимся возле окна большим кадкам с цветами. Растения оказались незаменимыми помощниками, прятаться за ними было легко, а главное, отлично просматривалась дверь ординаторской.

Минут через двадцать на этаже появились две молодые женщины и зашли они, конечно же, к Нине Борисовне. Чуть погодя туда же направилась полная пенсионерка в халате и белой медицинской шапочке на голове.

— Измена! — прошептала Люська. — Чаи гонять будут.

Час спустя пенсионерка вышла, за ней с пятиминутным интервалом ординаторскую покинула одна из женщин и Нина Борисовна.

— Вторая тетка там осталась, — Люська сжала кулаки. — Глеб, я взорвусь!

Минут через десять вернулась Нина Борисовна, а в начале четвертого врач и молодая медсестра покинули кабинет.

Не задумываясь, мы рванули вперед. Открыли дверь, я подбежал к компьютеру, сел за стол, Люська осталась на шухере.

Кликая мышью, я пытался отыскать нужную программу — не получалось. Время шло, Люська меня торопила, я нервничал, терзал мышь — результат прежний.

— Глеб, ну давай, напрягись, — молила сестра.

Она настолько увлеклась, что забыла выглядывать в коридор, итог оказался весьма плачевный, в кабинете появилась Нина Борисовна. Ее реакция была ожидаемой, и мне не оставалось ничего другого, как сказать правду. Ту правду, которую, по мнению Юлии от нее скрывают и врачи и Антон.

— Почему Юля сама не подошла ко мне? — спросила Нина Борисовна.

— Она вам не поверит.

— А вам, значит, поверит? Хорошо, — врач подошла к столу, кликнула пару раз мышкой, и на экране появился алфавитный указатель. В графу поиска она ввела фамилию «Самоненко», нажала «Enter» и комп завис. Пришлось искать карту через указатель. На «С» было множество фамилий, шрифт мелкий, Нина Борисовна стала искать очки. Я наклонился к монитору, пробежался глазами по строчкам с фамилиями и отыскал нужную.

— Вот Самоненко.

— Вижу, — Нина Борисовна открыла электронную карту. — Чего смотришь, шпион-недоучка, иди, зови сюда Юлию. Ну, не медли. Или думали, я скандал устрою, а скандала не будет. Я вас поняла, поняла мотивы, поняла настроение Юлии. Зови-зови, не стой столбом.

Я выбежал в коридор, у меня сильно колотилось сердце, к горлу подступил комок. В палате я все рассказал Юле, и прежде чем мы вышли, попросил об одолжении.

— Юль, ты можешь перед самым уходом разыграть недомогание? Очень нужно, чтобы Нина Борисовна минуты на две-три вышла из ординаторской.

— Я попробую, — неуверенно ответила Красинская.

Нина Борисовна подвела Юлю к столу.

— Садись, паникерша, читай. Здесь собраны результаты всех анализов, ультразвуковых исследований, заключения врачей. Убедись, что ты всего-навсего беременна. Но беременность протекает с небольшими осложнениями, не опасными для твоей жизни, но, во избежание ненужных проблем, тебя решили положить на сохранение. А тошнота и недомогание... Дорогая моя, большинство будущих мам через это проходят.

— Я же говорила, — улыбнулась Люська.

Юля жадно впитывала электронные строчки, а потом разревелась.

— Все-все, быстренько успокоились. Юля, марш в палату, а завтра я с тобой серьезно поговорю о твоих юных друзьях-следопытах.

— Нина Борисовна, они не виноваты, это я... Я просила помочь. Ой, — Юля вскрикнула, согнулась, схватившись о дверной косяк. — Голова кружится, и опять тошнит.

Нина Борисовна с Люськой повели Юлю в палату, я молнией метнулся к столу, закрыл Юлину карту, на экране снова появились фамилии на букву «С». Кликнув на одну из них, я на минуту-полторы выпал из реальности. Нет, это не совпадение, это не может быть совпадением.

...Было без нескольких минут четыре, когда Нина Борисовна проводила нас до лифта, сказав, что выйти из больницы мы можем через приемное отделение.

— Вот таких людей я уважаю, — сказала Люська на улице. — Не стала поднимать кипиш, не топала ногами, не звала охрану. Вошла в положение, все поняла, объяснила. К таким людям тянутся, их любят, ценят. Глеб, ты чего

молчишь? Я говорю, Нина Борисовна, нормальной теткой оказалась, согласен?

— Это жесть, Люсь!

— О чем ты?

— Жесть! — повторил я, протянув сестре шлем.

В деревню мы приехали в пять утра. Все спали, но лишь до появления в доме Люськи. Уже через пять минут и Димон, и Алиса, и Алевтина сидели в гостиной. Сонные, встревоженные.

— С Глебом непорядок, — сообщила им Люська. — Как вышли из больницы, он слова не проронил. Глеб, не пугай нас, — она стала трясти меня за руку. — Глеб!

— Жесть! — повторил я третий раз, приготовившись рассказать, на какую информацию совершенно случайно наткнулся в ординаторской.

Говорил я эмоционально, громче, чем следовало, вспоминая свое состояние, когда увидел на экране монитора фамилию «Салахова». Взгляд выхватил ее из списка фамилий произвольно, я искал знакомую Самоненко, и вдруг увидел не менее знакомую Салахову. Решив проверить, та ли эта Салахова М. А., попросил Юлю разыграть внезапное недомогание,

а стоило Нине Борисовне выйти, открыл электронную карту пациентки. Это не было совпадением, я действительно читал стационарную карту Салаховой Маргариты Анатольевны — нашего школьного психолога. И все бы ничего, в конце концов все мы люди и время от времени у каждого появляются какие-нибудь болячки, но... Девятого июня Маргарите Анатольевне была сделана операция по прерыванию беременности, проще говоря, Салаховой сделали аборт. Я не дочитал до конца историю ее болезни, поэтому не могу сказать, какие медицинские показания вынудили Маргариту избавиться от ребенка, но точно помню фразу: **«В анамнезе: инсулинозависимый сахарный диабет, 1-й тип, среднетяжелое течение, хронический гастрит, хронический панкреатит...»**. Остальное уже не так важно. Перед глазами мелькало только одно: *«инсулинозависимый сахарный диабет»*. Маргарита Анатольевна больна диабетом, а еще до недавнего времени она была беременной.

Алевтина прижала к телу мягкую подушку, не в силах разговаривать. Люська с Алисой были поражены и шокированы не меньше, а Димон вдруг вскрикнул:

— Е-мое! Глебыч, Маргарита ездит на красной мазде. Красная машина! Красная, вруба-етесь?

Я давно уже во все врубился, не подкачали и остальные. Неясным оставались некоторые аспекты, которые, впрочем, вскоре были разъяснены и разложены по полочкам.

У Алевтины случилась истерика. Ее отпаивали водой, валерианой, давали валидол, и даже предложили вызвать «скорую». Она упорно мотала головой, а когда приступ пошел на спад, выпалила:

— Я во всем виновата. Я! В тот день, я же ходила к Маргарите Анатольевне. Мы с ней разговаривали, я сказала, что поменялась дежурством с Тоней, что собираюсь переписать тесты, она была в курсе всего.

— Зачем ты к ней пошла, зачем рассказала правду?

— Я последние полгода ходила в ее кабинет через день. Она мне помогала, помогала успокоиться, прийти в себя, я всегда чувствовала облегчение, делилась с ней абсолютно всем. Маргарита была моим доктором, а перед ними не должно быть секретов. Но я же не знала, что она убийца, — Алька закрыла глаза.

— Ты с ней делилась всем, а она решила жестоко тебя подставить.

— Зачем?

— У нее поинтересуйся. И ты нам ничего не сказала, ни словом не обмолвилась, что Маргарита в курсе событий.

— Забыла. Или даже не забыла, а просто вылетело из головы, после убийства папы у меня все смешалось: дом—школа—кабинет психолога. Сейчас очень хорошо помню, — Аля вытерла слезы. — Прозвенел звонок, я спустилась вниз; зашла к Маргарите, мы поговорили, я немного прогулялась и пошла в наш класс.

— Стойте, — закричала Алиса. — А как связать с Маргаритой поджег? Мы ведь решили, что он связан с попыткой убийства Варвары Витальевны.

— Связан! — Алевтина сорвалась на крик. — Господи, опять я виновата. Я кругом виновата, от меня одни неприятности, я приношу окружающим несчастья.

— Дим, садани ее хорошенько по щеке, пусть в себя придет, — Люську начало раздражать поведение Али. — Сколько можно ныть, говори уже внятно, не тяни. Видишь же, все на взводе!

— Она позвонила мне на мобильный, спросила, когда точно приезжает мама. Потом о делах начала интересоваться, и я...

— Ну?!

— Вас не было дома, мне было грустно, одиноко... Ребят, я не сказала ей всего, только чуть-чуть поделилась новостями.

— Та-а-ак, — протянула Люська. — Вот и запахло жареным.

— Аля, что ты ей сказала? — Алиса протянула Алевтине носовой платок.

— Про наше расследование.

— Кто тебя просил?! — вспыхнул Димон.

— Дим, тихо, — я знаком показал ему, чтобы он сел на место. — Продолжай, Аль.

— Про нож в моей сумочке умолчала.

— Хоть на это мозгов хватило.

— И про след крови на обивке не упомянула. Просто обмолвилась, что появились улики, мы собираемся отнести их на экспертизу, и скоро преступник окажется за решеткой.

— Ее не удивило, что мы вдруг решили заниматься расследованием?

— Вроде нет, она даже удачи нам пожелала.

— А потом решила сжечь улики и нас впридачу. Браво! Алька, ты молодец, вспоминаешь все

задним числом. Тебе действительно врачу показаться надо, только не психологу, а мозгоправу хорошему. Пусть встряхнет тебя, как следует.

— Люсь, умолкни. Алька ни в чем не виновата.

— Ну да, она сливала этой гадине информацию, а ты ей орден вручи за это.

— Не сливала, а делилась наболевшим.

— Ах, теперь это так называется? Понятненько. Учту, на будущее.

— Аля не могла знать, что Салахова убийца, не кати на нее бочку.

— Люсь, — у Альки снова задрожал голос. — Ну что мне сделать, чтобы вы мне поверили и простили?

— Вспомнить все и сразу. Напряги память, может еще чего-нибудь всплывет на поверхность. Ты ключики от квартиры Салаховой случайно не давала? А то вдруг отдала и запамятовала.

Алька опустила голову. Я подтолкнул Люську к дивану.

— Ладно, — сказала она, сев рядом с Алевтиной. — Проехали. Аль, не принимай мои слова близко к сердцу, я импульсивная. Сначала говорю, а потом думаю.

— А чаще вообще не думаешь, — сказал я.

— Бывает, не думаю вообще, — не стала возражать Люська. — Такой уродилась. Алька, не обижайся, — они обнялись и заревели обе.

Глядя на эту картину, всхлипнула и Алиска.

— Не вздумай! — предупредил я. — Хватит слез, давайте лучше решать, как с Салаховой быть?

— Быть или не быть — вот в чем вопрос, — не к месту ляпнула Люська.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Действуй, Аля!

Услышав стук дверцы, Алевтина вышла на крыльцо, махнув рукой Маргарите Анатольевне.

— Здравствуйте. Долго меня искали?

— Да нет, ты подробно маршрут объяснила, — Маргарита Анатольевна осмотрелась. — Ах, как красиво у вас, сколько яблонь, вишен. Слушай, в таких условиях и поболеть, наверное, приятно?

— Нет уж, я больше болеть не хочу.

— Как нога?

— Пока с палочкой хожу, но уже практически не хромаю.

— Заживет, — Маргарита Анатольевна подошла к Але вплотную, положила руку ей на плечо, улыбнулась. — Ты одна, Ах?

— Ребята в город уехали, я сразу вам позвонила, поговорить срочно надо.

— Загадочная ты сегодня, что-нибудь случилось?

— Давайте пройдем в дом.

— Тебе нужна моя помощь? — допытывалась Салахова, следуя за Алевтиной. — Опять проблемы с концентрацией внимания, а ты делаешь упражнения?

— Садитесь, Маргарита Анатольевна, — Алька кивком указала психологу на диван, а сама пересекла гостиную, встав возле окна. — Память больше не подводит, и на внимание не жалуюсь.

— Вот видишь, я говорила, отдохнуть тебе надо. А почему сама не садишься, Аль, садись, чего с больной ногой стоять.

— Маргарита Анатольевна, в день, когда ранили Варвару Витальевну, меня кто-то серьезно подставил, — выпалила Алевтина.

Лицо Маргариты вытянулось, взгляд сделался удивленным, настороженным.

— В каком смысле, подставил?

— Неизвестный проник в квартиру и подбросил в сумочку окровавленный нож. Тот самый нож, которым пытался убить Варвару Витальевну.

— Аля, ты отдаешь отчет своим словам, что ты говоришь? Такого не может быть!

— Но это было, Маргарита Анатольевна, более того, я сохранила нож, он у меня. А помните, я рассказывала вам про наше расследование?

— Э-э, да, ты что-то говорила, вроде вы с ребятами...

— Не хотите узнать о наших успехах?

— А у вас есть успехи? — осипшим голосом спросила Салахова.

— Убийца все просчитал, он продумал свои действия на несколько ходов вперед, но одна осечка все же случилась. Кровь!

— Прости, что?

— Я говорю, кровь!

— Не понимаю тебя, — Маргарита Анатольевна натянуто улыбнулась, правая ладонь произвольно коснулась прически, пальцы дрогнули.

— На дверной обивке преступник оставил след своей крови, порезался, когда открывал замок. Рану заметил не сразу, а когда обратил внимание на кровь, наверное, даже не понял, откуда она взялась.

— Почему ты уверена, что кровь принадлежит преступнику?

— А кому, по-вашему, она еще может принадлежать?

— Например, тебе.

— Поэтому мы и отдали кусочек дерматина на экспертизу.

— Что значит, отдали, кому? Кто согласится проводить настоящую экспертизу?

— У Глеба есть родственник в органах, полковник, он и помог.

Маргарита Анатольевна сглотнула, ей стало жарко, она сняла с шеи розовый шелковый шарфик и подошла к открытому окну.

— Аль, ты прям страсти какие-то шпионские рассказываешь: нож, следы крови, экспертиза. Неужели вы действительно думаете, что сможете найти преступника?

— А мы его уже нашли, Маргарита Анатольевна, — сказала Алька и только сейчас поняла, что боится Салахову больше смерти. Ей страшно находиться с ней в одной комнате, страшно смотреть ей в глаза, страшно разговаривать. Алька даже сделала несколько шагов по направлению к выходу, на всякий случай, хотя пока повода для серьезных волнений нет. И может не быть вовсе, если Алевтина вовремя остановится и закончит разговор с психологом.

Слова Альки Маргарита Анатольевна восприняла за браваду.

— Нашли преступника? Вы?! Извини, я не верю.

— И тем не менее, Маргарита Анатольевна, это так. Сначала узнали, что кровь принадлежала человеку, страдавшему сахарным диабетом...

Салахова вздрогнула.

— Потом удалось выяснить, что женщина, — Аля специально сделала ударение на слове *женщина*, — на момент проникновения в мою квартиру была беременна.

Салахова на миг прикрыла глаза. Алье показалось, что Маргарите плохо и та вот-вот упадет в обморок, но все обошлось. Тряхнув головой, психолог засмеялась. Нервно. Сипло. Воинственно.

— Хорошую работу проделали, — сказала она, взяв с дивана сумочку. — Только зачем ты позвонила мне, я, чем могу помочь?

Алевтина молчала минуты полторы, никак не могла решиться, она вспотела, голова раскалывалась от боли, было трудно дышать. Но все-таки Алька решилась и на повторный вопрос Салаховой, какую помощь она может оказать, выпалила:

— Чистосердечное признание! В какой-то мере оно облегчит вашу вину, Маргарита Анатольевна. Я знаю, Варвару Витальевну пытались убить вы, вы принесли мне нож, вы

проникли в реанимацию, вы облили бензином мой дом и чиркнули спичкой. А еще мне известно, что у вас сахарный диабет и девятого июня в клинике вам был сделан...

— Замолчи! — сорвалась на крик Салахова. — Что ты несешь, девчонка! Ты окончательно спятила, лишилась рассудка. Мне изначально следовало отказаться от общения с тобой, ты больна, и тебе уже никто не поможет. Ты постепенно сходишь с ума, и очень скоро тебя придется изолировать от нормальных людей.

— Проще говоря, вам бы этого очень хотелось. Не выйдет, Маргарита Анатольевна, я уже не так внушаема, как раньше. И с памятью у меня порядок, вам это известно. А улики против вас существуют неопровержимые, нет смысла отнекиваться. Вы и сегодня умудрились выдать себя. На вопрос, долго ли искали мой дом, ответили, что нашли его сразу. А я ведь изначально по телефону назвала вам неправильный номер дома. У нас здесь нет шестьдесят восьмого дома. Но вас это не смутило, не смутил и тот факт, что вы припарковали машину возле дома номер двадцать, даже не удосужившись посмотреть на табличку. С чего бы это, Маргарита Анатольевна?

Салахова продолжала смотреть в пол.

— А я отвечу за вас. Вам уже было прекрасно известно, где я живу, вы приезжали ко мне ночью с канистрой бензина.

— Ты ничего не докажешь, — прошипела Салахова.

— Улик достаточно.

— Блеф!

— А как же кровь?

— Вы не профессионалы, вы кучка малолетних дилетантов. Кто вам поверит, что на каком-то куске дерматина действительно моя кровь.

— Проводился анализ.

— Да что ты говоришь? Анализ! Плевать я хотела на анализ. Девочка, ты и шайка твоих друзей — полные профаны, вы рано радуетесь. Были в квартире на момент обнаружения следов крови правоохранительные органы? Нет. Присутствовали ли понятые? Опять нет. И наконец главное, как ты докажешь, что кусок дерматина со следами якобы моей крови находился в твоей квартире на твоей двери. Ты могла взять этот кусок где угодно, да хоть в школе, у нас тоже есть двери, обитые дерматином. Признай, девочка, ваши улики не стоят выведенного яйца. Да, у меня диабет, да, я была в клинике, ну и что? Кровь моя,

но где ты ее раздобыла — это еще надо выяснить. На том и буду стоять, — Маргарита Анатольевна перекинула сумочку через правое плечо и подошла к двери. — И запомни. Хорошенько запомни на будущее, Аля, не тягайся силами с тем, кто сильнее тебя. Борьба может плохо для тебя кончиться.

— Уже уходите, Маргарита Анатольевна, — путь Салаховой преградили Димон и Люська. Они вышли из соседней комнаты.

— Вы?!

— Мы.

— Все слышали? Тогда не будем повторно толочь воду в ступе. Отойдите с дороги.

— А мы еще не все вам сказали, — я появился на лестнице, секунду спустя за моей спиной нарисовалась Алиска.

— А-а, вся компания в сборе. Детективы малолетние. Славно потрудились, жаль, что не получится из вас героев. Как это у вас говорится, лоханулись вы, ребятки.

— Вы уверены? — я спустился вниз, подмигнул Алевтине и облокотился спиной о шкаф в прихожей. — Возможно, с кровью мы действительно сгупили, и при обнаружении пятна первым делом следовало вызвать полицию,

но Алька рассказала не обо всех уликах. Есть еще одна, самая главная.

— Бомба, а не улика, — усмехнулся Димон.

— Ваши пальчики обнаружили на рукоятке ножа, — сказала Люська.

— Ложь! Я была... — Салахова пошатнулась, сжала кулаки и стиснула зубы.

— В перчатках, — усмехнулась Люська. — Вы это хотели сказать?

Психолог развернулась и толкнула входную дверь. Но почти сразу же вскрикнула, интуитивно подавшись назад. На крыльце, дымя сигареткой, стоял Евгений Вячеславович.

— Доброго времени суток, — поздоровался он, пройдя в прихожую. — Я не помешал? А то проходил мимо, слышу, Аля с кем-то разговаривает, решил послушать. И так заслушался, что не преминул зайти в гости.

— Это еще кто? — взвизгнула Маргарита.

— Тот самый полковник, о котором вам Алевтина рассказывала, — улыбался Евгений Вячеславович.

— Пустите меня, я хочу уйти, — Салахова попыталась оттолкнуть полковника, но его слова ее остановили.

— Идите, далеко все равно не уйдете. Мы вас найдем... Татьяна Олеговна.

Салахова сделала глубокий вдох, а выдохнуть смогла с большим трудом. Мы тоже были поражены словами полковника, а Евгений Вячеславович, продолжая улыбаться, прошел в гостиную.

— Вы правы, — сказал он, расположившись в кресле. — Ребята сгупили, по неопытности, по незнанию дела. Следы крови, поджог, незаконное проникновение в квартиру — мы не можем вам инкриминировать. Увы!

Маргарита Анатольевна внимательно слушала полковника, впитывая каждое его слово.

— Но помимо этих улик, существуют показания самой Варвары Витальевны. И здесь, Татьяна Олеговна, вам выкрутиться не удастся.

— Чьи показания? — едва слышно спросила Салахова.

— Женщины, которую вы дважды пытались отправить на тот свет.

— Евгений Вячеславович, — не выдержал Димон. — Варвара Витальевна пришла в себя?

— Два дня назад. С ней беседовали, она все рассказала. Рассказала даже больше, чем мы

рассчитывали. Вы меня понимаете, Татьяна Олеговна?

— Почему вы называете ее Татьяной Олеговной? — спросила Люська.

— Так ее назвала ваша учительница. Мы проверили. Информация подтвердилась. — Евгений Вячеславович встал, подошел к Салаховой, взял ее за плечи и подвел к дивану. — Разговаривать лучше сидя, госпожа Авдеева.

Маргарита Анатольевна закрыла лицо ладонями.

— Авдеева? — я ничего не понимал, голова шла кругом.

— Авдеева, — кивнул полковник, покосившись на школьного психолога. — Таня Авдеева — лучшая ученица, золотая медалистка, гордость школы. Поступила в институт, через пять лет получила красный диплом и специальность психолога. Потом аспирантура, и в двадцать четыре года перед ней были открыты все двери, но она почему-то предпочла пойти по скользкой дорожке. На суде вы сказали, всему виной жажда наживы, — Евгений Вячеславович наклонился к Салаховой. — Я ничего не путаю?

— Замолчите! Замолчите!..

— Нет, я молчать не буду. Я расскажу этим юным энтузиастам историю вашего знакомства с их классным руководителем. — И повернувшись к нам, полковник продолжил. — Татьяна Авдеева состояла в банде мошенников, занимающихся грабежом пенсионеров, в основном участников Великой Отечественной войны. Дело было поставлено на поток. У каждого существовали свои четкие обязанности, Татьяне Авдеевой отводилась роль психолога. Именно она применяла приобретенные знания в «работе» с доверчивыми пенсионерами. Обработывала их так, что те чуть ли не сами несли ордена, медали и накопленные деньги. Ловко она пудрила им мозги, после ее психологической обработки некоторые пенсионеры долго не могли оправиться. А приходя в себя и понимая, что из дома пропало самое ценное, некоторые умирали от инфарктов и инсультов. Такая же участь постигла и мать Варвары Витальевны. У нее были похищены медали и все сбережения, она не смогла этого пережить — скончалась через три дня в больнице от обширного инфаркта.

Маргарита Анатольевна продолжала закрывать лицо ладонями. Полковник сделал небольшую паузу, потрепал меня по волосам и снова заговорил.

— Через полтора года мошенники оказались на скамье подсудимых. Тогда и произошло знакомство Авдеевой и Варвары Витальевны. Татьяне дали семь лет, освободили через пять за примерное поведение. А через год она опять попала за решетку на восемнадцать месяцев. Потом вышла, решила начать жизнь с чистого листа, приобрела поддельные документы на имя Салаховой Маргариты Анатольевны и устроилась на работу в школу. Только кажется мне, работа школьного психолога была временной передышкой.

— Не верите, что я могла измениться? — с усмешкой спросила Салахова.

— Не верю! — жестко ответил полковник. — Несколько украденных и выреченных за продажу орденов и медалей миллионов так и не были обнаружены. Вы и подельники отложили их на черный день, поэтому вы сейчас и шикуете, ни в чем себе не отказывая. Вряд ли на зарплату школьного психолога можно жить на широкую ногу. А, Маргарита Анатольевна?

— А как так получилось, что она и Варвара Витальевна оказались в одной школе?

— Банальнее совпадение. А самое интересное, они сначала не узнали друг друга.

Салахова так вообще не помнила в лицо Варвару, а ваша классная последний раз видела ее двадцатисемилетней девушкой. С тех пор прошло двенадцать лет.

— Но потом Варвара Витальевна ее узнала, да? — спросила Алиса, прижавшись ко мне.

— Узнала. И сразу вспомнила умершую от инфаркта мать, нахальное лицо Авдеевой, сидевшей на скамье подсудимых и...

— И что? — я посмотрел на Евгения Вячеславовича. — Что за этим последовало?

— Варвара Витальевна совершила большую ошибку.

— Она тоже пошла не тем путем, — прошептала Маргарита Анатольевна. — Она вынудила меня на крайние меры. А я ведь не хотела ее убивать...

...Варвара Витальевна ее узнала, и первым желанием было устроить грандиозный скандал. Рассказать всем, кем на самом деле является психолог Салахова. А еще Варвара Витальевна рассудила так, раз у Авдеевой новое имя, значит, она снова замышляет очередную аферу.

Безденежье сильно давит на психику, оно угнетает, раздражает и зачастую люди,

которые всегда шли в ногу с законом, ради обогащения сворачивают в другую сторону. В сторону беззакония.

Осенью Варвара Витальевна начала на дачном участке долгожданное строительство двухэтажного брусового дома. Это строительство было мечтой всей жизни, на него откладывалось с каждой зарплаты, с каждого аванса на протяжении целого десятилетия. В августе был залит фундамент, весной должны были ставить дом. Варвара Витальевна решила, что Авдеева-Салахова может оказаться хорошим вкладчиком в ее строительство. Попросту говоря, она занялась шантажом. Деньги за молчание. За молчание о прошлом Авдеевой, за молчание о существовании поддельных документов на чужое имя, за молчание о правде.

Ежемесячно на протяжении полугода Салахова приносила в кабинет биологии тугие конверты.

Занимаясь своими прямыми обязанностями, Маргарита Анатольевна тесно работала с Алевтиной Нефедовой — старшеклассницей, потерявшей осенью отца. Девушка пережила сильное нервное потрясение, вследствие чего стала рассеянной, невнимательной, внушившей самой себе — не без помощи бесчувственных

одноклассников, — что страдает тяжелым психическим заболеванием и теряет память. Салахова занималась с Алей, пыталась помочь — и помогала, прогресс все-таки был, — а потом в какой-то момент внезапно поняла, что Алевтина Нефедова может стать марионеткой в ее руках. И рассеянность с невнимательностью и забывчивостью окажут в данном случае неоценимую услугу.

Покончить с шантажом Салахова задумала еще в начале весны, но прекрасно знала, Варвара Витальевна просто так не отстанет. Она никогда не простит смерть матери, следовательно, придется либо стать пожизненной вкладчицей, что Салахова исключала в принципе, либо решаться на радикальные меры.

В мае во время очередной беседы Алевтина в ярости заявила, что ненавидит Варвару. Зажмурилась, потом быстро открыла глаза, заморгала и сказала, что иногда возникает желание садануть биологичку по башке чем-нибудь тяжелым.

Начало было положено. Именно тогда Маргарита Анатольевна решила, что избавится от Варвары руками Алевтины Нефедовой. Для этого требовалось убить Варвару Витальевну —

ударить по голове тяжелым предметом — и подбросить этот предмет в сумочку Нефедовой.

Ключи из Алиной сумки Салахова вытащи-ла за месяц до того рокового дня, именно тогда стала носить с собой и порошок с сильнодействующим снотворным эффектом.

Но планы несколько изменились. После уроков Алевтина пришла к психологу, сказала о своем намерении во время уборки ответить на тест-вопросы, снова заговорила о плохой памяти, всплакнула. Стакан с разведенным порошком Аля получила из рук Маргариты спустя пятнадцать минут. Выпила. Вроде полегчало.

В класс она пришла уже сонная, уставшая, прошла в лаборантскую.

Маргарита позвонила Варваре, попросив ту срочно прийти в школу. Место встречи — класс биологии.

Она предвкушала скандал, устроенный Варварой, когда та застанет Алю за исправлением контрольной работы. Ей этот скандал был на руку, и Алевтина должна была хорошенько его запомнить. Запомнить как свершившийся факт.

И ничего, что выскочившую из кабинета Альку видела историчка, а потом, она же

разговаривала с Варварой. Ведь когда Нефедова сознается в убийстве, слова исторички окажутся пустыми, ну, убежала, а разве Аля не могла вернуться обратно? Конечно же, могла. А главное — вернулась. Таков был план.

Аля помчалась домой, бросила в комнате сумку и рухнула на кровать. Спать хотелось жутко, глаза слипались, все плыло и звенело. Алевтина уснула богатырским сном. А в это время в школе...

Маргарита Анатольевна зашла в класс биологии — Варвара поднимала стулья на парты, — попросила пройти в лаборантскую, сказав, что принесла деньги. Избавиться от Варвары Салахова собиралась, нанеся удар по затылку стоявшей на подоконнике вазой. Но в лаборантской увидела нож. Ей показалось, что так будет верней и надежней.

В семь вечера окровавленный нож был подброшен в сумочку Нефедовой. Все, первый акт закончился.

Второй должен был начаться несколько дней спустя, когда Маргарита ожидала увидеть в кабинете встревоженную Алевтину. Нефедова обнаружит окровавленный нож, потом узнает об

убийстве классного руководителя, сопоставит эти факты и впадет в панику. У нее и так нервы расшатаны, бежать не к кому, совета спросить не у кого: мать в командировке, друзей нет, остается один выход — кабинет психолога. А Маргарита Анатольевна уж сделает все от нее зависящее, чтобы из школы Алевтина прямиком отправилась к следователю с чистосердечным признанием. Она даже посоветует, что именно сказать, как правильно повиниться. Короче говоря, наставит на путь «истинный». И Аля сделает все в точности так, как скажет Салахова, потому что профессиональный психолог приложит все усилия, нажмет на все нужные кнопки, но своего добьется.

А Аля не пришла, у нее появились друзья — и это был первый удар. Вторым оказалось известие о ранении Варвары Витальевны. Ранении, а не смерти.

Позже, решив прощупать почву, Салахова позвонила Алевтине, и та поведала о расследовании, уликах — правда, не уточнила каких, — и прочих делах насущных. Адреса деревни у Салаховой не было, но была машина и титаническая выдержка: три дня она караулила у подъезда Глеба, и он там объявился.

Через пару часов Глеб отправился за город. Маргарита сидела на «хвосте», узнав в итоге, где обосновались подростки. Поджог совершала с целью уничтожения не только улик, но и обитателей дома.

Не вышло. Так же неудачей обернулось проникновение в реанимацию. Неудачей для Салаховой и большой удачей для Варвары Витальевны.

А потом последовало приглашение Алевтины, приезд в деревню и столкновение нос к носу с Евгением Вячеславовичем.

...Она во всем созналась, у нее не оставалось выбора, Авдеева-Салахова была прижата к стенке. Не без помощи юных детективов. Пусть и не профессионалов, зато сумевших распутать преступление во время своих поистине экстремальных каникул.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вот и лето прошло...

Остаток каникул мы провели более-менее спокойно. Во всяком случае: погонями не увлекались, в засадах не сидели, сбором улик и проверкой алиби подозреваемых не занимались. Зато много гуляли допоздна, ходили в кино, засиживались в кафешках, оттягивались на дискотеках.

В конце августа зарядили дожди, стало прохладно, от летнего настроения почти ничего не осталось, приближался новый учебный год.

Две недели назад Алька с мамой улетели в Париж. Мы их провожали, и в аэропорту Аля призналась, что хотя каникулы и были несколько необычными, она все равно рада нашему общению. Потом, как и полагается, девчонки развели сырость, начали обниматься-целоваться, обещали писать друг другу письма, высылать фотки по инету, часто переговариваться по скайпу.

А все-таки быстро закончилось лето, девяносто дней каникул пролетели как один миг.

— Да ладно тебе, Глебыч, — говорил Димон. — Зато столько событий произошло.

Вот в этом он прав, на события лето было щедрым. Кстати, о них, о событиях...

Маргариту Анатольевну будут судить, Евгений Вячеславович сказал, она может сесть лет на десять. Думаю, это справедливо.

Варвара Витальевна после выписки быстро пошла на поправку. Я не знаю точно, понесет ли биологичка какое-нибудь наказание за шантаж — с одной стороны, она была жертвой, с другой — шантажисткой, — но первого сентября наша классная будет вести уроки. Вчера она лично сообщила об этом девчонкам — Люська с Алисой ходили ее навестить.

Сегодня звонила Юля, приглашала всех в субботу на день рождения. Двадцать один год! Надо будет обязательно сходить, Люська уже намылилась завтра съездить за подарком. Будет на дне рождения и Антон, правда, не знаю, в каком качестве: в качестве будущего мужа или друга. Когда открылась, скажем так, не совсем красивая история с похищением, Красинский с женой, вопреки ожиданиям Юли, впали в бешенство. Кирилл Тимофеевич в порыве злости даже заявил, что не хочет больше видеть дочь,

мол, отказывается поддерживать с ней всяческие отношения.

Но молнии профессор метал недолго, все улеглось, устаканилось, блудная дочь была прощена и принята в семью. А вот Самоненко...

К Антону Красинские относятся настороженно, они не против его общения с Юлей, принимают парня у себя дома, не высказывают в открытую неудовольствия, но... Но и видеть в нем зятя не спешат. Как сказала Ирина Матвеевна, пусть сначала родится ребенок, а потом можно будет подумать о свадьбе. На этот раз всегда рассудительная, прагматичная профессорская жена решила поставить все с ног на голову.

А сразу после Юлиного звонка к нам пришли Димон и Алиска.

— Глебыч, хочешь сильно удивиться?

— Я хочу, — ответила вместо меня Люська.

— И ты удивишься, — Димон протянул Люське газету. — Читай на предпоследней странице.

— Я чувствовала, нечто подобное должно было произойти, — сказала Алиска, пройдя в комнату.

— Читай вслух, — попросил я сестру.

— Про что читать, Дим, про льготы пенсионерам?

— Другая страница, Люсь. Фотка знакомая, а? Что скажешь?

— Ох ты! — присвистнула Люська. — А он все-таки похож на батана, я сразу Альке об этом сказала.

Внизу страницы были помещены фотографии Станислава и Ольги, а рядом имелась статья, в которой говорилось о двух мошенниках, сумевших организовать секту, вытрясти из сектантов деньги и скрыться в неизвестном направлении. Органы занялись этим делом после получения заявления одной из жертв мошенников, некой Веры Борисовой.

— Старая знакомая, — хмыкнула Люська. — Недолго Вера наслаждалась гармонией. Совсем у людей мозгов нет, пускают сами себя по миру, а потом плакаться начинают. На что хотите готова поспорить, не найдут ни Стаса, ни Ольгу. Они теперь на прихваченные деньги новый дом гармонии организуют, и имена поменяют, и тактика будет другой.

— Когда-нибудь проколются, — сказал я. — Не бывает вечной прухи.

— А может, займемся разоблачением Стаса? — полушутя спросила Алиса.

— Да ну, — отмахнулась Люська. — Для нас это слишком мелко.

— Нам бы сейчас какое-нибудь серьезное дело раскрыть. Мощное! — выпалил Димон.

— Еще скажи международного масштаба.

— А что, Глебыч, ты исключаешь такую возможность?

— Ближайшее время — да. Через неделю в школу топать.

— Опять школа, — простила Люська, бросив газету на столик. — Я отдохнуть от нее не успела, а она уже замаячила на горизонте.

— А школа расследованию не помеха, — не успокаивался Димон. — Спорим, до Нового года мы втянемся в расследование?

— Время покажет.

— Нет, Глебыч, давай поспорим.

— Я согласна с Димкой, — у Люськи загорелись глаза. — И тоже хочу принять участие в споре.

— Не буду я спорить.

— Глебыч, что, слабо?

— Не бери меня на слабо.

— Значит, слабо.

Мы вышли на улицу, пошли в сторону парка, а Димон с Люськой продолжали на меня

наседать со своим спором. Пришлось сдаться под их бешеным напором.

— Отлично! — возликовала Люська. — А теперь такое предложение, сейчас идем за мороженым, потом рванем в кино, и я поделюсь кое-какими идеями насчет Юли и Антона. Появились мысли, как ускорить процесс притирания Антона с Красинскими и погулять на свадьбе.

— Обычно твои идеи до добра не доводят, — засмеялась Алиска.

— Ну и что, зато они доведут Юльку с Антоном до свадьбы! Для этого нам понадобятся цветные мелки, веревка, дрессированная собака, пара клоунов и кто-нибудь из родственников Красинских. Идея суперская!

И снова перекрикивая друг друга, споря и прикалываясь, мы погрузились в привычную для нас атмосферу драйва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Страшные выходные Альки Нефедовой.....	3
Глава вторая. Презумпция невиновности...	34
Глава третья. Я знаю твою тайну... ..	65
Глава четвертая. Крутые виражи.....	86
Глава пятая. Переизбыток гармонии.....	115
Глава шестая. Время последнего визита...	139
Глава седьмая. Настоящий полковник....	165
Глава восьмая. Пожар и другие неприятности... ..	189
Глава девятая. Встреча с Юлей и мечты о Париже.....	218
Глава десятая. Его Величество Случай!....	238
Глава одиннадцатая. Действуй, Аля!.....	261
Глава двенадцатая. Вот и лето прошло...	281

Литературно-художественное издание

Таинственные приключения

Ситников Юрий

ЭКСТРИМ НА КАНИКУЛАХ

Повесть

Для детей младшего и среднего школьного возраста

Ответственный за выпуск В. В. Иалева

Редактор О. С. Бондаренко

Технический редактор О. Ю. Соловей

Подписано в печать 10.01.2013. Формат 84х108 1/32.

Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 7,62. Тираж 3050 экз. Заказ 3071.

Общество с ограниченной ответственностью «Букмастер».

ЛП № 02330/0003917 от 08.04.2011.

Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск.

Государственное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

